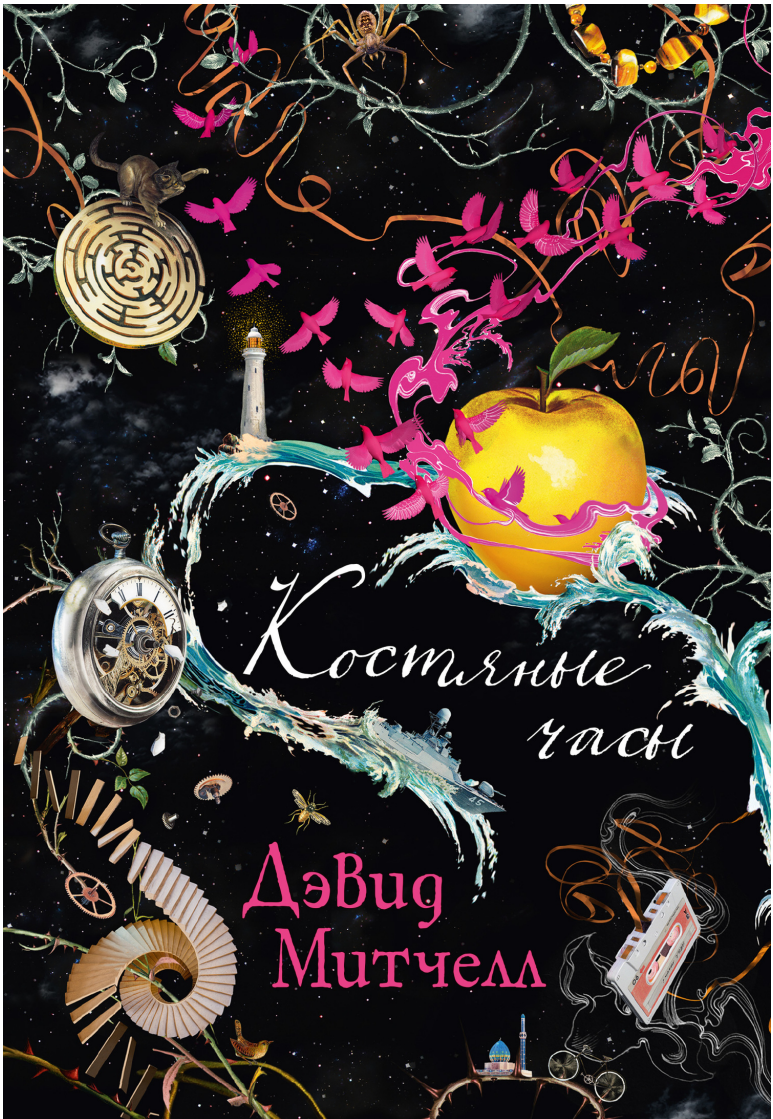
Костяные часы
Дэвид Митчелл

Дэвид Митчелл
Костяные часы
Серия «Большой роман»

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50179750
Костяные часы: Иностранка, Азбука-Аттикус; М.; 2020
ISBN 978-5-389-17809-0

Аннотация

В новом переводе и с дополнительными материалами – великолепный роман современного классика Дэвида Митчелла, дважды финалиста Букеровской премии, автора таких интеллектуальных бестселлеров, как «Сон № 9», «Облачный атлас» (недавно экранизированный Томом Тыквером и братьями Вачовски), «Голодный дом» и другие. В «Костяных часах» Митчелл продолжает и развивает темы, затронутые в «Облачном атласе» и углубленные в «Голодном доме». «Прекрасная история, прекрасный язык, все прекрасно, – писал о „Костяных часах“ Стивен Кинг. – Один из лучших романов года, ничуть не уступающий долгожданному „Щеглу“ Донны Тартт по литературной глубине». «Триумфальное, ошеломительное, головокружительное путешествие по всему миру, – вторила ему в своей рецензии маститая Урсула Ле Гуин. – Пугающие темные глубины „Костяных часов“ дерзко скрыты

за остроумными фокусами и словесными кружевами, которые сплетает неподражаемый рассказчик Дэвид Митчелл».

Итак, познакомьтесь с главной героиней: «Холли Сайкс, простая английская девушка, ничем не уступает Холдену Колфилду» *(Booklist)*. Однажды жарким летним днем она сбегает из дому: своенравный подросток, бунтарка с разбитым сердцем, невольная пешка в тайном глобальном конфликте. Когда-то она слышала голоса «радиолюдей» – теперь же тайна одного потерянного уик-энда аукнется в различные ключевые моменты ее жизни. И год за годом она ломает голову, что же имел в виду семилетний братишка Джеко, вручив ей картонку с «инфернальным лабиринтом» и велев заучить его наизусть: «Когда идешь по этому лабиринту, Мрак неотступно следует за тобой…»

«„Костяные часы“ – превосходная работа мастера, которую с удовольствием можно читать и как литературную загадку, и как необыкновенную историю жизни обычной женщины на протяжении шести бурных десятилетий» *(San Francisco Chronicle)*.

Содержание

Жаркие денечки. 1984 18
30 июня 18
1 июля 88
2 июля 163
Смирны горькой запах благой… 1991 183
13 декабря 183
20 декабря 221
23 декабря 248
29 декабря 270
Конец ознакомительного фрагмента. 289

Дэвид Митчелл
Костяные часы

Для Ноя

David Mitchell
THE BONE CLOCKS
Copyright © 2014 by David Mitchell
All rights reserved
This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK and The Van Lear Agency

© А. Питчер, перевод, примечания, 2019
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство ИНОСТРАНКА®

* * *

Я считаю Чехова своим святым покровителем. Конечно, так думают многие писатели, но я читаю Чехова каждый год. Он напоминает мне о том, что самое главное в литературе – это не идеи, а люди. Очень люблю Булгакова. Он достаточно популярен в англоязычном мире. Булгаков очень изобретателен, и у него большое «чеховское» сердце. Например, Набоков

тоже изобретателен, но у него «платоновское» сердце. Его волнуют идеи, а не люди. Ну и конечно же, Толстой. Например, «Анна Каренина» – 700 страниц, но не скучно ни на секунду, Толстой умудряется оставаться увлекательным даже на такой большой дистанции.
Дэвид Митчелл

Сравнения Митчелла с Толстым неизбежны – и совершенно уместны.
Kirkus Reviews

Митчелл – один из лучших писателей современности.
San Antonio Express-News

Гениальный рассказчик. Возможно, именно Дэвид Митчелл окажется наиболее выдающимся британским автором нашего времени.
Mail on Sunday

Прекрасная история, прекрасный язык, все прекрасно. Один из лучших романов года, ничуть не уступающий долгожданному «Щеглу» Донны Тартт по литературной глубине.
Стивен Кинг

Великолепно… триумфальное, ошеломительное, головокружительное путешествие по всему миру. Пугающие темные глубины «Костяных часов» дерзко скрыты за остроумными фокусами и словесными кружевами, которые сплетает неподражаемый

рассказчик Дэвид Митчелл.
Урсула Ле Гуин

Дэвид Митчелл не столько нарушает все правила повествования, сколько доказывает, что они сковывают живость писательского ума.
Дин Кунц

Дэвиду Митчеллу подвластно все.
Адам Джонсон (лауреат Пулицеровской премии)

Дэвид Митчелл давно и по праву считается одним из лучших – если не самым лучшим современным писателем, который способен держать читателя в напряжении каждой строчкой и каждым словом…
Джо Хилл

Околдовывает и пугает… истинное мастерство рассказчика заключается в том, что Митчелл пробуждает в читателе неподдельный интерес к судьбе каждого из героев.
Scotland on Sunday

Дэвида Митчелла стоит читать ради замысловатой интеллектуальной игры, ради тщательно выписанных героев и ради великолепного стиля.
Chicago Tribune

Дэвид Митчелл – настоящий волшебник.
The Washington Post

Ошеломляющий фейерверк изумительных идей… Каждый новый роман Митчелла глубже, смелее и занимательнее предыдущего. Его проза искрометна, современна и полна жизни. Мало кому из авторов удается так остроумно переплести вымысел с действительностью, объединить глубокомыслие с веселым вздором.
The Times

Митчелл – непревзойденный литературный гипнотизер. Как жаль, что в обычной жизни так редко встречаются изящество и воодушевление, свойственные его романам. Он пишет с блистательной яркостью и необузданным размахом. Воображаемый мир Митчелла радует и внушает надежду.
Daily Telegraph

В каждой строчке сквозит жизнеутверждающая энергия. Эта поистине сказочная книга – необъятный пир воображения.
Sunday Mirror

Тщательно выписанные калейдоскопичные картины, триумф воображения… захватывающий сюжет ни на миг не дает расслабиться… поклонники «Облачного атласа» и других романов Митчелла наверняка будут очарованы.
Daily Express

В «Костяных часах» Митчелл продолжает и

развивает темы, затронутые в «Облачном атласе». Расширяя и увязывая воедино разрозненные части мира, созданного неуемным воображением автора во всех его прошлых книгах, роман повествует о Холли Сайкс, обычной девушке, и о случайных встречах, которые во многом определяют ее жизнь и судьбу. Холли – не только центральный персонаж и сюжетный стержень романа, но и символ нового, неожиданно фантастического направления в творчестве писателя.
Los Angeles Times

Великолепно. Совершенно очевидно, что утверждения о «смерти романа» прошли мимо автора. Митчелл пишет с яростным напряжением и сосредоточенной бодростью, наслаждаясь каждым словом и отыскивая «кроличьи норы» в, казалось бы, обыденном существовании… Его шестой роман объединяет классический реализм удивительных приключений во множестве исторических пластов с экстремальными допущениями «Облачного атласа», стирая границы между происходящим в обычном английском пабе и головокружительными авантюрами бессмертных существ… Редко кто сможет в одном романе убедительно изобразить речь австралийских аборигенов, описать жизнь после катастрофических изменений климата и задаться вопросом, страдают ли киты от неразделенной любви. Очень немногие способны одновременно поразить воображение

читателя и задеть его до глубины души.
The New York Times Book Review (Editor's Choice)

Неимоверно притягательно… феерически смешно… диковинная смесь повседневности, готического ужаса и апокалиптических фантазий. Очередной пример безграничного таланта Митчелла.
The Washington Post

Чудесный роман, блуждающий по странам, культурам и времени, не вмещающийся в жанровые рамки, буйный, но в то же время сдержанный, одурманенный жизнью, но сознающий ее ценность и быстротечность, так же как и «Облачный атлас», совершенно очаровывает читателя.
O: The Oprah Magazine

Богатый событиями и подробностями, смешной, печальный и пугающий, роман «Костяные часы» – превосходная работа мастера, которую с удовольствием можно читать и как литературную загадку, и как необыкновенную историю жизни обычной женщины на протяжении шести бурных десятилетий.
San Francisco Chronicle

Митчелл – один из самых бодрящих авторов. Каждый его роман отправляет читателя в увлекательнейшее путешествие. В «Костяных часах» путешествия и приключения и вовсе невероятные…

Натуральное волшебство.
The Boston Globe

«Костяные часы» – отличная иллюстрация того, что все мы не только герои нашей жизни, но и крохотные шестеренки в огромном и удивительном механизме. Роман выстроен со скрупулезной изысканностью, как и предыдущие книги Митчелла, с многочисленными и запоминающимися персонажами и великолепным сложносплетенным сюжетом.
Entertainment Weekly

Дэвида Митчелла бесспорно можно назвать самым многогранным и разноплановым среди всех писателей его поколения. Он пишет стильнее Джонатана Франзена, его сюжеты стройнее, чем у Майкла Шейбона, повествование глубже и сложнее, чем у Дженнифер Иган, а мастерством он не уступает Элис Манро… Роман «Костяные часы» преподносит читателям драгоценный дар – вызывает желание читать не отрываясь.
The Atlantic

Холли Сайкс, простая английская девушка, ничем не уступает Холдену Колфилду… Роман по праву станет одной из самых значимых книг года; «Костяные часы» великолепны во всех своих явных и скрытых смыслах.
Booklist

Чарующая сага Митчелла – еще одно доказательство

тому, что хорошо рассказанная история способна не только пленить нас, но и остановить время.
Vanity Fair

Просто чудо… В «Костяных часах» без обмана описана настоящая, узнаваемая жизнь. Книга читается на одном дыхании, жадно, с затаенным возбуждением, потому что в ней ощущается подлинное сочувствие и сопереживание главной героине, Холли Сайкс, ее страданиям, горестям и способности к самопожертвованию. Как говорится в романе, нас определяет то, что мы ценим превыше всего. Иногда это жизнь. Иногда – любовь. И столь же высокой оценки достойна эта книга.
The Miami Herald

Триумф таланта, воображения и изумительного стиля Дэвида Митчелла.
People

Ошеломляющая грандиозность… Мастерство рассказчика «Костяных часов» неподражаемо.
Time

Восхитительная игра воображения… внимательный читатель насладится и искусными хитросплетениями сюжета, и красотой языка.
The Plain Dealer

История рассказана с ловкостью фокусника-чревовещателя. Можно с уверенностью сказать, что

читатель, перевернув последнюю страницу, захочет перечитать книгу еще раз.
USA Today

Чертовски занимательная книга… неистовая, смешная, волнующая… просто шедевр. Митчелл не признает границ жанра, он странствует во времени и в пространстве, создает увлекательнейшие загадки и творит литературное волшебство. «Костяные часы» – один из его лучших романов.
Esquire

Митчелл – прекрасный писатель. Один из секретов его популярности и заслуженной славы заключается в том, что его творчество совмещает неудержимый полет воображения гениального рассказчика с приземленным реализмом истинного гуманиста. Его романы находят отклик у всех, будь то любители традиционного реалистичного повествования, постмодернистского нарратива или фантастических историй.
The New Yorker

Митчелл – писатель даже не глобального, а трансконтинентального, всепланетного масштаба.
New York

На сегодняшний день «Костяные часы» – самый лучший и значительный роман Митчелла, искусно сплетенное повествование, непрерывное, как лента Мёбиуса, которое можно с наслаждением читать и

перечитывать до тех пор, пока автор не напишет новую книгу.
Financial Times

Здесь многогранное писательское мастерство Митчелла проявилось во всей красе: всеобъемлющее воображение, способность воссоздавать голоса бесчисленных персонажей из разных мест, времен и культур, глубокое проникновение в характеры детей и точное описание их поведения, а также неподражаемое чувство языка – звука, ритма, интонаций и стиля.
The New York Times

«Костяные часы», как и другие романы Дэвида Митчелла, – грандиозное, значительное и прекрасно сконструированное произведение. В сущности, это рассказ о судьбе одной-единственной женщины, Холли Сайкс. Именно ее жизнь является связующей нитью для всех остальных историй в «Костяных часах», и это придает книге глубокий смысл, подчеркивая радости и печали обыденного существования.
The Millions

Благодаря литературным талантам Митчелла роман «Костяные часы» не укладывается в рамки строго определенного жанра; его читаешь с увлечением, а необычность и оригинальность изложения заставляет задуматься.
Mashable

Для сторонников движения по борьбе с изменениями климата роман «Костяные часы», возможно, станет своего рода манифестом. Последствия необдуманного развития современной экономики в нем описаны столь же ярко и убедительно, как менталитет коммунистического общества под надзором Большого брата в романе Джорджа Оруэлла «1984».
The Washington Post

Такие персонажи, как Холли, напоминают нам, что жизнь слагается из историй, а то, как мы их рассказываем и как они затрагивают сердца людей, неизбежно влияет на истории, которые возникнут в будущем.
Milwaukee Journal Sentinel

Здесь проявились лучшие грани писательского мастерства Митчелла: легкость изложения, увлекательный сюжет и безграничное воображение.
Slate

«Костяные часы» искрятся, завораживают и вдохновляют.
The Daily Beast

Новый роман Митчелла не укладывается ни в какие жанровые рамки. Он не поддается определению, и мало будет назвать его «обширным эпическим полотном»…
The Huffington Post

В «Костяных часах» есть все, чего читатель ждет от книг Дэвида Митчелла: интересные персонажи, широкомасштабный антураж и разные временны́е срезы, необычные идеи и уникальная манера изложения.
BuzzFeed

Увлекательное, трогательное повествование о времени, техническом прогрессе и даже о «судьбах мира».
The Dallas Morning News

Опасное фантастическое путешествие по странам и эпохам. Поклонники «Облачного атласа» по достоинству оценят захватывающее, головокружительное повествование.
Marie Claire

Феерическое, дерзкое, смелое и восхитительное произведение.
The Observer

Эпическое повествование… охватывающее, как и «Облачный атлас», целые эпохи и обнажающее скрытые механизмы истории человечества.
GQ

Метафизический триллер-предостережение, с глубоко человечной, узнаваемой и привлекательной

героиней.
Vogue

Писатель в самом деле не мелочится – из заснеженных швейцарских Альп он бросает своих многочисленных героев в охваченный войной Багдад, а после – в Лондон, Канаду, постапокалиптическую Ирландию… Еще богаче обстоит дело со стилистикой – в романе найдется место и для пародии, и для мистики, и для детектива, и для социальной драмы, и даже для религиозной философии… А в качестве бонуса для фанатов – несколько неожиданных и приятных приветов из «Облачного атласа».
Галина Юзефович

Я хочу продолжать писать! Почему по-настоящему хорошие, многообещающие произведения пишут тридцатилетние писатели, которые в свои шестьдесят не всегда могут создать нечто столь же потрясающее и великолепное? Может, им мешает осознание собственного выхода на пенсию? Или они когда-либо сотворили безумно популярное произведение, а потом строчили все менее качественные дубликаты своего же успеха? А может, просто нужно быть *жадным и всеядным* в чтении, в размышлениях и в жизни, пока вы еще на это способны, и тогда каждый ваш роман будет лучше предыдущего. Я на это надеюсь.
Дэвид Митчелл

Жаркие денечки. 1984

30 июня

Распахиваю шторы в спальне; за окном – иссохшее небо, широкая река, полная кораблей, лодок и всего такого, но я думаю только о шоколадных глазах Винни, о струйке пенистого шампуня у него на спине, о каплях пота у него на

плечах, о его лукавой усмешке, и сердце прямо заходится, и, господи, как же все-таки жаль, что я проснулась в своей дурацкой спальне, а не в квартире Винни на Пикок-стрит. Вчера вечером слова сами сорвались у меня с языка: «Боже мой, Вин, я так тебя люблю!», а Винни, выдыхая облачка дыма, ответил ужасно похоже на принца Чарльза: «Должен признать, что с вами весьма приятно проводить время, Холли Сайкс», а я хохотала как сумасшедшая, чуть не описалась, хотя, если честно, немножко обидно, что он так и не сказал: «Я тоже тебя люблю». Ну, бойфренды всегда скрывают всякие нежные чувства за дурацкими шуточками, так во всех журналах пишут. Жаль, что прямо сейчас нельзя ему позвонить. Хорошо бы изобрели такие телефоны, по которым можно говорить с кем хочешь, откуда хочешь и когда захочешь. Винни, в кожанке, на которой серебряными заклепками выбито «LED ZEP», сейчас наверняка уже оседлал свой «нортон» и едет на работу в Рочестер. Вот в сентябре, как мне исполнится шестнадцать, он меня обязательно прокатит на своем «нортоне».

Кто-то внизу с силой хлопает дверцей буфета.

Ма. Больше у нас никто не смеет так хлопать.

«А вдруг она все знает?» – вредничает внутренний голос.

Нет. Мы с Винни осторожничаем. Даже чересчур.

У нее просто климакс, у ма. В том-то все и дело.

На вертушке стоит пластинка *Talking Heads*, альбом «Fear

of Music»[1], и я опускаю иглу. Этот альбом Винни купил мне на вторую субботу после нашего знакомства в музыкальном магазине «Мэджик бас рекордз». Пластинка просто улет. Особенно мне нравятся «Heaven» и «Memories Can't Wait»[2], но, вообще-то, в этом альбоме нет ни одной слабой вещи. Винни ездил в Нью-Йорк и был на концерте *Talking Heads*. А приятель Винни, Дэн, работал там в охране и после концерта провел его за кулисы, так что Винни тусовался с самим Дэвидом Бирном и всей его командой. Если он на будущий год снова туда поедет, то возьмет меня с собой. Я одеваюсь, разглядывая засосы и размышляя, что хорошо бы и сегодня вечером пойти к Винни, но сегодня он едет в Дувр, на встречу с приятелями. Мужчины терпеть не могут, когда женщины ревнуют их к друзьям, и я каждый раз притворяюсь, будто мне все равно. Моя лучшая подруга Стелла смоталась в Лондон порыться в секонд-хенде на Кэмденском рынке. А меня ма не пустила, мол, рановато мне ездить в Лондон без взрослых. И вместо меня Стелла взяла с собой Эли Джессоп. Значит, сегодня придется пылесосить бар, то еще развлечение. Ну что ж, зато заработаю свои законные три фунта карманных денег, тоже неплохо. Потом еще нужно хоть немного позаниматься – на следующей неделе уже экзамены. Вообще-то, плевать я хотела на неполное среднее, вот сдам пустые листы, покажу этой дурацкой школе, куда ей засунуть и

[1] «Боязнь музыки» (*англ.*).

[2] «Рай», «Воспоминания не ждут» (*англ.*).

теорему Пифагора, и «Повелителя мух», и жизненный цикл червей. Запросто!

Вот именно. Может, так и поступлю.

Внизу, на кухне, все дышит холодом, как в Антарктиде.

– Доброе утро, – говорю я, но только Джеко поднимает голову и смотрит на меня с подоконника, где он вечно сидит и рисует.

Шерон валяется на диване в зале, смотрит какой-то мультик. Папа в коридоре разговаривает с парнем из доставки – у нашего паба урчит грузовик пивоварни. Ма крошит на доске яблоки и делает вид, что меня не слышит. Мне полагается спросить: «В чем дело, ма? Что я такого сделала?», только на фиг мне эти детские игры. Она же наверняка заметила, что я вчера поздно вернулась. Вот пусть сама на эту тему и заговаривает. Кладу в плошку брикеты «Витабикс», заливаю молоком и ставлю на стол. Ма с грохотом накрывает кастрюлю крышкой и подходит ко мне:

– Так. Ну и что ты скажешь в свое оправдание?

– Да, ма, с добрым утром. Сегодня тоже будет жара.

– Что ты намерена сказать в свое оправдание, барышня?

Если нечего сказать, притворись невинной овечкой.

– А что говорить-то? И насчет чего? Можно поточнее?

Она смотрит на меня не мигая, как змея.

– Ты в котором часу домой вернулась?

– Ну, чуточку опоздала. Извини.

– Два часа – это не «чуточку». Где ты была?

Я продолжаю жевать «Витабикс».

– У Стеллы. Забыла на часы посмотреть.

– Вот как? Очень странно. Очень и очень странно. В десять часов вечера я позвонила матери Стеллы, хотела выяснить, где тебя черти носят, и догадайся, что она мне ответила? Что ты ушла, когда и восьми еще не было. Так кто из вас врет, Холли? Ты или она?

Вот вляпалась.

– Ну и что? Я, когда ушла от Стеллы, решила еще немного прогуляться.

– И куда же завела тебя твоя прогулка?

Четко выговаривая каждое слово, я отвечаю:

– На берег, вот куда.

– И куда же ты двинулась по берегу – вверх по течению или вниз?

Я выдерживаю паузу, потом спрашиваю:

– А это так уж важно?

Из телевизора доносятся мультяшные взрывы. Ма кричит сестренке:

– Выключи немедленно, Шерон! И иди к себе. Дверь за собой закрой.

– Так нечестно! – возмущается Шерон. – Ты Холли ругаешь, а я что, крайняя?

– Быстро, Шерон. И ты тоже, Джеко. Мне нужно… – Но Джеко уже исчез. Когда наконец уходит и Шерон, ма снова

бросается в наступление: – И гуляла ты в одиночестве?

Откуда это отвратительное ощущение, что она хочет меня на чем-то подловить?

– Ага.

– И далеко ты забрела, гуляя в одиночестве?

– Тебе в милях сказать? Или лучше в километрах?

– А может, твоя прогулка привела тебя прямиком на Пикок-стрит, где живет некий тип по имени Винсент Костелло? – (Кухня плывет перед глазами, а за окном, на том берегу, в Эссексе, кто-то – палка, палка, огуречик, получился человечек – сводит с парома свой велосипед.) – Что, все слова растеряла? Ну, давай я тебе подскажу, напомню: вчера в десять вечера ты, в одной майке стоя у окна, опускала там жалюзи.

Да, я действительно спускалась на кухню, за пивом для Винни. Да, я действительно опускала жалюзи на окне, что выходит на улицу. Да, кто-то действительно проходил мимо. «Расслабься, – сказала я себе тогда. – Ну, шляется кто-то под окнами, он же тебя все равно не знает». Ма явно рассчитывает, что я сломаюсь. Но я и не подумаю.

– Ма, тебе б не официанткой работать, а в МИ-пять шпионов ловить.

Она бросает на меня фирменный гневный взгляд Кэт Сайкс:

– Сколько ему лет?

Теперь уже я складываю руки на груди:

– Не твое дело.

Ма прищуривает глаза:

– Насколько мне известно, двадцать четыре.

– Раз ты и так знаешь, зачем же спрашивать?

– Потому что подобные отношения двадцатичетырехлетнего мужчины и пятнадцатилетней школьницы – это преступление. За это его запросто можно посадить.

– Мне в сентябре исполнится шестнадцать. А полиции Кента и без него есть кем заняться. И вообще, я уже взрослая, сама могу решать, с кем вступать в «подобные отношения», а с кем нет!

Ма вытаскивает сигарету из красной пачки «Мальборо», прикуривает. Мне тоже до смерти хочется курить.

– Вот я скажу твоему отцу, он с этого Костелло кожу заживо сдерет.

Ну, это фигушки: папе, как и всем хозяевам пабов, и впрямь порой приходится выпроваживать из бара разбуянившихся пьянчужек, только он совсем не тот человек, который способен содрать с кого-то живьем кожу.

– Брендану, между прочим, тоже было пятнадцать, когда он бегал на свидания с Менди Фрай, – говорю я. – И если ты думаешь, что они просто гуляли, держась за руки, то очень ошибаешься. Хотя я что-то не помню, чтобы ты ему хоть раз сказала, что его за это «запросто можно посадить».

Мать смотрит на меня и произносит четко, почти по слогам, точно разговаривая со слабоумной:

– Мальчики – это – совершенно – другое – дело.

Я презрительно фыркаю: да ладно тебе, ма!

– Значит, так, Холли, запомни: ты будешь встречаться с этим… торговцем автомобилями только через мой труп.

– Нет уж, ма! Фигушки! С кем захочу, с тем и буду встречаться!

– Так, новые правила. – Ма тычет окурком в пепельницу. – Я отвожу тебя в школу и привожу обратно. И из дому ты одна больше не выйдешь – только со мной, с отцом или с Бренданом и Рут. А если я хоть одним глазком еще раз замечу поблизости этого охотника за младенцами, то немедленно заявлю в полицию и потребую привлечь его к уголовной ответственности, вот Богом клянусь! А еще… еще я позвоню к нему на работу и расскажу, что он совращает малолетних.

Ползут огромные жирные секунды, в меня въедаются мамины слова.

Глаза пощипывает, но доставлять удовольствие этой миссис Гитлер я не намерена.

– У нас не Саудовская Аравия! Ты не имеешь права запирать меня в доме!

– Живешь под нашей крышей – подчиняйся нашим правилам. Я в твоем возрасте…

– Да, да, да! И было у тебя двадцать братьев, тридцать сестер, сорок бабушек-дедушек и пятьдесят акров картофельных полей, на которых с утра до ночи нужно было копать картошку, потому что такова была жизнь в вашей хреновой

Ырландии, черт бы ее побрал! Но здесь-то Англия, ма, Англия! И на дворе восьмидесятые, и если уж жизнь была так прекрасна в вашем долбаном Западном Корке, в этом вонючем болоте, то на хрен ты вообще приехала в…

Хрясь! Она со всего маха хлещет меня по левой щеке.

Мы смотрим друг на друга; я вся дрожу от потрясения, а ма… в таком гневе я ее еще никогда не видела. И похоже, она понимает, что своими руками разрушила то, что восстановить уже невозможно. Я встаю и с видом победительницы молча выхожу из комнаты.

Конечно же, без слез не обходится, но я плачу скорей от шока, чем от обиды, потом успокаиваюсь и подхожу к зеркалу. Ну да, глаза зареванные, хотя, если чуточку подвести, заметно не будет. Теперь еще немножко помады, капельку румян… В общем, сойдет. И девушка в зеркале – точнее, молодая женщина с коротко подстриженными черными волосами, в майке с надписью «Quadrophenia» и в черных джинсах – говорит мне: «А у меня для тебя новости: ты сегодня переезжаешь к Винни». Я начинаю перечислять причины, которые не позволят мне так поступить, и умолкаю, чувствуя, как кружится от волнения голова, и одновременно испытывая какое-то странное спокойствие. «Да, – соглашаюсь я, – а еще я бросаю учебу. Вот прямо сию минуту». Теперь, когда летние каникулы на носу, школьный инспектор о прогулах не распердится, а в сентябре мне уже стукнет шестнадцать,

так что у меня будет полное право сделать ручкой нашей общеобразовательной «Уиндмилл-Хилл». Господи, неужели у меня действительно духу хватит?

Хватит. Ну, тогда пакуй вещи! Что с собой-то брать? А что влезет в спортивную сумку. Трусы, бюстгальтеры, майки, нейлоновая куртка-бомбер, косметичка, жестянка из-под бульонных кубиков «Оксо» с браслетами и ожерельями. Еще не забыть зубную щетку и пакет с тампонами – месячные у меня немного запаздывают и могут начаться в любую минуту. Деньги. Налички у меня накоплено 13 фунтов и 85 пенсов, купюрами и мелочью. Еще есть 80 фунтов на счете в банке «TSB». Понятное дело, за постой Винни с меня денег не возьмет, а на следующей неделе я найду себе работу. Бебиситтером, например, или на рынке, или официанткой – да всегда можно придумать, как заработать несколько фунтов. А вот что делать с коллекцией дисков? Я же не могу прямо сейчас перетащить их все на Пикок-стрит, зато ма вполне способна сдать их в «Оксфам», из вредности. В общем, беру только «Fear of Music», аккуратно заворачиваю пластинку в бомбер и укладываю в сумку так, чтоб не повредить. А остальные на время прячу в тайник, под расшатанную половицу, но когда снова прикрываю это место ковром, то чуть с ума не схожу от испуга: в дверях стоит Джеко и внимательно за мной наблюдает. Он все еще в пижаме с эмблемой «Тандербердов» и в шлепанцах.

– Мистер, как вы меня напугали! Просто чуть сердце не

выскочило!

– Ты уходишь, – заявляет Джеко своим потусторонним голосом.

– Да, но это между нами. И не волнуйся, я ухожу недалеко.

– Я тебе сувенир сделал. На память.

Джеко вручает мне картонный круг – тщательно распрямленную крышку от коробки из-под сыра «Дейрили» – с нарисованным на нем лабиринтом. Мой братишка просто помешан на лабиринтах; их полно в книжках серии «Подземелья и драконы», которыми они с Шерон зачитываются. Обычно Джеко придумывает до ужаса замысловатые лабиринты, а этот почему-то не очень сложный, состоит всего из восьми или девяти концентрических кругов, соединенных проходами.

– Бери, – говорит Джеко. – Это инфернальный лабиринт.

– По-моему, он совсем не страшный.

– «Инфернальный» значит «сатанинский», сестренка.

– И что же в нем такого сатанинского?

– Когда идешь по этому лабиринту, Мрак неотступно следует за тобой. Если он тебя коснется, ты перестанешь существовать. Один неверный поворот, ведущий в тупик, – и тебе конец. Поэтому ты должна выучить лабиринт наизусть.

Господи, да мой братишка тот еще фрик!

– Ладно, выучу. Спасибо тебе, Джеко. Слушай, мне нужно еще кое-что…

Он крепко сжимает мне запястье:

– Выучи лабиринт, Холли. И прости своего братишку-фрика. Прошу тебя.

Мне становится слегка не по себе:

– Мистер, вы как-то странно себя ведете…

– Дай слово, что затвердишь наизусть все перипетии этого лабиринта, чтобы отыскать путь даже в темноте. Прошу тебя!

У всех моих друзей младшие братья помешаны на игрушечных автодромах «Скейлекстрик», велосипедах «BMX» и наборах карточек «Топ трампз», почему же только у меня младший братишка мастерит лабиринты и употребляет слова «перипетии» и «инфернальный»? Господи, а вдруг он гей? Как же он тогда выживет в нашем Грейвзенде? Я ласково ерошу ему волосы.

– Ладно, обещаю непременно выучить твой лабиринт наизусть. – (После этих слов Джеко вдруг крепко-крепко обнимает меня, что совсем уж странно, потому что он не любит всех этих телячьих нежностей.) – Эй, ты чего? Я ведь совсем недалеко… Ты все поймешь, когда станешь постарше, а я…

– Ты переезжаешь к своему бойфренду.

Теперь я уже ничему не удивляюсь.

– Да.

– Береги себя, Холли.

– Винни очень хороший! Вот ма немного привыкнет к новой ситуации, и мы с тобой снова будем видеться, часто-часто. Ну, мы же часто видимся с Бренданом с тех пор, как он

женился на Рут, верно?

Джеко молча засовывает картонку с лабиринтом поглубже в сумку, еще раз печально смотрит на меня и исчезает.

На лестничную площадку второго этажа якобы случайно выходит ма с охапкой ковриков из бара, которые нужно вытряхнуть, – конечно же, нарочно меня поджидала.

– Я не шучу, Холли. Из дому тебе выходить запрещено. Немедленно вернись к себе. На следующей неделе экзамены. Тебе давно пора заняться повторением пройденного.

Я до боли стискиваю лестничные перила:

– Как ты там сказала? «Живешь под нашей крышей – подчиняйся нашим правилам»? Что ж, прекрасно. Мне не нужны ни твои правила, ни твоя крыша, ни твои пощечины, которые ты отвешиваешь, когда тебе вздумается. Ведь сама ты такого не стерпела бы, верно?

У нее как-то странно искажается лицо; если сейчас ма произнесет какие-то правильные слова, то мы с ней договоримся. Но нет, она просто замечает мою сумку, криво усмехается, словно не веря, что ее дочь способна на такие глупости, и заявляет:

– А ведь когда-то и у тебя были мозги!

Я как ни в чем не бывало спускаюсь по лестнице.

– Как насчет школы? – напряженным голосом спрашивает ма.

– Ну, если школа тебе так важна, сама там и учись!

– У меня, черт побери, никогда в жизни не было возможности учиться! Мне всю жизнь приходилось вкалывать! И паб содержать, и детей растить, и всех вас – и тебя, и Брендана, и Шерон, и Джеко – кормить, одевать-обувать, в школе учить, чтобы хоть вам потом не пришлось всю жизнь мыть туалеты, вытряхивать пепельницы и гнуть спину с утра до вечера, не имея возможности хоть раз лечь спать пораньше.

Что мне ее слова! Как с гуся вода. Я продолжаю медленно спускаться на первый этаж.

– Ну, ладно, иди-иди. Ступай. Узнаешь, какова жизнь на вкус. Не сомневаюсь, что через три дня твой Ромео вышвырнет тебя вон. Мужчину в девушке интересует вовсе не ее яркая индивидуальность, черт побери! Такого никогда не бывает.

Я делаю вид, что не слышу. Из коридора мне видна барная стойка и полки с фруктовыми соками. Шерон помогает папе обновить запасы прохладительных напитков и, ясное дело, все слышит. Я машу ей рукой на прощанье, и она машет мне в ответ, но как-то нервно. Из глубины подвала гулким эхом доносится голос отца, монотонно напевающий: «Ferry 'cross the Mersey»[3]. Пожалуй, лучше его во все это не вмешивать. И потом, сейчас он наверняка встанет на сторону ма. А завсегдатаям паба при случае скажет: «Только круглый дурак полезет разнимать дерущихся куриц!», а они согласно закивают, бормоча: «Верно говоришь, Дейв». Кроме того, хоро-

[3] «Паром через реку Мерси» (*англ.*).

шо бы убраться из дома, пока он еще не знает о наших с Винни отношениях. Не то чтобы я их стыдилась, просто не хочется ничего объяснять. Ньюки, как обычно, спит в своей корзинке.

– Ты самый вонючий пес в Кенте, – с нежностью говорю я ему, чтобы не разреветься. – Эх ты, чучело блохастое.

Чешу его за ухом, отодвигаю засов на боковой двери и выхожу в проулок Марло. За спиной со щелчком захлопывается дверь.

На Вест-стрит свет и тень сменяют друг друга резко, как на экране телевизора с неотрегулированной контрастностью, так что я надеваю темные очки, и мир вокруг становится феричнее, ярче и реальнее. В горле стоит колючий ком, меня всю трясет. Из паба никто не выскакивает, никто не догоняет. Ну и ладно. Мимо грохочет грузовик с цементом, обдает дымными выхлопами конский каштан, ветви раскачиваются, шелестят листвой. Пахнет нагретым гудроном, жареной картошкой и мусором недельной давности в переполненных мусорных баках – мусорщики снова бастуют.

Над улицей вьются какие-то пташки, чирикают и щебечут, как свистульки на шнурке, которые дарят на день рождения малышам – ну или когда-то дарили; в парке у церкви на Крукид-лейн мальчишки играют в прятки. «Держи его!» – «Вон он, за деревом прячется!» – «Да отпусти ты меня!» Малышня. Стелла говорит, что мужчины постарше – куда лучшие

любовники, чем наши с ней ровесники; с мальчишками, говорит она, мороженое на палочке тает сразу же, как окажется у тебя в руках. Только одна Стелла знает о Винни – она тоже там была, в «Мэджик бас рекордз», в ту самую первую субботу, когда мы с ним познакомились, – но Стелла умеет хранить тайны. Когда она учила меня курить, а меня все время тянуло блевать, она и не думала смеяться и никому ничего не сказала; именно от нее мне известно все, что нужно знать о мальчишках. Стелла – самая клевая девчонка в нашем классе, это точно.

Крукид-лейн резко уходит от реки вверх, а я сворачиваю на Куин-стрит, где чуть не попадаю под детскую коляску, которую толкает Джулия Уолкот. Ее малыш орет как резаный, а сама Джулия выглядит совершенно измученной. Когда она забеременела, ей пришлось бросить школу. Так что мы с Винни страшно осторожничаем; он не надел презерватива только один раз, самый первый, а я твердо знаю: наукой доказано, что девственница сразу забеременеть не может. Об этом мне тоже Стелла сказала.

Через Куин-стрит натянуты гирлянды флажков – словно в честь Дня независимости Холли Сайкс. Хозяйка магазина, торгующего шотландской шерстью, поливает цветы в висячих корзинках, а ювелир мистер Гилберт выставляет на витрину подносы с кольцами и перстнями. Мясники Майк и Тодд выгружают из задних дверей фургона безголовую ту-

шу свиньи, за которой виднеется еще десяток таких же туш на крюках. У библиотеки стоят с ведерками активисты шахтерского профсоюза, собирают деньги для забастовщиков, а люди из Социалистической рабочей партии держат в руках плакаты: «Уголь, а не пособие по безработице» и «Тэтчер объявляет войну рабочим». В их сторону катит на велосипеде Эд Брубек. Я ныряю в крытый рынок, чтобы Эд меня не заметил. В прошлом году он переехал в Грейвзенд из Манчестера, где его отец угодил в тюрьму за кражу со взломом и за «оскорбление действием». Друзей у Эда нет, и, судя по всему, обзаводиться ими он не собирается. Обычно в нашей школе такого никому не спускают, и один старшеклассник стал к нему прикапываться, но быстренько заработал расквашенный нос, после чего Эда оставили в покое. Он проезжает мимо, не заметив меня; к велосипедной раме прикручена удочка. Я иду дальше. У зала игровых автоматов бродячий музыкант играет на кларнете заунывный похоронный марш. Кто-то бросает в раскрытый футляр монетку, и парень тут же переключается на музыкальную заставку сериала «Даллас». Подхожу к магазину «Мэджик бас рекордз», заглядываю внутрь. В тот день я просматривала каталог на букву «эр», искала *Ramones*. А Винни утверждает, что сам он перебирал карточки на букву «ха», поскольку его интересовали «Халява», «Хипповый» и «Холли». В задней части магазина всегда висит несколько подержанных гитар. Вин умеет

играть первые аккорды «Stairway to Heaven»[4], но дальше пока дело не идет. Вот теперь, пока он на работе, я самостоятельно выучусь играть на его гитаре, и мы с ним соберем свою группу. А что такого? Тина Уэймут – девушка, а играет на бас-гитаре в *Talking Heads*. Представляю себе лицо ма, когда она, продолжая твердить «Она мне больше не дочь!», увидит меня в передаче «Вершина популярности». Все дело в том, что ма никогда никого не любила так сильно, как мы с Винни любим друг друга. Мои родители, правда, неплохо уживаются, но родня ма из Корка папу недолюбливает: во-первых, он не ирландец, а во-вторых, не католик. Мои ирландские двоюродные родственнички постарше любят напоминать, что Брендан был зачат еще до того, как ма вышла замуж за папу, но теперь-то они уже двадцать пять лет женаты, так что, по-моему, у них все не так уж и плохо. Но все же между моими родителями нет той удивительной связи, какая существует у нас с Вином. Стелла говорит, что мы с Вином – родственные души и просто созданы друг для друга.

Возле банка «Нат-вест» на Милтон-роуд я встречаю Брендана. Фу-ты ну-ты! Волосы зачесаны и напомажены, модный галстук с «огурцами», блейзер небрежно переброшен через плечо – можно подумать, мой братец – фотомодель, а не простой служащий фирмы «Стотт и Конвей». А как старшие сестры моих подруг на него западают – просто чума, дайте

[4] «Лестница в рай» (*англ.*).

ведро, меня сейчас стошнит. Брендан женат на Рут, дочери своего шефа, мистера Конвея; они расписались в городской ратуше и отметили событие роскошным приемом в загородном клубе «Чосер». Я не захотела быть подружкой невесты, потому что терпеть не могу платья, особенно такие, в которых выглядишь коллекционной куклой из серии «Унесенные ветром», так что все это удовольствие выпало на долю Шерон и племянниц Рут; а еще на свадьбу явилась толпа наших родственников из Корка. Брендан у ма «милый сыночек», а она для него – «милая ма», так что потом они будут в мельчайших подробностях обсуждать все, что он сейчас от меня услышит.

– Привет, – говорю я. – Как дела?

– Ничего, не жалуюсь. А как у нас в «Капитане»? Все нормально?

– Да, все отлично. У ма сегодня энергия бьет через край, и все фонтаном.

– Да ну? – озадаченно улыбается Брендан. – Это с чего же?

Я пожимаю плечами:

– Видно, с нужной ноги встала.

– Ну, это хорошо. – Он замечает мою спортивную сумку: – А ты никак путешествовать собралась?

– Не то чтобы. Иду к Стелле Йервуд повторять французский, остаюсь у нее ночевать. У нас на следующей неделе экзамены.

Брата явно впечатляет моя жажда знаний.

– Это ты молодец, сестренка!

– А как Рут? Ей получше?

– Не особенно. Одному Богу известно, почему это принято называть «утренней тошнотой», когда ей хуже всего как раз посреди ночи.

– А может, это мать-природа специально тебя закаляет перед рождением малыша? – говорю я. – Все эти бессонные ночи, ссоры, пеленки, рвота… Тут требуется выдержка.

Но Брендан на это не ведется.

– Наверное, – рассеянно произносит он.

Вообще-то, Брендана трудно представить в роли отца, и все же после Рождества он им станет.

Двери банка распахиваются, служащие входят внутрь.

– Вряд ли, конечно, мистер Конвей уволит своего зятя за опоздание, – говорю я, – но вы ведь в девять начинаете?

– Да, верно, мне пора. Ладно, до завтра. Надеюсь, к тому времени ты уже закончишь свой зубрильный марафон. Ма пригласила нас на обед. Ну, хорошего дня.

– Сегодня и так самый лучший день в моей жизни, – заверяю я брата, зная, что он в точности передаст ма мои слова.

Сверкнув неотразимой улыбкой, Брендан присоединяется к потоку людей в костюмах или в форменной одежде, спешащих в офисы, магазины и на фабрики.

В понедельник я непременно закажу себе ключ от парадной Винни, а сегодня отправляюсь в его квартиру привыч-

ным тайным путем. На улице под названием Гроув, рядом с офисом налоговой службы, есть неприметный проулок, полускрытый мусорным баком, переполненным пластиковыми мешками для мусора, от которых воняет грязными пеленками. Большая серая крыса с презрением глядит на меня. Я иду по проулку, сворачиваю направо и оказываюсь между забором, ограждающим сады на задворках домов, стоящих на Пикок-стрит, и задней стеной офиса налоговой службы. Самый последний дом по Пикок-стрит, почти у железной дороги, – это дом Винни. Я протискиваюсь между расшатанными досками забора и бреду через запущенный сад. Трава и сорняки стоят по пояс, на сливовых деревьях уже наливаются плоды, хотя, конечно, большая часть достанется осам и червям. Винни говорит, что ему лениво собирать сливы. Сад напоминает лес из «Спящей красавицы», поглотивший за́мок, где все спят вот уже сто лет. Вообще-то, Винни должен ухаживать за садом, потому что дом принадлежит его тетке, но она живет в Кингс-Линне и никогда сюда не приезжает. Просто Винни байкер, а вовсе не садовник. Ничего, вот обоснуюсь здесь и сразу укрощу эти джунгли. Саду нужна женская рука – и все пойдет на лад. Можно, кстати, начать прямо сегодня, но сперва я немного поучусь играть на гитаре. В углу сада есть сарайчик, наполовину скрытый колючими плетьми ежевики; там хранятся всякие садовые инструменты и газонокосилка. Ничего, я посажу здесь подсолнухи, розы, анютины глазки, гвоздику и лаванду, а еще разные пряные травы

в глиняных горшочках. Буду печь печенье, сливовые пироги и кексы, а Винни будет весь такой: «Господи, Холли, как же я без тебя обходился?» Во всех журналах пишут, что путь к сердцу мужчины лежит через желудок. Возле бочки для воды тонкие лиловые ветви какого-то куста облеплены белыми бабочками, словно ажурными конфетти; куст шевелится, как живой.

Задняя дверь никогда не запирается, потому что ключ от нее Винни потерял. На кухне так и валяются коробки из-под пиццы, а в раковине с прошлого вечера стоят бокалы из-под вина, но ни малейших признаков завтрака не видно, – должно быть, Винни снова проспал и сразу рванул на работу. Вообще-то, здесь, конечно, нужно прибраться, вытереть пыль, все пропылесосить. Но сперва – кофе и сигаретка. Утром я успела съесть лишь полпорции «Витабикса», прежде чем ма меня отметелила не хуже Мохаммеда Али. Вот балда, забыла по дороге купить сигареты – как-то совсем из башки вылетело после встречи с Бренданом, – но у Винни есть заначка в прикроватной тумбочке, так что я тихонечко поднимаюсь по крутой лесенке в спальню. Теперь уже в нашу спальню. Шторы задернуты, воняет грязными носками. Я впускаю в спальню свет, распахиваю окно, оборачиваюсь и вздрагиваю от неожиданности: в постели лежит Винни с таким видом, будто со страху обосрался.

– Да я это, я, – торопливо говорю я. – Извини, пожалуйста, я… я думала, ты на работе.

Он прижимает руку к груди, там, где сердце, и комично хрипит, словно я в него выстрелила.

– Господи, Холли! А я думал – грабители.

Я хихикаю.

– А ты чего дома?

– Наша новая секретарша, черт бы ее побрал, опять все смены перепутала. Редкая дура. В общем, позвонил Кев и сказал, что на сегодня я свободен.

– Блеск! – радуюсь я. – Нет, правда здорово, потому что… у меня для тебя сюрприз.

– Отлично, люблю сюрпризы. Но сперва поставь чайник, а? Я быстренько спущусь. Ох, совсем забыл, у меня же кофе кончился. Будь паинькой, сбегай в «Стаффу», купи банку «Голд бленд». Я тебе потом денежку отдам.

Но мне надо срочно все ему рассказать.

– Ма про нас знает, Вин.

– Да? Да-а… – задумчиво тянет он. – Ну, ясно. А как она, э-э…

Мне становится страшно: вдруг он не захочет, чтобы я у него осталась?

– Не то чтобы очень. Ну, вызверилась. Заявила, что запрещает мне с тобой встречаться; пригрозила запереть в подвале. В общем, я взяла и ушла. Так что…

Винни глядит на меня как-то нервно, словно не понимая намека.

– А можно мне… ну, вроде как… пока у тебя пожить?

Хотя бы какое-то время.

Винни нервно сглатывает:

– О'кей… понятно. Ну что ж. О'кей.

Хотя звучит это совсем не о'кей.

– Так это «да», Вин?

– Да-а. Конечно. Да. Но сейчас я очень хочу кофе.

– Ты это серьезно? Ах, Вин! – Я расслабляюсь от облегчения, как в теплой ванне, обнимаю его. Он весь в поту. – Ты самый лучший, Винни! Я так боялась, что ты, может, совсем не…

– Ну не оставлять же такую сексапильную киску-мурлыку спать под мостом. Слушай, Холли, мне нужен кофе, как Дракуле – кровь, так что пожалуйста…

Я закрываю ему рот поцелуем; мой Винни, мой бойфренд, который был в Нью-Йорке и жал руку самому Дэвиду Бирну; во мне любовь вроде как вспыхивает – вжух-х-х! – будто газовая горелка водонагревательной колонки, и я сжимаю его в объятьях, и мы скатываемся на холм сбившегося одеяла, но холм дергается и отползает, и моя рука отбрасывает одеяло, а под ним моя лучшая подруга Стелла Йервуд. В чем мать родила. Как в дурном эротическом сне, только это не сон.

Я, разинув рот, таращусь на ее пах, который она и не думает прикрывать, и не отвожу глаз, пока она с усмешкой не произносит:

– Что, моя не такая, как твоя?

Ошеломленно гляжу на Винни. Он так и сидит, будто

обосрался, и хихикает как помешанный.

– Это совсем не то, что ты думаешь.

А Стелла невозмутимо натягивает на себя одеяло и заявляет Винни:

– Хорош тупить уже. Да, Холли, это именно то, о чем ты подумала. Мы хотели тебе сказать, но так уж вышло, что события нас опередили. В общем, тебя отшили. Неприятно, конечно, но это случается даже с самыми лучшими из нас, а если честно, так почти с каждой. Что ж, такова селяви. Не расстраивайся, на твою долю еще один Винни найдется. Их кругом полным-полно. Так что не дергайся и вали отсюда. Типа с достоинством.

Слезы больше не текут. Я сижу на холодной лестничной ступеньке в маленьком дворике, окруженном высокими кирпичными стенами пяти- или шестиэтажного дома с заложенными узкими проемами окон. Стебли травы сверлят выщербленные плиты мостовой, в воздухе медленно кружится пух одуванчиков, как снежинки в хрустальном шаре. После того как я хлопнула дверью квартиры Винни, ноги сами принесли меня сюда, на задний двор городской больницы Грейвзенда, в которой когда-то доктор Маринус избавил меня, семилетнюю, от мисс Константен. Не помню, пнула ли я Винни. Я двигалась, будто увязая в патоке, даже дышать толком не могла. Он с силой стиснул мое запястье – до сих пор больно, – а Стелла злобно вякала: «Ну что ты как ма-

ленькая, Холли! Вали уже отсюда! Это реальная жизнь, а не сериал „Династия“!», и я выбежала, громко хлопнув дверью, и понеслась сама не зная куда… Я твердо знала, что если остановлюсь или хотя бы замедлю бег, так сразу же растекусь сопливым хлюпающим желе, а кто-то из маминых шпионок обязательно меня увидит и тут же ей доложит. То-то она обрадуется! Потому что ма кругом права. Я любила Винни, как родного, а он любил меня, как жевательную резинку. Сунул в рот, пожевал, а как вкус ушел, выплюнул и тут же сунул в рот новую. Причем не абы кого, а Стеллу Йервуд. Мою лучшую подругу. Как он мог? Как она могла?!

Все, хватит рыдать! Лучше думать о чем-нибудь другом…

Холли Сайкс и сверхъестественная хрень, часть первая. В 1976 году мне было семь лет. За все лето не выпало ни капли дождя, и сады пожухли от зноя. Помню, как мы с ма и Бренданом ходили за водой к колонке, в дальний конец Куин-стрит, где выстраивалась огромная очередь с ведрами. В то лето и начались мои странные сны наяву. Дневные кошмары. В ушах то и дело звучали какие-то голоса. Не бесновались, не несли всякую чушь и даже не особенно пугали. Во всяком случае, поначалу не пугали… Я называла их «радиолюди», потому что сперва решила, что слышу включенное радио где-то в соседней комнате. Вот только никакого радио не было. Яснее всего голоса звучали по ночам, но и в школе я их тоже порой слышала, если в классе было тихо,

особенно на контрольных. Лопотали три или четыре голоса разом, невнятно, не разобрать, что там бормочут. Брендан вечно рассказывал жуткие байки о психушках и о злодеях в белых халатах, вот я и боялась признаться, что слышу голоса. Ма была беременна Джеко, папа сбивался с ног в пабе, Шерон исполнилось всего три года, а Брендан уже тогда мог заморочить кого угодно. Я понимала, что со мной происходит что-то ненормальное, но голоса особо не мешали, и я решила, что это такой секрет, с которым придется жить всю жизнь.

Однажды ночью мне приснилось, что в нашем «Капитане Марло» обосновались пчелы-убийцы, и я проснулась в холодном поту. В изножье кровати сидела какая-то тетка.

– Не бойся, Холли, все в порядке, – сказала она.

– Да-да, спасибо, ма, – ответила я, потому что кто же еще это мог быть, как не ма?

И почти сразу услышала мамин смех на кухне, в дальнем конце коридора, – это было еще до того, как у меня появилась своя комната на чердаке. Тогда я сообразила, что тетка на кровати мне просто снится, и включила свет, чтобы проверить.

Разумеется, на кровати никого не было.

– Не бойся, – раздался все тот же женский голос. – Я такая же настоящая, как и ты.

Я не завопила и не запаниковала. Да, меня трясло от страха, но подспудно я чувствовала, что это какое-то испытание

или проверка. В комнате никого не было, но со мной кто-то разговаривал. Как можно спокойнее я спросила у тетки, уж не привидение ли она.

– Нет, не привидение, – заявила тетка, которой не было, – а гостья твоего разума. Именно поэтому ты меня не видишь.

Я спросила, как зовут мою «гостью».

– Мисс Константен, – сказала она и добавила, что отослала прочь всех радиолюдей, чтобы они меня не отвлекали, и спросила, не возражаю ли я. Я сказала, что нет. И тут мисс Константен объявила, что ей пора, но она с удовольствием будет меня навещать, потому что я – «уникальная юная особа».

Потом она исчезла. Я долго не могла уснуть, но потом все-таки уснула, думая, что у меня теперь есть друг.

И что же делать? Пойти домой? Ага, оно мне нужно, как зубная боль. Ма слепит мне тот еще пирожок, польет его соусом из дерьма, сядет напротив и будет, довольная до потери сознания, смотреть, как я хлебаю полной ложкой, да так, что за ушами трещит. А потом до скончания веков ей и слова поперек сказать будет нельзя, только «да, сэр, нет, сэр, шерсти три мешка, сэр», иначе она тут же снова припомнит «эту историю с Винсентом Костелло». Ладно, значит, на Пикок-стрит мне не жить. Но и домой возвращаться не обязательно. Докажу ма, что я уже взрослая и могу сама о себе позаботиться, хватит уже цацкаться со мной, как с семилетней.

Деньги на еду пока есть, денечки стоят жаркие, так что будем считать, что летние каникулы начались чуть раньше обычного. И фиг с ними, с экзаменами! Фиг с ней, со школой! Стелла, конечно, все повернет так, будто я – жалкая истеричка, тупая овца, намертво прилипшая к бойфренду, который от меня давно устал. Так что к девяти утра в понедельник Холли Сайкс станет официальным посмешищем для всей школы «Уиндмилл-Хилл». Можно не сомневаться.

Сирена «скорой помощи» звучит все ближе, все настойчивей, где-то совсем рядом, по ту сторону дворика, а потом вдруг обрывается, будто на полуслове… Поднимаю с земли сумку, встаю. Ну, куда теперь? В Англии каждый подросток, сбежав из дома, отправляется в Лондон, уверенный, что непременно встретится там либо с теми, кто «ищет таланты», либо с доброй феечкой. Нет, лучше пойти в противоположном от Лондона направлении – вдоль реки, к кентским болотам. Когда растешь в пабе, то волей-неволей наслушаешься всяких баек об этих самых «искателях талантов» и «добрых феечках», которые поджидают беглецов в Лондоне. Хорошо бы найти какой-нибудь сарай или пустующий летний домик, где можно немного пожить. А что, тоже вариант. Выхожу к фасаду больницы. Лобовые стекла машин на парковке сверкают под солнечными лучами. В прохладном сумраке приемного покоя толпятся люди, курят, ждут новостей.

Странные они, эти больницы…

Холли Сайкс и сверхъестественная хрень, часть вторая. Прошло несколько недель, и я уже начала думать, что мисс Константен мне просто приснилась, потому что она больше не появлялась. Правда, я не знала того слова, которым она меня назвала, «уникальная»… Я нашла его в словаре и долго размышляла, пришло бы оно мне в голову, если бы мисс Константен его не произнесла? Я и сейчас не знаю ответа на этот вопрос. А потом, уже в сентябре, когда мы снова пошли в школу и мне исполнилось восемь лет, я проснулась среди ночи, как-то сразу поняла, что она снова здесь, и ни капельки не испугалась, а, наоборот, обрадовалась. Мне понравилось быть уникальной. Я спросила у мисс Константен, не ангел ли она, а она рассмеялась и ответила, что она такой же человек, как и я, но научилась выскальзывать из своего тела и навещать друзей. Я спросила, значит ли это, что я теперь ее друг, а она сказала: «А тебе этого хочется?», и я воскликнула: «Да, конечно, больше всего на свете!», и она пообещала: «Ну, тогда и ты будешь моим другом». А потом я спросила мисс Константен, откуда она родом, и она ответила: «Из Швейцарии». А я нарочно спросила: «Это там изобрели шоколад?» И она сказала: «Да ты у нас редкая умница!» С тех пор она навещала меня каждую ночь, ненадолго, и я рассказывала, как у меня прошел день, а она внимательно слушала, сочувствовала, старалась меня подбодрить и развеселить. В общем, она всегда была на моей стороне, не то что ма и

Брендан. А еще я забрасывала мисс Константен вопросами. Иногда она мне отвечала; я спросила, как называется цвет ее волос, а она сразу сказала: «хромированная блондинка», хотя часто уклонялась от ответов, говоря: «Пусть это пока останется в тайне, Холли».

Однажды Сьюзен Хилледж, самая большая задира в нашей школе, подстерегла меня на пути домой. Отец Сьюзен был военным, служил в Белфасте, и она, зная, что моя ма – ирландка, ткнула меня носом в землю, встала коленями мне на спину и не отпускала, пока я не скажу, что мы держим уголь в ванне и любим ИРА. Но я отпиралась, как могла, и тогда она зашвырнула мой портфель на дерево, а потом пообещала отомстить мне за соратников отца, убитых в Белфасте, а если я кому-нибудь пожалуюсь, то отцовский взвод спалит наш паб и все мои родные сгорят в огне – и все это из-за меня. Я не была слабачкой, но лет мне было мало, и Сьюзен Хилледж запугала меня до полусмерти. Я ни слова не сказала ни ма, ни папе, но на следующий день до ужаса боялась идти в школу – мало ли что случится. Среди ночи я проснулась в теплой постели и услышала голос мисс Константен; но на этот раз голос не просто звучал у меня в голове, а она сама сидела в кресле у кровати, тихонько приговаривая:

– Просыпайся, соня, просыпайся!

Она была молодая, с очень светлыми золотистыми, почти белыми, волосами и пунцовыми, как розы, губами, которые

в лунном свете выглядели чернильно-фиолетовыми; на ней было какое-то бальное платье. Красавица, как на картинке. Наконец я сподобилась спросить, не снится ли она мне, и она сказала:

– Нет, я решила тебя навестить, потому что хочу узнать, отчего так расстроена моя умничка, моя милая уникальная детка.

И я, естественно, рассказала ей об угрозах Сьюзен Хилледж. Мисс Константен меня выслушала, а потом сказала, что всегда презирала задир и забияк, и спросила, не надо ли мне помочь. Я сказала, да, пожалуйста, но, прежде чем я успела спросить, как она это сделает, в коридоре послышались отцовские шаги, и папа приоткрыл дверь в мою спальню, и я зажмурилась от яркого света лампы на лестничной площадке. Как же объяснить папе, почему в час ночи у меня в спальне сидит мисс Константен? Но папа почему-то вел себя так, будто, кроме меня, в спальне никого не было. Он спросил, все ли у меня в порядке, и сказал, что ему почудилось, будто из моей комнаты доносится чей-то голос. Конечно же, мисс Константен уже исчезла, и я сказала, что, наверное, разговаривала во сне.

Потом я и сама в это поверила. Слышать какие-то голоса – это одно, а вот дамы в бальных платьях посреди ночи… На следующее утро я, как обычно, пошла в школу, но Сьюзен Хилледж не увидела. Впрочем, ее никто в школе не видел. А под конец утренней линейки примчалась наша директриса

и объявила, что по дороге в школу Сьюзен Хилледж на велосипеде попала под грузовик и ее серьезно покалечило, так что теперь мы должны молиться за ее выздоровление. Услышав это, я оцепенела, кровь застыла в жилах, школьные стены будто сомкнулись надо мной, а больше я ничего не помню. Не помню даже, как упала в обморок.

В Темзе рябит грязно-голубая вода, а я все иду и иду от Грейвзенда в сторону кентских болот, и вот уже половина двенадцатого, и город виднеется где-то вдали, будто игрушечный. Ветер вытягивает один за другим клубы дыма из труб цементного завода компании «Блю сёркл», будто бесконечную связку носовых платков из кармана фокусника. Справа, над болотами, слышен рокот шоссе A2. Старый мистер Шарки утверждает, что шоссе проложили поверх старой дороги, построенной еще в древнеримские времена; именно оно ведет в Дувр, где можно сесть на корабль и поплыть в какую-нибудь европейскую страну, как древние римляне. Вдаль сдвоенной цепью уходят опоры линий электропередач. В «Капитане Марло» папа уже пылесосит бар, если только за это не взялась Шерон, чтобы заработать мои законные три фунта. Утро, теплое и душное, тянется очень долго, как три урока математики подряд, и яркое солнце режет глаза, а темные очки я забыла у Винни на кухне – положила на сушилку для посуды да там и оставила. А они, между прочим, стоят 14 фунтов 99 центов. Мы их покупали вместе со Стел-

лой; она тогда сказала, что видела точно такие же на Карнаби-стрит, только там они в три раза дороже, и я, конечно, решила, что мне здорово повезло. А сейчас я готова удавить Стеллу, вон, даже руки и плечи сразу как-то напрягаются, будто я и впрямь ее душу.

Очень хочется пить. Должно быть, ма уже сказала отцу, что Холли взбрыкнула и сбежала из дома, но, спорим хоть на миллион фунтов, наверняка все объяснения перекрутила по-своему. Отец теперь отшучивается, мол, его девки между собой чего-то не поделили, а Пи-Джей, Ниппер и Большой Декс согласно кивают и ухмыляются, как мудаки. А Пи-Джей делает вид, что читает статью в газете «Сан» и заявляет: «Вот тут пишут, что астрономы из университета Говношира обнаружили новые свидетельства того, что тинейджеры действительно являются центром Вселенной». И все пропойцы дружно ржут, а старина Дейв Сайкс, всеобщий любимец, владелец лучшего паба в округе, присоединяется к ним: ха-ха, смешно до усрачки. Ладно, посмотрим, как они будут смеяться через несколько дней, когда я так и не появлюсь дома.

Далеко-далеко впереди ловят рыбу рыбаки.

Сверхъестественная хрень, часть последняя. Меня еще волокли в школьный медпункт, а я уже поняла, что радиолюди вернулись. Теперь их были сотни, и все они разом что-то нашептывали. Я запаниковала, но не так сильно, как при

мысли о том, что Сьюзен Хилледж погибла из-за меня. В общем, я не выдержала и рассказала школьной медсестре о радиолюдях и о мисс Константен, а милая старушка, естественно, решила, что у меня как минимум сотрясение мозга, а может, я и вовсе спятила, и позвонила ма, которая позвонила нашему врачу в поликлинике, и меня в тот же день показали ушнику из городской больницы Грейвзенда. Он не нашел никаких отклонений и предложил проконсультироваться у специалиста по детской психиатрии, с которым был знаком по лондонской детской больнице на Грейт Ормонд-стрит. По его словам, этот врач как раз занимался такими случаями, как у меня. Ма принялась твердить как попугай: «У моей дочери с головой все в порядке!», но доктор припугнул ее словом «опухоль», и она сдалась. Всю ночь я не смыкала глаз, умоляла Господа избавить меня от мисс Константен, сунула под подушку Библию, но радиолюди непрерывно что-то бормотали мне в уши. А наутро позвонил ушник и сказал, что его друг, тот самый лондонский специалист, через час будет в Грейвзенде и хорошо бы ма немедленно привезла меня к нему.

Доктор Маринус был первым настоящим китайцем, с которым я познакомилась, если не считать китайцев из ресторана «Тысяча осеней», куда нас с Бренданом иногда посылали за едой навынос, если ма валилась с ног от усталости и не могла приготовить ужин. Доктор Маринус превосходно, прямо-таки безупречно говорил по-английски, хотя так ти-

хо, что приходилось вслушиваться в каждое слово. Он был маленького роста, щуплый, но все равно как бы заполнял собой всю комнату. Сперва он расспросил меня о школе, о семье и вообще поговорил со мной о всякой всячине и только потом перешел к радиолюдям. Ма упорно продолжала твердить: «И не смейте намекать на то, что моя дочь спятила! У нее просто сотрясение мозга». Доктор Маринус сказал, что совершенно с нею согласен и что я, разумеется, отнюдь не сумасшедшая, но мозг – сложная штука, и чтобы исключить возможность наличия какой бы то ни было опухоли, ему нужно задать мне кое-какие вопросы, и будет лучше, если я отвечу на них самостоятельно, без маминой помощи. Ну, я и рассказала доктору о радиолюдях, о Сьюзен Хилледж и о мисс Константен. Ма, слушая это, снова взвилась, но доктор Маринус заверил ее, что слуховые галлюцинации – «дневные кошмары» – часто случаются у девочек моего возраста. А мне он сказал, что несчастный случай со Сьюзен Хилледж – просто ужасное совпадение и что такие совпадения, даже куда более невероятные, случаются с людьми повсюду, во всех странах мира и чуть ли не каждую минуту; вот и со мной это произошло, только и всего. Ма спросила, есть ли какие-нибудь лекарства от этих дневных кошмаров, и тут, помню, доктор Маринус сказал, что, прежде чем ступать на эту стезю, лучше воспользоваться неким простым, но весьма действенным способом, издавна практикующимся у него на родине. Это похоже на иглоукалывание, объяснил он, толь-

ко без игл. Он велел ма сжать кончик моего среднего пальца – он пометил там нужную точку шариковой ручкой, – а сам коснулся своим большим пальцем какого-то места прямо посредине моего лба. Как художник, наносящий краску на холст. Глаза у меня сами собой закрылись…

…и радиолюди исчезли. Нет, они не просто притихли, а совсем убрались. По моему лицу ма догадалась, что произошло, и удивилась и обрадовалась не меньше меня. И тут же стала спрашивать: «Неужели это все? И никакого электрошока, никаких таблеток?» А доктор Маринус сказал, что да, это все и это должно мне помочь.

Я спросила: навсегда ли исчезла мисс Константен?

И доктор сказал, что, во всяком случае, на обозримое будущее.

Вот и все. Мы попрощались с доктором Маринусом и ушли; я выросла, и ни радиолюди, ни мисс Константен больше не появлялись. Я пересмотрела множество всяких научно-популярных и документальных фильмов, где рассказывалось, на какие невероятные шутки способен наш мозг, и наконец поняла, что мисс Константен была чем-то вроде воображаемого друга, как Кроляня-попрыганя у Шерон, только с худшими последствиями. А несчастный случай со Сьюзен Хилледж – действительно невероятное совпадение, как и объяснял доктор Маринус. Кстати, Сьюзен не умерла, а выздоровела и вместе с родителями переехала в Рамсгит, хотя некоторые, наверное, и сказали бы, что это почти одно и

то же. А доктор Маринус меня загипнотизировал, ну, вроде как те кассеты, которые помогают бросить курить. С тех пор ма никогда больше не употребляла слово «китаеза», да и теперь обрушивается, как целая тонна кирпича, на всякого, кто так говорит. «Не „китаеза“, а „китаец“, – строго поправляет она. – Между прочим, китайцы – лучшие доктора в Государственной службе здравоохранения Великобритании!»

На моих часах – час дня. Далеко позади какие-то рыбаки – палка, палка, огуречик – ловят рыбу на мелководье близ форта Шорнмид. Впереди виднеется гравийный карьер, рядом с ним – огромная груда гравия и протянутый к барже конвейер. Форт Клифф смотрит на меня пустыми глазницами окон. Старый мистер Шарки говорит, что во время войны там стояли зенитки и жители Грейвзенда, заслышав их грохот, знали, что у них есть максимум шестьдесят секунд, чтобы укрыться от воздушного налета в бомбоубежище под лестницей или в саду. Вот бы разбомбить дом на Пикок-стрит! Они ведь наверняка сейчас жрут пиццу – Винни вообще питается почти исключительно пиццей; ему, видите ли, лень готовить. И смеются надо мной. Интересно, а Стелла у него пробыла всю ночь? Вот так вот влюбишься в кого-нибудь, и все! Влюбишься, как последняя дура! Дура, дура! Со злости я пинаю камешек на дороге, но это вовсе не камешек, а край выступившей из земли скальной породы. Боль зигзагом молнии прошивает все тело насквозь, вонзается в

мозг. На глазах выступают горячие слезы, льются ручьем – и откуда во мне столько жидкости? Я сегодня только воды из-под крана глотнула, когда чистила зубы, да пару ложек молока из плошки «Витабикса». Язык шершавый, будто щебенка для цветочных композиций. Ремни сумки натирают плечо. А сердце – как забитый тюленёнок. И в желудке пусто, хотя из-за всех своих несчастий я этого пока еще не осознаю. Но назад все равно не поверну. Ни за что, черт побери!

К трем часам дня от жары скукоживается голова. Я никогда в жизни столько не ходила. Как назло, нигде нет ни магазина, ни дома, где можно попросить стакан воды. И тут на краю причала замечаю женскую фигурку; тетка рыбачит, так вписавшись в угол причала, что ее почти не видно. До нее еще далеко, камнем не докинешь, но видно, как она берет фляжку, что-то наливает оттуда в кружку и пьет. Обычно я бы этого не сделала, но жажда непереносима, и я шагаю по деревянному причалу прямо к этой тетке, нарочно топая ногами, чтобы она не испугалась моего появления.

– Простите, пожалуйста, вы не дадите мне напиться? Хоть капельку глотнуть, очень вас прошу!

Она даже не оборачивается:

– Холодный чай будешь? – Голос хрипловатый, из каких-то жарких стран.

– Еще бы! Это просто замечательно! Спасибо. Я не привередливая.

– Ну, раз не привередливая, то пей на здоровье.

Наливаю себе полную кружку, не думая о микробах и прочей заразе. На обычный чай не похоже, но ничего столь же освежающего я в жизни не пила; с наслаждением отхлебываю прохладную терпкую жидкость, полощу глотком пересохший рот, внимательно разглядываю мою спасительницу. Маленькие слоновьи глазки на морщинистом старушечьем лице; коротко остриженные седые волосы; несвежая рубаха-сафари; кожаная шляпа с широкими полями, которая выглядит так, будто ей лет сто.

– Нравится? – спрашивает старуха.

– Да, – говорю я, – просто отлично! А на вкус как трава.

– Это зеленый чай. Хорошо, что ты не привередливая.

– С каких это пор чай стал зеленым?

– С тех пор, как стали зелеными листья на чайных кустах.

Рыба плещет хвостом. Я вижу всплеск, но не пойму, где сама рыба.

– Много сегодня наловили?

Помолчав, она отвечает:

– Пять окуней. Одна форель. В жару плохо клюет.

Рядом нет ни ведерка, ни другой посудины.

– И где же рыба?

На старую кожаную шляпу садится пчела.

– Я всех отпустила.

– Зачем же вы ловите рыбу, если она вам не нужна?

Секунды проходят в молчании.

– Чтобы разговор поддержать.

Озираюсь: узенькая протоптанная тропинка, заросшее сорняками поле, чахлый лесок и старая, еле заметная дорога. Да старуха просто придуривается!

– Здесь же никого нет.

Пчела чувствует себя прекрасно, не двигается, даже когда старуха начинает выбирать леску. Я на всякий случай отхожу в сторонку. Старуха проверяет нетронутую наживку на крючке. Капли воды падают на пересохшие доски причала. Река лижет берег, плещет у деревянных подпор. Старуха, по-прежнему не вставая, ловким движением руки забрасывает леску с грузилом подальше, катушка негромко жужжит, грузило уходит под воду точно там же, где раньше. По воде разбегаются легкие круги. Вокруг полный штиль…

А затем старуха делает нечто совсем уж странное – достает из кармана кусок мела и пишет на доске у ног: «МОЕ». На соседней доске выводит: «ДЛИННОЕ». А на третьей – «ИМЯ». Потом прячет мелок и снова берется за леску.

Я жду объяснений, но старуха молчит.

– Это вы о чем?

– Что значит «о чем»?

– Ну вот, вы только что написали…

– Это инструкция.

– Для кого?

– Для того, кто появится здесь через много лет.

– Но ведь это же мел! Его смоет!

– С пристани смоет, да. Но не из твоей памяти.

Ага, у бабуси совсем крыша поехала. Но я молчу, конечно, – очень хочется еще зеленого чая.

– Допивай, раз хочешь, – говорит она, будто прочитав мои мысли. – Магазина по дороге ни одного не попадется, пока вы с мальчишкой не доберетесь до Оллхэллоус-он-Си…

– Большое вам спасибо. – Я наливаю себе полную кружку. – А вы точно больше не хотите? Там ведь ничего не осталось.

– Услуга за услугу, – отвечает она и глядит на меня зорко, как профессиональный снайпер. – Возможно, мне понадобится приют.

Приют? Какой еще приют? Для душевнобольных?

– Я что-то не понимаю…

– Мне нужно убежище. Схрон. Особенно если Первая Миссия провалится, как ей и суждено.

Да, нелегко с психами!

– Но мне всего пятнадцать лет, – говорю я. – И у меня нет ни приюта, ни… э-э-э… схрона. Уж простите, но…

– Ты идеально подходишь. Неожиданная. Значит, я тебе чай, а ты мне убежище. Ну что, договорились?

Да, папа прав: от пьянчуги легче отделаться, если сначала с ним во всем соглашаться, а потом отправить его куда-нибудь, пусть проспится. А может, психи вроде пьяниц, которые никогда не трезвеют?

– Ладно.

Она кивает, а я продолжаю пить чай, пока сквозь тонкое дно пластмассовой кружки не начинает просвечивать солнце.

Старая карга глядит куда-то вдаль:

– Спасибо тебе, Холли.

Ну, я тоже ее благодарю, отхожу на пару шагов, но потом останавливаюсь и возвращаюсь к ней.

– Откуда вы знаете, как меня зовут?

Не оборачиваясь, она спрашивает:

– А каким именем меня крестили?

Что за дурацкая игра!

– Эстер Литтл.

– Ну а ты откуда знаешь, как меня зовут?

– Но вы же… только что мне сказали.

Сказала ли? Наверное, да.

– Значит, договорились.

И больше Эстер Литтл не произносит ни слова.

К четырем часам дня выхожу на усыпанный галькой пляж, от которого в речную даль тянется нечто вроде деревянного волнореза. Снимаю «мартенсы». На большом пальце темнеет здоровенная водяная мозоль, похожая на раздавленную ежевичину. Мням-ням! Вытаскиваю из сумки альбом «Fear of Music», закатываю джинсы повыше, забредаю по колено в воду. В извилистой ленте реки вода прохладная, будто из-под крана; солнце еще припекает, но уже не так сильно, как

на причале, где удит рыбу сумасшедшая старуха. Изо всех сил размахиваюсь, швыряю альбом, будто фрисби, как можно дальше. Особой аэродинамичностью он не отличается: взлетает вверх, пластинка выскальзывает из конверта и шлепается в реку. Черная обложка падает раненой птицей, ложится на поверхность воды. Слезы ручьем льются из и без того зареванных глаз, и я представляю, как бреду по воде туда, где, медленно вращаясь, пластинка опускается к речному дну, резко уходящему вниз, а я все шагаю и шагаю среди форелей и окуней, ржавых велосипедов, костей пиратов-утопленников, сбитых немецких самолетов, выброшенных за ненадобностью обручальных колец и еще бог знает чего…

Выхожу на берег и ложусь на теплую гальку, рядом со своими «мартенсами». Папа, наверное, уже поднялся на второй этаж и завалился на диван отдохнуть. «Знаешь, Кэт, схожу-ка я к этому Костелло». А ма, утопив окурок в холодном кофе на дне своей любимой кружки, отвечает: «Нет, Дейв. Наша принцесса именно этого и добивается. Если не реагировать на ее громкие заявления, то, может, она и сама поймет, сколько мы для нее делаем, и начнет это ценить…»

Однако завтра к вечеру ма не выдержит, начнет волноваться и спрашивать у отца: а как же школа? А в понедельник, когда позвонят из школы и спросят, почему меня не было на экзамене, она перестанет злиться на мои «громкие заявления», а потом накрутит себя и двинет прямиком к Вин-

ни. Ну, она с него шкуру спустит – и поделом! – только все равно не узнает ни где я, ни что со мной. Значит, решено: проведу пару суток на природе, где-нибудь переночую, а там поступим по настроению. Если не покупать сигарет, то моих 13 фунтов и 85 центов вполне хватит на пару дней; как-нибудь обойдусь яблоками, бутербродами с жареной картошкой и дешевым печеньем. А если добраться до Рочестера, можно снять деньги с банковского счета и продлить каникулы.

Массивный сухогруз, идущий вниз по течению, громко гудит. На оранжевом борту белыми буквами написано: «Звезда Риги». Интересно, Рига – это какое-то место или что? Шерон и Джеко наверняка знают. Зеваю во весь рот, ложусь навзничь на похрустывающую гальку и смотрю, как одна за другой набегают на каменистый берег волны, поднятые тяжелым судном.

Господи, как же спать хочется…

– Сайкс? Ты жива? Эй, Сайкс!

Дневной свет режет глаза. Где я? Почему босиком? И с какой стати чертов Эд Брубек трясет меня за плечо? Отдергиваю руку, стремительно вскакиваю, отбегаю на несколько шагов; горячая галька – ай! – обжигает босые ступни, и я с размаху трескаюсь головой о край деревянного волнореза.

Эд Брубек стоит как вкопанный.

– Больно, должно быть.

– Без тебя знаю! Голова-то моя!

– Я просто проверял, не умерла ли ты.

Я потираю ушибленную голову:

– А что, я похожа на покойника?

– Ну да. Всего несколько секунд назад была очень даже похожа.

– Так учти, урод, я очень даже живая! Просто… вздремнула.

Велосипед Брубека лежит на боку, колесо еще крутится, к раме привязана удочка.

– Только не рассказывай, что ты пришла сюда пешком, Сайкс.

– Нет, меня сюда пришельцы доставили, на сверхскоростном звездолете! И сразу перепрыгнули в другое измерение!

– Хм. Вот уж не знал, что ты у нас любительница активного отдыха на природе.

– Вот уж не знала, что ты у нас добрый самаритянин!

– Век живи, век учись.

Где-то вдалеке какая-то обалделая птица вовсю выводит дурацкие заливистые трели. Эд Брубек откидывает с глаз черную челку. Он такой загорелый, прямо как турок.

– Ну и куда же ты путь держишь?

– Куда-нибудь подальше от этого вонючего Грейвзенда, пока ноги не отвалятся.

– Ничего себе. И чем же Грейвзенд так провинился?

Я зашнуровываю ботинки. Волдырь на пальце саднит.

– А сам-то ты куда направляешься?

– У меня дядя вон там живет. – Эд Брубек машет куда-то вдаль, от реки. – Он полуслепой, из дома почти не выходит, вот я и навещаю его, чтобы не скучал. Я как раз от него ехал, хотел в Оллхэллоусе порыбачить, да вдруг тебя увидел и…

– И решил, что я умерла? А я и не думала умирать! Что ж, не стану тебя задерживать.

Он улыбается – дескать, как хочешь – и идет по берегу.

Я кричу ему вслед:

– Эй, Брубек, а Оллхэллоус далеко?

Он поднимает велосипед:

– Миль пять отсюда. Хочешь, подвезу?

Я вспоминаю Винни с его «нортоном» и качаю головой. Эд, как пижон, вскакивает на велосипед и уезжает. А я набираю полную горсть камешков и злобно швыряю в реку.

Эд Брубек, крошечный, как пылинка, скрывается за купой островерхих деревьев. И даже не оглянулся ни разу! Дура я, что не согласилась. Усталые колени не гнутся, ступни дико ноют, а тысячи крошечных сверл буравят лодыжки. Нет, в таком состоянии пять миль я в жизни не пройду. И вообще, Эд Брубек – такой же парень, как Винни; а все парни попросту спермометы. В животе бурчит от голода. Зеленый чай – отличная вещь, но кто ж знал, что после него ссышь, как конь. А во рту будто кошки насрали. Эд Брубек, конечно, парень, но все-таки не полный мудак. На прошлой неде-

ле, например, он поспорил с миссис Бинкерк на уроке религии, обвинил ее в ретроградстве, чисто по-взрослому, а его отправили к мистеру Никсону. Наверное, люди – как айсберги: верхушку видно, а остальное нет. Я стараюсь не думать о Винни и все-таки думаю; вспоминаю, как еще утром мечтала собрать с ним рок-группу. Тут впереди из-за купы островерхих деревьев появляется крошечный Эд Брубек, катит в мою сторону. Наверное, решил, что рыбачить уже поздно, и возвращается в Грейвзенд. Он становится все больше и больше, и вот он уже не пылинка, а обычного размера и на полном ходу с форсом тормозит передо мной, так что я сразу вспоминаю, что он еще совсем мальчишка, хотя с виду взрослый парень. На дочерна загорелом лице белеют глаза.

– Да садись уже, Сайкс! – Он хлопает рукой по седлу велосипеда. – Чего в Оллхэллоус пешедралом плестись? Пока ты туда доберешься, совсем стемнеет.

Мы с приличной скоростью катим по тропке. На каждой кочке или ухабе Брубек спрашивает: «Ты как, нормально?» – и я, разумеется, отвечаю: «Ага». Ветерок – с моря и от быстрой езды – забирается в рукава, гладит грудь, будто мистер Щекотун, заделавшийся похотливым развратником. Потная майка Брубека липнет к его спине. А я вот не буду думать о Винни, покрытом испариной… и о Стелле тоже не буду. Сердце снова разрывается на части, внутри все жжет, будто рана, на которую плеснули «Деттола». Обеими руками сжимаю раму велосипеда, но на ухабистой тропке трясет, и для

большей устойчивости я просовываю большой палец в шлёвку джинсов Брубека. У него теперь наверняка стояк, но это уже его проблемы.

Пушистые ягнята щиплют травку. Овцы-мамаши не спускают с нас глаз, будто мы прямо сейчас слопаем их малышей с брюссельской капустой и картофельным пюре.

Мы вспугиваем стаю длинноногих ложкоклювых птиц, и они перелетают над самой водой на другой берег. Кончики крыльев задевают воду, по ней расходятся круги.

Здесь Темза сворачивает к морю. Эссекс блестит золотом. Грязное пятно вдали – остров Канвей, а там, дальше, Саутенд-он-Си.

Пролив Ла-Манш синий, как чернила шариковой ручки; небо голубое, как бильярдный мелок. Мы тряско переезжаем пешеходный мостик над каким-то ржавым ручьем, а вокруг то ли болота, то ли пологие дюны. В противоположной от моря стороне указатель: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НА ОСТРОВ ГРЕЙН».

Только это не настоящий остров. Хотя, может, когда-то был настоящим.

А обалделая птица-певица, похоже, нас преследует. Ну, наверное.

Оллхэллоус-он-Си – это, по сути дела, большой кемпинг на берегу близ неприметной деревушки. Повсюду рядами стоят мобильные дома и длинные автоприцепы на подпор-

ках – в американских фильмах такие называются трейлерами. Полуголые и совершенно голые малыши носятся по пляжу, стреляют друг в друга из водяных пистолетов, играют в свингбол, орут как оглашенные. Поддатые мамаши закатывают глаза, глядя, как мужья, докрасна обгоревшие на солнце, обугливают колбаски на жаровнях. Я глотаю дым.

– Не знаю, как ты, – говорит Брубек, – а я просто умираю от голода.

– Да, неплохо бы перекусить, – откликаюсь я с излишней готовностью.

Брубек останавливает велосипед у площадки для мини-гольфа под вывеской «Прикольный гольф у Клевого Рольфа» и заказывает в ларьке треску с жареной картошкой за два фунта. Я прошу порцию картошки, которая стоит всего пятьдесят центов. Брубек тут же говорит типу за прилавком: «Две трески с чипсами, пожалуйста» – и сует ему пятерку, а тип косится на меня, а потом глядит на Брубека, мол, молодец, сынок, и меня это страшно злит, потому что мы с Брубеком ни в каких таких отношениях не состоим и вступать в них не собираемся и ему моим бойфрендом не бывать, хоть закорми меня треской по самые гланды. Брубек заказывает две банки кока-колы и тут замечает выражение моего лица.

– Это ж просто рыба с картошкой. И абсолютно ничего из этого не следует.

– Вот именно, черт возьми, абсолютно ничего не следу-

ет! – фыркаю я, но получается как-то ехидно. – Спасибо.

Проходим мимо последнего трейлера и еще чуть дальше, к низенькому бетонному строению на краю дюн. Из узкой прорези окна попахивает мочой, но Брубек решительно взбирается на плоскую крышу.

– Это дот, – поясняет он. – В войну здесь стояли пулеметы на случай вторжения немцев. Таких дотов тут в округе сотни, если присмотреться. Если подумать, то классно получается: мирное время – это когда пулеметные гнезда используют как столы для пикников.

Я смотрю на него и думаю, что в школе он бы вряд ли так умничал. Потом влезаю на крышу, любуюсь видом. На противоположном берегу широченного – больше мили шириной – устья Темзы виднеется Саутенд, а в другой стороне – доки Ширнесса на острове Шеппи. Мы открываем банки с кока-колой, я осторожно отрываю кольцо, чтобы потом сунуть в пустую банку. Таким кольцом собака может сильно порезать лапу. Брубек подставляет свою банку, мы с ним чокаемся, как вином (только в глаза я ему не гляжу, чтобы у него не возникали ненужные мысли), и пьем. Первый глоток обдает взрывом ледяных шипучих пузырьков. Картошка теплая, сбрызнутая уксусом, а горячий кляр обжигает пальцы, когда мы его сдираем, чтобы добраться до сочной слоистой мякоти трески.

– Ужас как вкусно! – говорю я. – Ну, будь здоров!

Мы снова чокаемся банками.

– А в Манчестере фиш-энд-чипс вкуснее, – заявляет Брубек.

Воздушный змей розовым хвостом выписывает вензеля по синеве.

Я глубоко затягиваюсь «Данхиллом», который стрельнула у Брубека. Ну вот, теперь лучше. Почему-то вдруг вспоминаю, что Стелла Йервуд с Винни сейчас наверняка курят «Мальборо» в постели, и сразу же приходится притворяться, что в глаз попала соринка. Чтобы прогнать непрошеные мысли, спрашиваю Брубека:

– Так что там у тебя за дядя? Ну, тот, которого ты навещаешь?

– Дядя Норм – родной брат моей матери. Он раньше был крановщиком на цементном заводе «Блю сёркл», но давно уже не работает. Он слепнет.

Я снова затягиваюсь.

– Но ведь это ужасно! Бедняга!

– Дядя Норм говорит, что жалость – это разновидность оскорбления.

– Он совсем слепой или только частично? А может…

– У него уже оба глаза на три четверти не видят, и зрение все ухудшается. Но для дяди Норма хуже всего то, что он больше не может читать газеты. Говорит, теперь это для него все равно что искать ключи в грязном сугробе. Так что я почти каждую субботу езжу к нему на велосипеде и читаю ему

статьи из «Гардиан». Потом он говорит со мной о стычках Тэтчер с профсоюзами, или о том, почему русские полезли в Афганистан, или о том, почему ЦРУ затеяло свергать демократические правительства в Латинской Америке.

– Прямо как в школе, – вздыхаю я.

Брубек мотает головой:

– Нет, наши учителя только и думают, как бы вернуться домой к четырем, а в шестьдесят лет спокойно выйти на пенсию. Дядя Норм любит поговорить и поразмыслить и меня к этому приучает. Ум у него острый как бритва. А потом тетя кормит нас обедом, и после этого дядя заваливается вздремнуть, а я иду ловить рыбу, если погода подходящая. Ну или если мне на глаза не попадется одноклассник, замертво лежащий на берегу. – Он тушит окурок о бетонную плиту. – Ну Сайкс, колись: что за история с тобой приключилась?

– С чего это мне колоться? Какая еще история?

– Без пятнадцати девять я заметил тебя на Куин-стрит, а ты шмыгнула в…

– Ты меня заметил?

– А то. В общем, ты шмыгнула в крытый рынок, а семь часов спустя обнаружилась в десяти милях к востоку от Грейвзенда на берегу реки.

– Что за дела, Брубек?! Ты что, частный сыщик?

Маленькая бесхвостая собачонка, виляя задом, подбегает к доту. Брубек швыряет ей кусочек картошки.

– Если бы я был настоящим сыщиком, то заподозрил бы

нелады с бойфрендом.

– Не твое дело! – резко говорю я.

– Верно, не мое. Не знаю, кто уж он там, но этот мудак явно не стоит таких переживаний.

Я морщусь и тоже швыряю псу картошку. Он жадно хватает подачку, и я думаю, что, наверное, он беспризорный. Как и я.

Брубек сворачивает картофельную обертку кульком, ссыпает хрустящие крошки себе в рот.

– Ты к вечеру вернуться собираешься?

Я глотаю невольный стон. Грейвзенд – как черная туча. Там Винни и Стелла. Там ма. Собственно, они – это и есть Грейвзенд. На часах 18:19. В «Капитане Марло» уже смех и разговоры, постепенно подтягиваются завсегдатаи. А наверху Джеко и Шерон сидят на диване перед телевизором и смотрят «Команду „А“», пристроив между собой миску с сырными чипсами и кусок шоколадного кекса. Хорошо бы вернуться! Эх, если бы не ма с ее проклятой пощечиной…

– Нет, – говорю я Брубеку. – Не собираюсь.

– Через три часа стемнеет. У тебя не так уж много времени, чтобы отыскать бродячий цирк и стать циркачкой.

Колышутся травы на дюнах. Небо затягивают тучи из Франции. Я надеваю бомбер.

– Подыщу какой-нибудь уютненький дот, который еще не зассали. Или сарай.

Налетают чайки, пикируют, как на резиночках, пронзи-

тельно кричат, выпрашивая картошку. Брубек встает, машет руками, новоявленный Безумный принц из Оллхэллоус-он-Си, распугивает птиц.

– Пожалуй, я знаю место получше.

Мы едем дальше, на этот раз по вполне приличной дороге. Кругом захолустье, плоское, как лепешка; бескрайние поля с длинными черными тенями. Брубек напускает таинственности, не говорит, куда именно мы едем, – мол, либо ты мне доверяешь, Сайкс, либо нет, – но обещает, что там тепло, сухо и безопасно и что он сам раз пять или шесть ночевал в этом месте, когда допоздна ловил рыбу, так что приходится пока довольствоваться этим. А еще он говорит, что сразу после Грейвзенда отправится домой. В том-то и проблема с парнями: обычно они готовы тебе помочь только потому, что ты им нравишься, и нет ни малейшей возможности как-нибудь непринужденно выяснить, что же на самом деле у них на уме, пока не становится слишком поздно. Вообще-то, Брубек вполне ничего, по субботам навещает слепого дядю, читает ему газеты, но из-за Винни и Стеллы, черт бы их побрал, я больше не уверена, что разбираюсь в людях. С другой стороны, близится ночь, так что выбора не остается. Проезжаем мимо какого-то огромного предприятия, и я только хочу спросить, что тут производят, как Эд, словно прочитав мои мысли, говорит, что это Грейнская электростанция, которая обеспечивает электричеством весь Грейвзенд и поло-

вину Юго-Восточного Лондона.

– Да, знаю, – вру я.

Церковь приземистая; колокольня с узкими бойницами окон золотится в лучах заходящего солнца. Лес шумит, как накатывающие на берег волны, а над ним мельтешат грачи, точно черные носки в сушильном барабане. На указателе надпись: «Приходская церковь Сент-Мэри-Ху» – и номер телефона викария. Сама деревня Сент-Мэри-Ху даже и не деревня, а несколько старых домов и паб на перекрестке.

– Условия для ночлега, конечно, не ахти, – говорит Брубек, когда мы слезаем с велосипеда, – зато Отец, Сын и Святой Дух обеспечивают полную безопасность, причем бесплатно, что в наши дни очень ценно.

В церкви, что ли?

– Ты шутишь?

– Освободить помещение надо ровно в семь утра, иначе схлопочешь от начальства.

Да, именно церковь он и имеет в виду. Я недоверчиво поднимаю брови.

Брубек в ответ корчит рожу, мол, мое дело предложить, а там как знаешь.

Придется согласиться. Кентские болота не усеяны уютными сараями, полными теплой соломы, как в «Маленьком домике в прериях». Мне на глаза попался лишь один, несколько миль назад, да и тот из рифленого железа, под охраной

двух бешеных доберманов.

– Так ведь церкви запирают на ночь.

– Ага, – хмыкает Брубек таким же тоном, как я бы сказала: «Ну и?»

Он озирается, проверяет, нет ли где кого, вкатывает велосипед на церковное кладбище и прячет у стены, в темных высоких кустах. Только после этого он ведет меня на крыльцо, занесенное грязноватой поземкой конфетти.

– Присмотри за воротами, – велит он и вытаскивает из кармана что-то вроде кожаного кошеля, в котором позванивает связка тонких длинных ключей и какая-то металлическая пластинка в форме буквы «Г». Еще раз быстро глянув в сторону улицы, он вставляет в замок ключ и слегка им шевелит.

Меня охватывает страх: а вдруг нас сейчас поймают?

– Где это ты научился взламывать замки?

– Видишь ли, отец меня учил не в футбол играть и не резину менять, а кое-чему другому.

– Да нас же за это посадят! Это же… это же…

– Взлом и проникновение. Поэтому смотри в оба.

– И что мне делать, если кто-нибудь появится?

– Изобрази крайнее смущение, мол, мы тут целуемся.

– Ну… Нет уж, Эд Брубек, это тебе не…

Он шикает на меня, будто сдерживает смех:

– Говорю же, изобрази! И вообще, расслабься. Чтобы прижать тебя к ногтю, копы должны доказать, что это ты взлома-

ла замок. А если ни в чем не признаваться и не попортить механизм… – он вставляет в замочную скважину тонкую штуковину в форме буквы «Г», – то никто ничего не сможет доказать. Короче, ты тут случайно: гуляла поблизости, обнаружила, что дверь открыта, вошла внутрь, потому что всегда интересовалась архитектурой саксонских церквей. Между прочим, это и есть наша легенда. – Брубек прикладывает ухо к замку, продолжая орудовать отмычкой. – Я после Пасхи тут три субботы ночевал, и меня ни разу никто не потревожил. И потом, мы же не грабители. Ты девчонка, тебе проще – посмотришь умоляюще, носом похлюпаешь, заноешь: «Ах, господин викарий, не выдавайте меня! Я убежала от отчима-насильника…» – и тебя отпустят, да еще и чаем угостят, с печеньем «Пингвин». – Брубек жестом велит мне помолчать; в тишине раздается щелчок. – Ну вот, готово.

Церковная дверь распахивается со зловещим трансильванским скрипом петель.

В приходской церкви Сент-Мэри-Ху пахнет, как в благотворительных лавках, а витражные окна окрашивают сумрак в цвета фруктового салата. Церковные стены толстые, словно в бомбоубежище; Брубек со стуком закрывает дверь, и звук гулким эхом раскатывается повсюду, будто в подземелье. Потолок – одни старые балки и стропила. Мы идем по короткому приделу мимо десяти или двенадцати молельных скамей. Деревянная кафедра проповедника, каменная купель, орган, похожий на навороченное пианино с выхлоп-

ными трубами. Золото аналоя явно фальшивое, иначе какой-нибудь грабитель – папаша Брубека, например, – давно бы его умыкнул. Останавливаемся перед алтарем, разглядываем витражное окно с изображением Распятия; из голубя в смальтовом небе торчат какие-то спицы. Обе Марии, два апостола и римлянин у подножия креста, судя по всему, обсуждают, пойдет дождь или нет.

– Ты ведь католичка, да? – спрашивает Брубек.

С чего бы это он?

– Моя ма ирландка.

– Значит, ты веришь и в рай, и в Бога, и во все такое?

Я перестала ходить в церковь еще в прошлом году, из-за чего разругалась с ма вдрызг, как никогда, – ну, если не считать сегодняшнего скандала.

– У меня на все это вроде как аллергия развилась.

– Мой дядя Норм называет религию «духовным парацетамолом», и, по-моему, в определенном смысле он прав. Если Бог при входе в рай не предлагает сменить дурной нрав на добрый, то рай давным-давно превратился в бесконечные семейные посиделки с такими типами, как мой дядя Трев. А это такое адское мучение, что хуже не бывает.

– Значит, дядя Трев – совсем не то, что дядя Норм?

– Ага, две большие разницы. Дядя Трев – старший брат отца. Он именует себя «мозгом всей операции», и это чистая правда – его мозгов хватает на то, чтобы заставить таких лузеров, как мой папаша, делать всю грязную работу. Если дело

прошло удачно, то дядя Трев занимается сбытом краденого; ну а если запахнет жареным, он сразу прикидывается мистером Тефлоном, мол, он тут совершенно ни при чем. Он даже перед моей мамой изображал оскорбленную невинность, когда отца посадили; из-за этого мы и переехали на юг.

– Вот гнида.

– Да, дядя Трев – он такой. – Психоделические переливы света на лице Брубека меркнут – закат догорает. – Хотя если бы я умирал в хосписе, то согласился бы принять любой «духовный парацетамол», лишь бы давали.

Я касаюсь алтарной ограды:

– А что, если… рай действительно существует? Но не всегда, а временами? И проявляется, скажем, как стакан воды, который тебе предложат в жаркий день, когда умираешь от жажды? Или как вот когда к тебе по-хорошему относятся, просто так, без всякой причины? Или… – Оладьи ма с соусом из шоколадного батончика «Тоблерон»; папа, на минутку заглянувший ко мне, чтобы сказать «Спи, малышка, сладких снов, не корми во сне клопов»; Джеко и Шерон, каждый год нарочно коверкающие поздравление с днем рождения – «С днем варенья тебя!» – и надрывающие животики от смеха, хотя это давно не смешно; Брендан, который дарит свой старый проигрыватель именно мне, а не кому-нибудь из своих приятелей… – А что, если рай похож не на картину, вечно висящую на стене, а, например, на… самую лучшую песню на свете? Только пока ты жив, эту песню слышишь

урывками, случайно, скажем, из проезжающего мимо автомобиля или… из окна на верхнем этаже незнакомого дома в незнакомом квартале…

Брубек смотрит на меня так, будто действительно слушает.

А я, блин, краснею.

– Ну, чего ты на меня уставился?

Ответить он не успевает: в двери скрежещет ключ.

Секунды ползут, как в замедленной съемке, пьяной змейкой летки-енки, а мы с Брубеком – Лорел и Харди и Старски и Хатч и две половинки лошадки из рождественской пантомимы, и он приоткрывает деревянную дверцу за органом, которую я не заметила, и вталкивает меня в какую-то странную комнату с высоким потолком и лесенкой, упирающейся в люк над головой. Наверное, это ризница, а лесенка ведет на колокольню. Брубек прислушивается, прижав ухо к дверной щелке; других дверей в комнате нет, только в углу стоит какой-то шкаф. К двери приближаются голоса: два мужских и, кажется, еще один, женский. Вот черт! Мы с Брубеком переглядываемся. Выбор у нас невелик: остаться и заговорить зубы неизвестным, спрятаться в шкафу или вскарабкаться по лестнице, надеясь, что люк открыт, а пришедшие за нами не погонятся. Впрочем, удирать по лестнице уже поздно… Брубек пихает меня в шкаф, залезает следом и плотно прикрывает дверцу изнутри. В шкафу тесно, как в половинке вертикально стоящего гроба… да тут еще и парень, к кото-

рому совершенно не хочется прижиматься, но никуда не денешься.

– …а он считает себя вторым долбаным Фиделем Кастро! – Голос звучит уже в ризнице. – Как ни крути, Мэгги Тэтчер на выборах победила, а Артур Скаргилл – нет. Он даже от своего профсоюза не баллотировался.

– Дело не в этом, – возражает мужчина с лондонским акцентом. – Забастовка напрямую связана с нашим будущим. Вот почему правительство использует любой грязный трюк – осведомителей и шпионов МИ-пять, лживые статьи в прессе, ликвидацию льгот для семей шахтеров… Попомните мои слова: если шахтеры проиграют, то вашим детям скоро придется работать в викторианских условиях и за викторианскую плату.

Колено Брубека так давит мне на бедро, что нога начинает затекать.

Я пытаюсь шевельнуться, а он шикает на меня тише самого тихого шепота.

– Проблема в том, что невозможно вечно поддерживать отмирающие отрасли промышленности, – заявляет первый собеседник с провинциальным говорком. – Иначе мы бы до сих пор отстегивали деньги строителям зáмков, копателям рвов или вообще каким-нибудь друидам. Скаргилл несет полную чушь, ратуя за экономику и политику Острова фантазий.

Я спиной чувствую, как вздымается и опускается грудная

клетка Брубека.

– А вы бывали в шахтерских поселках? – спрашивает лондонец. – Сейчас туда лучше не ездить, полиция все равно не пустит. Понимаете, когда закрывается шахта, то умирает и сам поселок. Уэльс и Север – это тебе не южные графства, Йоркшир – не Кент, а энергетические ресурсы – не просто промышленное производство. Энергия – это безопасность. Вот иссякнут нефтяные месторождения в Северном море – и что потом?

– Прекрасная дискуссия, господа, – вмешивается женщина. – Только не забывайте о колоколах.

По перекладинам деревянной лестницы топают ноги: какое счастье, что мы не полезли на колокольню! Проходит минута. В ризнице тишина. Наверное, все трое поднялись наверх. Я чуть меняю позу, и Брубек охает от боли. Я еле слышно шепчу:

– Ты как?

– Хреново. Ты мне все яйца отдавила, если уж тебе так интересно знать.

– Ничего страшного, кого-нибудь усыновишь. Или удочеришь. – Я пытаюсь отодвинуться, но места нет совсем. – Слушай, может, рванем отсюда?

– Ну, если только бесшумно и осторожно. Как только…

Душную тьму сотрясает гулкий звон колоколов. Брубек распахивает дверцу – в шкаф врывается воздух посвежее, – колченого выбирается наружу, помогает вылезти мне. Высо-

ко наверху из люка свисают чьи-то пухлые лодыжки. Мы на цыпочках крадемся к двери, точно парочка мультяшных лохов из «Скуби-Ду».

Мы с Брубеком стремглав несемся по дороге, словно чудом сбежали из Кольдица. В синих сумерках светло и переливчато звонят колокола. От быстрого бега у меня колет в боку, и мы плюхаемся на скамейку у дорожного указателя с названием деревни.

– Ну вот, оно всегда так, – говорит Брубек. – Как только я собираюсь похвастаться своими навыками выживания в глуши, тут же набегают какие-то вурзели. Это дело надо перекурить. Ты будешь?

– Давай. Как ты думаешь, долго они еще будут трезвонить?

– Наверное. – Брубек дает мне сигарету, щелкает зажигалкой; я подношу кончик сигареты к пламени. – Вот как уйдут, я тебе снова дверь открою. Цилиндровый замочный механизм – фигня, его даже в темноте взломать легче легкого.

– А как же ты домой вернешься?

– Позвоню маме из телефонной будки рядом с пабом, скажу, что остаюсь на ночную рыбалку. Небольшая и вполне невинная ложь.

Мне очень нужна его помощь, но боязно, чем за нее придется расплачиваться.

– Не волнуйся, Сайкс. У меня самые благородные наме-

рения.

Я вспоминаю Винни Костелло и вздрагиваю:

– Вот и хорошо.

– Кстати, не все парни только и думают, как бы девицу закадрить.

Я выпускаю струю дыма Брубеку в лицо; он морщится и отворачивается.

– Между прочим, у меня старший брат есть, – говорю я.

Мы сидим возле какого-то неухоженного сада, так что, докурив сигареты, решаем забраться туда за незрелыми яблоками. Перелезаем через кирпичную стену. Яблоки кислые, как лаймы, самое оно после жирного ужина. Над электростанцией, мимо которой мы проехали раньше, мерцают огни.

– Вон там… – Брубек швыряет яблочный огрызок в нужном направлении. – За призрачными огоньками на острове Шеппи есть фруктовая ферма. Хозяина зовут Гэбриел Харти. Я ездил туда прошлым летом собирать клубнику и, между прочим, зарабатывал по двадцать пять фунтов в день. Там есть спальни для сезонных работников; вот сдам экзамены и снова туда махну. Я коплю на «Интеррейл», хочу в августе отправиться путешествовать.

– А что такое «Интеррейл»?

– Ты серьезно?

– Вполне.

– Железнодорожный проездной абонемент. Международный. Платишь сто тридцать фунтов – и целый месяц бесплат-

но путешествуешь по всей Европе. Вторым классом, конечно, но все-таки. От Португалии до Норвегии. Даже в страны Восточного блока можно попасть, в какую-нибудь там Югославию или к Берлинской стене. Или в Стамбул. Знаешь, там такой мост, у которого один конец в Европе, а второй – в Азии. И я по нему непременно пройдусь!

Где-то вдали тявкает одинокая собака, а может, лисица.

– А что ты будешь делать во всех этих странах? – спросила я.

– Смотреть. Гулять. Найду дешевый ночлег. Попробую местную еду. И местное пиво подешевле. Постараюсь, чтобы меня не обобрали. Буду разговаривать с людьми. Непременно выучу хотя бы несколько слов на местном языке. Я там просто буду, понимаешь? – Брубек вгрызается в яблоко. – Иногда хочется быть одновременно везде, так сильно, что прямо… – Он жестами изображает взрыв бомбы в груди. – А у тебя такого никогда не бывает?

Мимо, хлопая крыльями, пролетает летучая мышь, будто марионетка на ниточках в дурацком фильме про вампиров.

– Вообще-то, нет, если честно. Я дальше Ирландии никуда не ездила. Мы иногда навещаем мамину родню в Корке.

– И как там?

– Там все по-другому. В Корке, конечно, нет всяких КПП и бомбы не взрывают, как в Северной Ирландии, но и там чувствуется напряженность, а о политике лучше вообще не заговаривать. Тэтчер все ненавидят, ну из-за Бобби Сэндса

и его товарищей по голодовке. Там живет моя двоюродная бабушка, мамина тетя, ее зовут Эйлиш – так вот она просто блеск! Разводит кур, а в угольном погребе хранит ружье. В молодости она ездила в Катманду – на велосипеде, представляешь? Нет, правда. Вот ей точно это твое чувство знакомо – ну, что нужно везде-везде побывать. У нее масса всяких фотографий и газетных вырезок, я сама видела. Сейчас она живет на мысу недалеко от Бантри, на полуострове Шипсхед. Там такая глушь, ну просто край света. Вообще ничего нет – ни магазинов, ни… В общем, ничего. Но, если честно, мне там нравится. Только я это не каждому скажу.

В небе висит серп месяца, такой острый, что палец обрезать можно.

Мы молчим, но без неловкости. Потом Брубек спрашивает:

– Слушай, Сайкс, а ты знаешь про вторую пуповину?

Мне не видно его лица.

– Про что?

– Ну, младенец в утробе соединен с матерью…

– Да знаю я, что такое пуповина. А какая еще вторая?

– Ну, второй пуповиной психологи называют невидимую эмоциональную связь, которая существует между ребенком и родителями. Все детство. А в один прекрасный день ты крепко ссоришься – с матерью, если ты девочка, или с отцом, если ты мальчик, – и эта вторая пуповина разрывается. И вот тогда только и можно уйти в огромный широкий мир,

стать по-настоящему взрослым, жить по своим правилам. В общем, это что-то вроде ритуала окончательного перехода к взрослению.

– Да я все время с ма ругаюсь! Ежедневно. Она обращается со мной как с десятилетней.

Брубек снова закуривает, с наслаждением затягивается, передает мне пачку.

– Я говорю о куда более крупной и неприятной ссоре. После которой сразу становится ясно, что ты больше не ребенок.

– А с чего это ты вдруг решил поделиться со мной перлами премудрости?

Он осторожно подбирает слова для ответа:

– Если сбегаешь из дома, потому что твой папаша – мелкий преступник, который бьет твою мать и спускает тебя с лестницы, когда ты пытаешься его остановить, то побег вполне оправдан. Беги. Я готов отдать тебе все свои деньги, скопленные на «Интеррейл». Но если сегодня ты сидишь здесь потому, что твоя пуповина оборвалась, то да, это больно, но неизбежно. Не вини маму. Ты просто стала взрослой, так что незачем ее за это наказывать.

– Но она дала мне пощечину!

– Спорим, ей сейчас тоже хреново.

– Ты ее просто не знаешь!

– А ты уверена, что знаешь, Сайкс?

– Да ты вообще о чем?!

Брубек не отвечает. Ну и я молчу.

В церкви тихо, как в могиле. Брубек спит на груде пыльных подушек. Мы прячемся на галерее вдоль задней стены; если вдруг сатанисты явятся сюда на черную мессу, нас не заметят. Ноги ноют, кровавый волдырь на ушибленном пальце пульсирует болью, а в голове крутится утренняя сцена: Винни со Стеллой в постели. Неужели секс со мной был так плох? Или я не так одевалась, не так говорила, увлекалась не той музыкой?

На моем «Таймексе» светятся цифры 22:58. Самые сумасшедшие минуты в «Капитане Марло» – конец недели, последние заказы субботнего вечера. Ма, отец и Гленда, которая работает у нас только по выходным, крутятся волчком; посетители вопят, размахивают пятерками и десятками, дымный смрад, шум голосов, выкрики, смех, перебранка, неуклюжие заигрывания… И никому нет дела до того, где сегодня ночует Холли. Музыкальный автомат на полной громкости изрыгает «Daydream Believer»[5], или «Rockin' All over the World»[6], или «American Pie»[7]. Шерон дрыхнет с включенным фонариком, спрятанным под одеялом. Джеко спит под иностранную речь, льющуюся из радио. А в моей комнате неприбранная постель, школьная сумка на спинке

[5] «Мечтатель» (*англ.*).

[6] «Идем по всему миру» (*англ.*).

[7] «Американский пирог» (*англ.*).

стула и корзина с выстиранным бельем у самой двери, там, куда ма обычно ее ставит, когда мы с ней в очередной раз разругаемся. Впрочем, в последнее время это происходит почти каждый день. А оранжевое электрическое зарево Эссекса разливается над рекой, сочится сквозь неплотно задернутые занавески, освещает стибренные в «Мэджик бас рекордз» постеры альбомов «Zenyatta Mondatta» и «The Queen is Dead». Нет, не буду я скучать по своей комнате.

Нафиг оно мне все нужно.

1 июля

Посвистывание, тихие шорохи, птичьи трели и ангел на витраже. Ах да, это же церквушка на острове Грейн, пронизанная первыми лучами солнца. Ма. Скандал. Стелла и Винни в объятиях друг друга. У меня перехватывает дыхание. Наверное, если с мужчиной слишком сближаешься, то его не так-то просто забыть. Любовь – это чистая бесплатная радость, пока она есть, но когда она исчезает, то за прошлое счастье приходится платить по завышенной цене, да еще и с процентами. 06:03, сообщают мои часы. Воскресенье. Эд Брубек. Вот он, спит на груде подушек, рот разинут, волосы встрепаны. Клетчатая фланелевая рубаха аккуратно сложена, прикрыта бейсболкой. Протираю глаза, разгоняя сон. Мне снились Джеко и мисс Константен; они распахнули какой-то воздушный занавес, за которым уходили вверх каменные ступени, как в кино про Индиану Джонса…

Да какая разница, что мне снилось? Я потеряла Винни! Стелла его увела.

Эд Брубек храпит, как медведь. Вот Брубек наверняка не изменит своей девушке. Если она у него есть. Большинство ребят из моего класса, поглаживая редкий пушок над верхней губой, любят намекнуть, что давно потеряли невинность «на вечеринке у друга»; особенно те, кто со своей невинностью не расстался. А Эд Брубек не отпускает никаких таких

намеков, так что у него, скорее всего, все уже было. Только вряд ли с кем-то из нашей школы, иначе я бы об этом слышала. А вообще-то, черт его знает. У Брубека привычка держать рот на замке.

Хотя вчера он мне много чего рассказал.

О семье, об отце и все такое. С чего бы это?

Смотрю на него: даже во сне черты лица острые, уже не ребенок, но еще не взрослый.

Ответ очевиден: «Потому что ты ему нравишься, креветка безмозглая!»

Но если я ему нравлюсь, почему он не пытался за мной ухаживать?

Ишь какой умный, соображаю я. Сперва добивается моей благодарности.

Правильно. Ну конечно. Пожалуй, самое время делать ноги.

Вдоль растресканной проселочной дороги растут одуванчики и чертополох, а зеленые изгороди вздымаются выше головы. Утреннее солнце как лучи лазера. Из церкви я выбралась украдкой, прихватив Брубекову бейсболку – оказывается, очень удачно. Брубек если и рассердится, то не очень сильно. До Рочестера отсюда миль шесть или семь по шоссе, на которое можно выйти напрямик, через поля. Ну, стертые в кровь ноги выдержат. Все равно в моей сумке нет походной аптечки. В животе бурчит от голода, но желудку придет-

ся потерпеть, так что до Рочестера пусть лучше заткнется – а уж там найдем что поесть. Наверное, зря я не попрощалась с Брубеком и не сказала ему спасибо, но если бы он в ответ непринужденным тоном предложил: «Да ладно, Сайкс, может, все-таки отвезти тебя в Грейвзенд?», то я вряд ли смогла бы отказаться.

Проселочная дорога упирается в какую-то ферму.

Перелезаю через ограду, обхожу поле капусты.

Еще одна ограда. В небе еле заметной точкой кружит ястреб.

Наверное, шести дней вполне хватит. Полиция начинает искать пропавших подростков не раньше чем через неделю. Так что шесть дней – хороший срок, чтобы доказать ма, что в этом огромном злобном мире я способна выжить самостоятельно. И тогда я смогу разговаривать с ней с позиций силы, или как там это называется. И прекрасно обойдусь без помощи Брубека, чтобы он не набивался мне в бойфренды. Просто нужно аккуратно расходовать деньги, тогда их надолго хватит. А может, вспомнить времена, когда мы развлекались магазинными кражами?

Как-то раз в прошлом году, в субботу, мы с девчонками поехали в Чатем, на роликовый каток с дискотекой, праздновать день рождения Эли Джессоп, но там была такая тоска, что Стелла, Аманда Кидд и я смылись и решили прошвырнуться по главной улице. Аманда Кидд спросила: «Ну, кто хочет половить рыбку?» Я отказалась, но Стелла кивнула,

ладно, мол, так что и мне пришлось притвориться, будто я тоже вся такая крутая, и мы пошли в универмаг «Дебенхем». Я в жизни своей ничего не крала и чуть не обоссалась от страха, когда Стелла сперва спросила у продавщицы что-то совершенно бессмысленное, а потом нарочно, но якобы случайно уронила со стенда в косметическом отделе два тюбика помады, наклонилась за ними, и один сунула себе в ботинок. Потом и я поступила точно так же с парой классных сережек и даже нагло спросила у продавщицы, до скольки открыт магазин. Как только мы благополучно вышли на улицу, мне показалось, что мир выглядит иначе, словно все правила в нем полностью переменились. Я поняла: если умеешь держать себя в руках, то можно получить все, что хочешь. Аманда Кидд, например, прикарманила темные очки стоимостью фунтов десять. Стелла – помаду от «Эсте Лаудер», да и стразы в краденых сережках сверкали, как настоящие брильянты. Затем мы направились в кондитерскую «Сладкая фабрика», и пока мы с Амандой Кидд совали конфеты в карманы и за пазуху, Стелла заговаривала зубы какому-то парнишке из тех, что подрабатывают там по субботам: она, мол, уже сто лет его здесь видит, и он ей даже снился, и не хочет ли он встретиться с ней после работы? А под конец мы заглянули в универмаг «Вулворт». Пока мы со Стеллой с самыми невинными намерениями изучали хит-парад 40 лучших синглов, к нам подошли заведующий секцией и продавец, взяли нас в кольцо, а тамошний охранник привел за ло-

коток Аманду Кидд, белую как полотно. Ее трясло от страха. «Вот вместе с этими самыми она как раз сюда и явилась!» – рявкнул охранник. Заведующий хотел отвести нас к себе в кабинет, и все мое самообладание тут же куда-то улетучилось, но Стелла по-прежнему держала себя в руках и презрительно осведомилась: «А вы кто такой, собственно говоря?»

Заведующий миролюбиво сказал: «Пройдемте, милочка» – и попытался взять ее за плечо.

Стелла гневно отшвырнула его руку и заорала уже в полную силу: «Не распускайте свои грязные лапы! И вообще, с какой стати вы решили, что мы с сестрой имеем какое-то отношение к этой… магазинной воровке? – Она зыркнула в сторону Аманды Кидд, которая уже рыдала в голос. – Нет, вот вы мне скажите, что именно мы украли в вашей мерзкой лавчонке, где торгуют всяким барахлом? – С этими словами Стелла вытряхнула содержимое сумочки на прилавок и заявила: – Только смотрите не ошибитесь, мистер, не то в понедельник мой отец пришлет вам судебную повестку! Не заблуждайтесь на мой счет: я отлично знаю свои права». Покупатели уже с любопытством глазели на нас – и, чудо из чудес, заведующий пробормотал, что, возможно, охранник ошибся, так что мы свободны и можем идти. Стелла снова рявкнула: «Я и так знаю, что свободна и могу идти куда захочу!» – сложила вещички в сумочку, и мы выбрались на улицу.

Потом мы вернулись на дискотеку и никому не сказали, что случилось. Маме Аманды пришлось вызволять дочь из

«Вулворта». Я страшно боялась, что Аманда нас заложит, но она не посмела. С тех пор она ходила в школьную столовую с другими девчонками и мы с ней больше не разговаривали. Сейчас в нашем классе она чуть ли не лучшая по успеваемости, так что, похоже, происшествие в «Вулворте» пошло ей на пользу. Но дело в том, что я, в отличие от Стеллы, ни воровать, ни врать не умею, а ей в тот день вполне удалось убедить меня, что мы ни в чем не виноваты. Представляете, какой дурой я чувствовала себя теперь, когда она и из меня сделала Аманду Кидд? Неужели Стелле вообще не нужны друзья? Или для Стеллы дружба – средство получить то, что хочется?

Слева от меня крутая насыпь четырехполосного шоссе, а справа – поле, расчищенное, судя по всему, для массовой застройки. Там всякие экскаваторы, бульдозеры, какие-то времянки и бытовки, высокие проволочные ограждения и всякие таблички типа «На территории объекта носить защитную каску»; а над табличкой «Посторонним вход воспрещен» намалевано граффити «На нашем флаге нету черного цвету» и пара свастик, на случай если кто не понял. Еще рано, 07:40. Брубек, наверное, уже катит на своем велосипеде домой, а в «Капитане Марло» ма с папой еще спят. Впереди замечаю вход в туннель под шоссе и направляюсь туда. Метрах в ста от входа вижу какого-то мальчишку, останавливаюсь. Странно… Это ведь…

Да это Джеко! Стоит и смотрит, как я иду к нему. Нет, настоящий Джеко сейчас в двадцати с лишним милях отсюда, рисует какой-нибудь лабиринт, или читает книгу о шахматах, или делает что-нибудь такое, что только он умеет; однако у этого мальчишки точно такие же встрепанные каштановые волосы, та же фигура, та же манера держаться и даже красная футболка Ливерпульского футбольного клуба точно такая же, как у Джеко. Я знаю, как выглядит мой брат, так что передо мной либо он, либо его невесть откуда взявшийся близнец. Иду не моргая, чтобы он вдруг не исчез. Метрах в пятидесяти от него машу рукой, а мальчишка, который никак не может быть моим младшим братом, машет мне в ответ. Окликаю его по имени, но он не отвечает, а поворачивается и уходит в туннель под шоссе. Не знаю, что и думать, бегу следом, почему-то боюсь, что он ушел из дома и отправился меня искать, хотя и понимаю, что это никак не может быть он, потому что откуда ему знать, где я.

Теперь я уже несусь со всех ног, в полной уверенности, что происходит нечто очень странное, но не понимая, что это значит. Туннель предназначен для пешеходов и велосипедистов, он узкий и короткий, длиной ровно в ширину четырех автомобильных полос и газона, что отделяет правую сторону шоссе от левой. На его дальнем конце, словно в квадратном окошке, виднеется поле, небо и крыши домов. Вхожу в туннель, делаю несколько шагов и внезапно замечаю, что чем ближе к центру, тем светлее, а не темнее, как должно быть,

а вместо гулкого эха вокруг почти полная тишина. Уговариваю себя, мол, все это ерунда, оптический обман и все такое, но через несколько шагов соображаю, что туннель под шоссе меняется. Теперь он шире и выше и не вытянутый в длину, а четырехугольный, какой-то ромбовидный. И это место где-то… не здесь. Невероятно. И страшно. Я знаю, что не сплю, но наяву так не бывает. Останавливаюсь, потому что боюсь налететь на невидимую стену. Где я? Совершенно незнакомое помещение. У меня дневной кошмар? Неужели они возвращаются? Слева и справа шагах в десяти от меня виднеются узкие окна. Смотреть в эти окна незачем, они же под землей, в туннеле под шоссе, но в окне слева какие-то дюны, серые дюны поднимаются к высокому горному хребту, а в окне справа темно и дюны пологими волнами скатываются к морю, а море черное, черное-пречерное, точно тьма, запертая в ларце, схороненном в пещере в миле под землей. В центре этого странного помещения вдруг возникает длинный стол, и я иду слева от стола, а вдоль правой стороны стола вровень со мной идет какая-то женщина. Она молода и очень красива холодной, надменной красотой кинозвезды; у нее светлые, почти белые, волосы, мертвенно-бледная, будто костяная кожа, пунцовые, как розы, губы и сказочное бальное платье полуночной синевы…

Мисс Константен. Та самая, что сидела в кресле у моей кровати, когда мне было восемь лет. Но почему мозг именно сейчас проделывает со мной эти фокусы? Мы идем к кар-

тине на стене в остром углу ромбовидного зала; на картине какой-то тип, похожий на библейского святого, только без глаз. От меня до картины всего несколько дюймов. На лбу у этого святого чуть выше переносицы виднеется черное пятнышко. Оно растет. Превращается в кружок. Кружок превращается в глаз. И я вдруг ощущаю, что и у меня во лбу такой же «глаз», причем в том же самом месте; но теперь я уже не уверена, что я – это Холли Сайкс, хотя если я – не я, то кто же? Из пятна у меня на лбу что-то выходит и зависает перед глазами. Если смотреть прямо на него, оно исчезает, но если отвести глаза, то кажется, что передо мной парит крошечная мерцающая планета. Затем появляется еще одна, и еще, и еще. Четыре мерцающие штуковины! Во рту вкус зеленого чая. Потом вдруг словно что-то взрывается, и мисс Константен жутко воет, и ее пальцы превращаются в когти, и по ней будто хлыстом ударяет сполох какого-то невероятно яркого синего света, и сбивает ее с ног, и отбрасывает на стол. Святой старец на картине раскрывает рот, полный острых звериных клыков, и скрежещет железо, и гулко стонет камень. Вокруг мечутся призрачные силуэты, точно в театре теней, порожденном воображением безумца. На стол вспрыгивает какой-то старик в черном костюме. У него рыбьи глаза пираньи, длинные черные кудри и расквашенный нос; и весь он лучится странным ярко-синим светом, будто радиоактивный. Старик помогает мисс Константен подняться, и она указывает в мою сторону пальцем с длинным се-

ребристым ногтем-когтем. Вспыхивает черное пламя, что-то ревет и завывает, как двигатель реактивного самолета, а я не могу ни убежать, ни сопротивляться, я даже разглядеть ничего не могу и стою неподвижно, слушая голоса, похожие на отчаянные крики и вопли, словно бы доносящиеся из здания, которое рушится прямо на его обитателей, и в этом оглушительном шуме вдруг отчетливо звучит голос: «Я буду здесь». Все трясется, а невероятно яркое, ярче солнца, сияние разгорается все сильней и сильней, и мои глазные яблоки тают в глазницах…

…и сквозь трещины сочится блеклый серый свет, и птичьи трели, и грохот грузовика на шоссе, и острая боль в ушибленной лодыжке, а я на корточках сижу на бетонном полу подземного туннеля, в нескольких ярдах от выхода. Ветерок, пахнущий автомобильными выхлопами, обдувает мне лицо, и все кончается, мой дневной кошмар, или видение, или не знаю что… И не у кого спросить: «А ты тоже это видел?» В ушах по-прежнему звучат три слова: «Я буду здесь». Ковыляю по туннелю навстречу ясному голубому утру, вся дрожу, до глубины души потрясенная жуткой необычностью случившегося, и сажусь в траву на обочине. Может быть, дневные кошмары, сны наяву – это что-то вроде рака, который то пропадает, то неожиданно возвращается, хотя ты вроде бы уже совсем выздоровел? Может быть, средство доктора Маринуса больше не действует? Может быть, вчерашние

потрясения – ссора с ма, история с Винни и все остальное – привели к рецидиву? Не знаю. Никакого Джеко рядом нет; наверняка он мне просто привиделся. Отлично. Хорошо, что он дома, в безопасности, в «Капитане Марло», за двадцать миль отсюда, и мне, конечно, очень хочется его увидеть, убедиться, что с ним все в порядке, хотя я и так знаю, что с ним все в порядке и беспокоиться совершенно не о чем.

Впервые я увидела Джеко в инкубаторе реанимационной системы, потому что мой брат появился на свет раньше времени. Это тоже было в городской больнице Грейвзенда, но в другом здании, где находилось родильное отделение. После кесарева сечения ма только-только приходила в себя и выглядела какой-то необыкновенно усталой, но все-таки очень счастливой и с улыбкой велела поздороваться с Джеком, нашим новым братиком. Папа весь предыдущий день и всю ночь провел в больнице и выглядел таким помятым, небритым и немытым, словно неделю ночевал в автомобиле на парковке. Шерон, помнится, больше всего огорчилась тем, что ей придется расстаться с положением всеобщей любимицы в «Капитане Марло», да еще и из-за какого-то непонятного существа – то ли мартышки, то ли креветки, – завернутого в пеленку и утыканного разными трубочками. В родильном отделении пятнадцатилетний Брендан просто ошалел от одного вида вопящих младенцев, кормящих матерей, блевотины и какашек. Я постучала пальцем по стеклу и ска-

зала: «Привет, Джеко, я твоя старшая сестра», и его пальчики шевельнулись, совсем чуть-чуть, будто он приветливо помахал мне в ответ. Богом клянусь, это чистая правда, хотя никто этого не заметил, зато у меня прямо сердце защемило, и я почувствовала, что готова кого угодно убить, лишь бы защитить эту кроху от любых невзгод. Я и теперь относилась к Джеко точно так же; особенно меня бесило, когда какие-нибудь мудаки называли его «странным ребенком», а то и вовсе «подменышем» или «недоноском». На свете все-таки очень много сволочей. Почему, собственно, считается нормальным, когда семилетние дети рисуют межпланетные корабли, а если ребенку нравится рисовать «инфернальные» лабиринты, то он «урод»? Кто решил, что тратить деньги на игру «Космические захватчики» можно, а если купить мальчику калькулятор с кучей всяких математических операций, то его попросту задразнят? Почему детям разрешается слушать хит-парад по «Би-би-си Радио-1», но того, кто любит слушать передачи на иностранных языках, непременно сочтут фриком? Бывает, конечно, что родители просят Джеко поменьше читать и побольше играть в футбол и другие подвижные игры и после этого он какое-то время ведет себя почти как нормальный семилетний мальчик, но все мы прекрасно понимаем, что он просто притворяется. А иногда настоящий Джеко с улыбкой смотрит на меня из глубины своих черных глаз, будто пассажир скорого поезда, проносящегося мимо, и мне всегда хочется помахать ему в ответ, даже если

он сидит напротив меня за столом или мы с ним сталкиваемся на лестнице.

Фиг с ними, с галлюцинациями. Некогда рассиживаться. Надо раздобыть еды и придумать какой-нибудь план действий. Встаю, дохожу до кольцевой развязки, а там поля заканчиваются, и я вновь попадаю в мир садовых изгородей, рекламных указателей и полосатых дорожных переходов. В небе висит жаркое марево, и меня опять донимает жажда. В последний раз я вволю напилась воды из-под крана в церкви; а в городе правила приличия не позволяют постучаться в незнакомую дверь и попросить стакан воды, хотя где-нибудь в пустынном краю такое вполне допустимо. Господи, ну где тут какой-нибудь парк с фонтанчиком или хотя бы общественный туалет, но поблизости нет ни малейших признаков ни того ни другого. Очень хочется почистить зубы: они какие-то шершавые, будто внутренняя поверхность чайника, обросшая накипью. Откуда-то из окна пахнет жареным беконом, и у меня сводит живот от голода, а тут еще, как нарочно, мимо проезжает автобус с табличкой «ГРЕЙВЗЕНД». Вот бы сесть на него и через сорок пять минут оказаться дома…

Ага, размечталась. Я представляю себе торжествующее лицо ма, когда она откроет боковую дверь и… Автобус, пыхтя, проезжает мимо, а я хмуро бреду под железнодорожным мостом. Впереди виднеется улочка с магазинами и газетным

киоском, где наверняка можно купить бутылку воды и пачку печенья. Рассматриваю вывески: магазин христианской книги, магазин товаров для вязанья, букмекерская контора, магазин детских конструкторов и моделей самолетов фирмы «Эрфикс», чуть дальше – зоомагазин с облезлыми хомяками в клетках. Почти все магазины закрыты, и в целом улица имеет весьма унылый вид. Что ж, привет, Рочестер. А дальше что?

Вот телефонная будка, красная, как клубника…

Клубника… а что, неплохая идея.

Оператор справочной службы быстро находит телефон фермы Гэбриела Харти «Черный вяз», что на острове Шеппи, и спрашивает, не соединить ли меня с ним. Я соглашаюсь, и через миг в трубке слышны сдвоенные гудки. На моих часах 08:57. Для фермы не слишком рано, даже в воскресенье. Но трубку никто не берет. По совершенно непонятной причине я ужасно нервничаю. Если через десять гудков мне так никто и не ответит, то придется повесить трубку. Значит, не суждено.

На девятом звонке трубку все-таки снимают:

– Да-а?

Я просовываю в щелку десять пенсов:

– Здравствуйте. Это ферма «Черный вяз»?

– Да вроде бы так, – хрипло и невыносимо тягуче откликается трубка.

– Вы мистер Харти?

– Ну, с утра вроде был.

– Простите, а нужны ли вам сборщики урожая?

– Нужны ли нам сборщики урожая? – (В трубке слышно, как где-то заходится лаем собака и женский голос кричит: «Борис, заткни пасть!») – Да-а.

– Мой знакомый пару лет назад работал у вас на ферме, и, если вы не против, я бы тоже хотела у вас поработать. Если можно. Пожалуйста!

– Клубнику собирать доводилось?

– Да, только не на ферме, хотя я привыкла к тяжелой работе… – Тут я очень вовремя вспоминаю ирландскую двоюродную бабушку Эйлиш. – Я тете в огороде помогала, а огород у нее просто огромный, так что не боюсь испачкать руки.

– Значит, у нас, фермеров, руки всегда грязные, так?

– Я просто хотела сказать, что не боюсь тяжелой работы и могла бы начать хоть сегодня. – Пауза. Очень долгая пауза. Очень-очень долгая. Наверное, придется скормить автомату еще монетку. – Мистер Харти? Алло? Вы меня слышите?

– Да-а. По воскресеньям ягоду не собирают. Во всяком случае, у нас, на ферме «Черный вяз». По воскресеньям мы даем ягоде возможность подрасти. А собирать начнем завтра, ровно в шесть. Кстати, у нас есть общежитие для работников, но предупреждаю: это не отель «Ритц». И горничных у нас нет.

Блеск!

– Отлично! Значит… вы меня берете?

– Тридцать пять пенсов за поддон. Полный. Без гнилья. Иначе придется все перебирать. И чтобы без камней, не то сразу выгоню.

– Хорошо-хорошо. Так можно подъехать?

– Да-а, давай. Тебя как звать-то?

Вне себя от облегчения, я сдуру выпаливаю «Холли!» и запоздало соображаю, что разумней было бы назваться вымышленным именем. Прямо передо мной на железнодорожном мосту висит реклама сигарет «Ротманс», и я говорю: «Холли Ротманс» – и снова жалею об этом. Нет, чтобы выбрать что-нибудь заурядное, вроде Трейси Смит, но теперь уж ничего не поделаешь.

– Значит, Холли Боссман?

– Холли Ротманс. Как сигареты.

– Сигареты? Сам-то я трубку курю.

– Как мне добраться до вашей фермы?

– Наши сборщики сами как-то добираются. У нас тут такси нет.

– Я знаю, потому и спрашиваю, как к вам ехать.

– Очень просто.

Черт побери, надеюсь, что так! Если он будет продолжать в том же духе, то у меня кончатся монетки.

– А все-таки как до вас добраться?

– Перейдешь через мост на остров Шеппи, спросишь, где тут ферма «Черный вяз». – И Гэбриел Харти кладет трубку.

Рочестерский замок высится на берегу реки Медуэй, будто гигантский игрушечный макет; у железного моста стоит на страже большой черный лев, и я, проходя мимо, глажу ему лапу – на удачу. Опоры покряхтывают и стонут, когда по мосту проносятся тяжелые грузовики, а мои стертые ноги ноют, но я страшно довольна собой: всего сутки назад я сама была как та кровавая мозоль, а теперь договорилась насчет работы и ночлега, так что следующую неделю не о чем беспокоиться. Ферма «Черный вяз» – как раз такое место, где можно залечь на дно и подсобрать деньжат. Представляю себе, какие потрясения сегодня ждут Грейвзенд, прямо как бомбы, одна за другой. Папа наверняка сходит к Винни: «Доброе утро! Это вы спите с моей несовершеннолетней дочерью? Дайте-ка мне с ней поговорить!» Бабах! Морда у Винни вытягивается, как у хорька. Бабах! Папа бросается домой и сообщает ма, что у Винни меня нет. Бабах! Ма сразу вспоминает ту самую пощечину. Потом сама чешет к Винни. Дерьмо, прошу любить и жаловать, это Вентилятор. Вентилятор, познакомьтесь с Дерьмом. Ма размазывает Винни по стенкам и мчится к Брендану и Рут, проверять, не отсиживаюсь ли я у них. Брендан ей докладывает, что вчера утром я собиралась к Стелле Йервуд, и вместе с ма отправится к ней. А Стелла вся такая: «Что вы, миссис Сайкс, она ко мне не заходила, да меня и дома-то не было, так что я понятия не имею, где она», но соображает, что баллистическая ракета уже несется

прямо к ней. Пройдет понедельник, затем вторник, и в среду наконец позвонят из школы и спросят, почему меня нет на экзаменах. Мистер Никсон сурово скажет: «Миссис Сайкс, я правильно понимаю, что ваша дочь исчезла в субботу и до сих пор не появилась?» Ма пролепечет что-то насчет семейной размолвки. Папа тут же начнет допытываться, как все дело было и о каком «легком шлепке» идет речь. Легкий шлепок, говоришь? Бабах! Бабах! Бабах! И тут ма сорвется, завопит: «Да что за хрень, Дейв?! Я же тебе рассказывала!», а потом уйдет на кухню, будет смотреть вдаль, за реку, и думать: «Ведь девочке всего пятнадцать! С ней что угодно могло случиться…» Ничего, пусть помается.

Внизу, над рекой, истошно вопят чайки.

Под мостом тарахтит полицейский катер. Я иду себе дальше.

Вон впереди бензозаправка «Тексако» – и магазин при ней открыт.

– Где здесь лучше всего голосовать, чтобы добраться автостопом до Шеппи? – спрашиваю я у парня на кассе, получив сдачу, две жестянки «Танго», двойной сэндвич и пачку крекеров «Ритц»; заветные 13 фунтов 85 пенсов уменьшаются до 12 фунтов 17 пенсов.

– Сам я автостопом не езжу, – говорит он, – но, наверное, лучше всего попытать счастья на кольцевой развязке в Чатем-Хилле.

– А как туда добраться?

Парень из «Тексако» не успевает ответить, потому что в магазин входит молодая женщина с малиновыми волосами, и он не может оторвать от нее глаз.

Приходится напомнить ему о себе:

– Простите, но все-таки как добраться до Чатем-Хилла?

– От заправки свернешь налево, минуешь первый светофор, гостиницу «Стар Инн» и поднимайся на холм, до башни с часами. Там свернешь налево, в сторону Чатема, пройдешь мимо больницы Святого Варфоломея и продолжай идти прямо, пока не доберешься до автомагазина «Остин-Ровер», он как раз у кольцевой развязки. Там выставляй большой палец и жди, пока к тебе не подкатит рыцарь на сверкающем «ягуаре». – Он нарочно выпаливает все это скороговоркой, чтобы было трудней запомнить. – Может, сразу повезет, а может, придется прождать пару часов. С автостопом никогда не знаешь наверняка. И попроси, чтобы тебя высадили у поворота на Ширнесс, – если окажешься в Фавершеме, то заедешь слишком далеко. – Он поправляет мотню и поворачивается к женщине с малиновыми волосами. – Чем вам помочь, красавица?

– Для начала не называйте меня «красавицей», договорились?

Я хохочу во все горло, а он гневно зыркает на меня.

Ярдов через сто меня нагоняет старенький «форд эскорт»,

с виду оранжевого цвета, хотя, возможно, просто насквозь ржавый. Пассажир на переднем сиденье открывает окошко: «Привет!» У меня полон рот крекеров, так что я выгляжу полной идиоткой, зато сразу узнаю, кто это.

– Это, правда, не сверкающий «ягуар», – говорит женщина с малиновыми волосами, весело хлопая по дверце, – да и Иэн на рыцаря не тянет. – Парень за рулем приветливо машет мне рукой. – Но если тебе нужно на остров Шеппи, то мы как раз едем в ту сторону и можем довезти тебя почти до самого моста. Честное слово, мы не рубим людей топорами и не распиливаем их циркулярной пилой. По-моему, лучше ехать на нашей развалюхе, чем стоять на обочине дороги часов шесть и в итоге дождаться кого-нибудь вроде вон того урода, – она кивает в сторону заправочной станции, – который притормозит со словами: «Чем вам помочь, красавица?», а потом на тебя набросится.

Ноги невыносимо болят. Ну, она права, конечно: сесть в машину к парочке гораздо безопасней, чем к одинокому мужчине.

– Спасибо! Просто замечательно.

Она открывает заднюю дверь, сдвигает какие-то коробки, освобождая для меня место. Я еле втискиваюсь в салон, но окна ничего не загораживает, так что можно любоваться видами сколько угодно. Иэну на вид лет двадцать пять, однако уже намечается плешь, да и шнобель у него размером с «Конкорд», не меньше.

– Тебе там не тесно?

– Нет, что вы, – говорю я. – Очень даже уютно.

– Ничего, тут недолго ехать, всего минут двадцать пять, – заявляет Иэн, и мы трогаемся с места.

– Когда мы тебя нагнали, я как раз говорила Иэну, что если мы тебя не подвезем, то я весь день буду волноваться. Меня зовут Хайди. А тебя?

– Трейси, – отвечаю я. – Трейси Коркоран.

– Знаешь, среди моих знакомых нет ни одной Трейси, которая была бы мне неприятна.

– Ну, могу вам парочку подыскать, – предлагаю я, и Иэн с Хайди смеются, будто это чертовски остроумно; ну, может, так оно и есть. – Хайди тоже очень симпатичное имя.

Иен недоверчиво хмыкает, и Хайди тычет его в бок.

– Не мешай водителю, – говорит он.

Мы проезжаем мимо школы, построенной по тому же проекту, что и наша общеобразовательная «Уиндмилл-Хилл», – такие же большие окна, такая же плоская крыша, такое же вытоптанное футбольное поле. На самом деле я только сейчас начинаю понимать, что бросила школу; как говорит старый мистер Шарки, в жизни всегда так: побеждает тот, кто дерзает.

– А ты, Трейси, живешь на острове Шеппи? – спрашивает Хайди.

– Нет. Я там работать буду. На ферме. Клубнику собирать.

– На ферме Гэбриела Харти? – уточняет Иэн.

– Да. А вы его знаете?

– Не лично, но он всем известен своим весьма субъективным отношением к арифметике, особенно когда дело касается расчета заработной платы. Так что гляди в оба, Трейси, потому что ошибки он всегда делает исключительно в свою пользу.

– Спасибо, я постараюсь. Но, вообще-то, все будет нормально. Моя школьная подруга прошлым летом там работала. – Я начинаю частить, надеясь, что так мне скорее поверят. – А я только что экзамены сдала за неполное среднее, мне уже шестнадцать исполнилось, и теперь коплю деньги, чтобы в августе купить абонемент «Интеррейл».

Все это звучит так, будто я читаю с листа.

– «Интеррейл» – это здорово, – кивает Хайди. – Вся Европа как на ладони. А живешь-то ты где?

Где бы мне хотелось жить?

– В Лондоне.

На светофоре – красный. Дорогу переходит слепой с собакой-поводырем.

– Лондон – большой город, – говорит Иэн. – А если поточней?

Мне становится слегка не по себе.

– В Гайд-парке.

– Как это – в Гайд-парке? На дереве, что ли, вместе с белками?

– Нет. На самом деле мы живем недалеко от Кэмден-Та-

уна.

Хайди и Иэн умолкают – уж не сморозила ли я какую-то глупость? – но потом Иэн говорит:

– А, понятно.

Слепец благополучно добирается до противоположного тротуара; Иэн возится с коробкой передач, и мы едем дальше.

– Когда я впервые приехал в Лондон, остановился у приятеля, как раз в Кэмден-Тауне, на Раунтри-Сквер. Рядом с крикетным стадионом у станции метро. Ну, ты представляешь где.

– Конечно, – вру я. – Я той дорогой часто хожу.

– И ты с самого утра на попутках из Кэмдена сюда добралась? – спрашивает Хайди.

– Ага. Водитель грузовика довез меня до Грейвзенда, оттуда турист из Германии подбросил до Рочестерского моста, а потом уж вы подобрали. Так что мне здорово повезло. – Мне хочется поскорее сменить тему. – А что это у вас в коробках? Вы что, переезжаете?

– Нет, это еженедельная газета «Социалистический рабочий». Свежий тираж, – объясняет Хайди.

– А, ее на Куин-стрит продают. В Кэмдене, – говорю я.

– Мы принимаем активное участие в работе филиала в центральном Лондоне, – добавляет Иэн. – Мы с Хайди – аспиранты Лондонской школы экономики, но выходные обычно проводим неподалеку от Фавершема, так что заодно рас-

пространяем газету. Поэтому и возим все эти коробки.

Я вытаскиваю экземпляр «Социалистического рабочего»:

– Ну и что интересного в ней пишут?

– Все прочие британские газеты – пропагандистское дерьмо, – отвечает Иэн. – Даже «Гардиан». Ты бери, не стесняйся.

Отказываться невежливо. Я благодарю и изучаю первую страницу: крупный заголовок «Рабочие, объединяйтесь!» и фотография бастующих шахтеров.

– А вы что, вроде как… заодно с Россией?

– Вовсе нет, – говорит Иэн. – Сталин зарезал русский коммунизм еще в колыбели, Хрущев был бесстыдным ревизионистом, а при Брежневе партийные лизоблюды отоваривались в роскошных магазинах, а рабочие стояли в очереди за черствым хлебом. Советский империализм столь же плох, как и американский капитализм.

Дома проносятся мимо, точно задник в дешевом мультфильме.

– А чем твои родители зарабатывают на жизнь, Трейси?

– У них свой паб, «Голова короля». Совсем рядом с Кэмденом.

– Владельцы пабов практически обескровлены крупными пивоваренными заводами, – заявляет Иэн. – Все как обычно: рабочий создает прибавочную стоимость, а хозяева ее присваивают. Так, а это что еще за дела?

На полпути к вершине холма создается пробка, все движение замирает.

– Невидимая война, – говорит Хайди, и до меня не сразу доходит, что она не имеет в виду движение на дороге, – во все исторические периоды носит классовый характер. Хозяева против рабов, аристократы против простонародья, жирующие дельцы против рабочих, имущие слои населения против неимущих. Рабочий класс подавляют силой и ложью.

– Какой ложью? – спрашиваю я.

– Например, бери кредит и на деньги, которых у тебя нет, покупай вещи, которые тебе не нужны, и будет тебе счастье, – говорит Иэн. – Так же лживо и утверждение, что мы живем в демократическом государстве. Но самая подлая ложь – это то, что классовой борьбы не существует. Именно поэтому истеблишмент железной хваткой вцепился в школьную программу, особенно в преподавание истории. Ведь как только рабочие поумнеют, начнется революция и правителям придется убираться с насиженного места. Но, как верно заметил Гил Скотт-Херон, революцию по телевизору не покажут.

Какой еще скот с хером? Я не очень-то понимаю, о чем он, и не могу себе представить, что наш учитель истории мистер Симмс – тоже винтик в глобальном заговоре, направленном на подавление рабочих. Интересно, а мой отец тоже «жирующий делец», потому что использует «наемную силу» в лице Гленды?

– Но ведь революции часто приводят к тому, что все становится хуже, – говорю я.

– Справедливое замечание, – кивает Хайди. – Ты права:

революции и впрямь часто привлекают всяких Наполеонов, Мао и Пол Потов. Поэтому-то и необходима твердая рука партии. Когда разразится британская революция, мы обеспечим государству заранее подготовленную, упорядоченную структуру и защитим его от происков фашистов и всевозможных бандитов.

Пробка потихоньку рассасывается, и автомобиль Иэна со скрежетом трогается с места.

– Значит, у нас скоро разразится революция? – спрашиваю я.

– Нынешняя забастовка шахтеров могла бы стать спичкой, брошенной в бензобак, – говорит Иэн. – Когда рабочие увидят, как уничтожают профсоюзы – сперва с помощью новых законов, а затем и пулями, – они поймут, что революция на классовой основе – это отнюдь не воплощение мечты о манне небесной, а вопрос элементарного выживания.

– Карл Маркс убедительно показал, – добавляет Хайди, – как именно капитализм пожирает сам себя. Когда капиталистический строй не сможет прокормить миллионы отверженных, то ни ложь, ни насилие его не спасет. Конечно, американцы постараются нас придушить – им же захочется сохранить свой пятьдесят первый штат! – а Москва попытается перехватить вожжи, но если к революционерам присоединится армия, как в семнадцатом году в России, то нас никто не остановит. – В голосах Хайди и Иэна звучит убежденность «свидетелей Иеговы». Хайди высовывается в окно, проверя-

ет, что творится впереди, а потом говорит: – Полиция.

Иэн бормочет что-то насчет Тэтчеровых свиней и сторожевых псов, и мы выезжаем на кольцевую развязку, где лежит на боку грузовик. Асфальт усыпан осколками разбитого ветрового стекла, женщина-полицейский направляет машины на единственную свободную полосу из трех. Она держится спокойно и уверенно, не похожа ни на свинью, ни на сторожевую собаку и явно не высматривает сбежавших из дома подростков.

– Даже если в этом году политика Тэтчер и не станет причиной революционного восстания, все равно революция неизбежна. – Хайди поворачивается ко мне, ветерок треплет длинные пряди малиновых волос. – Мы станем ее свидетелями. Не нужен синоптик, чтобы понять, куда ветер дует. К тому времени, как мы станем стариками, обществом будут управлять по принципу «от каждого по способностям, каждому по потребностям». Конечно, богатеи, либералы и фашисты будут недовольны и начнут верещать, но, как говорится, нельзя приготовить омлет, не разбив яиц. Кстати, о яйцах… – Она выразительно смотрит на Иэна, тот утвердительно кивает. – Слушай, Трейси, а давай заедем к нам домой? Иэн отлично готовит настоящий английский завтрак.

Бунгало Хайди стоит среди полей и совсем не похоже на кентскую штаб-квартиру социалистической революции: тюлевые занавески на окнах, вышитые подушечки на диване,

повсюду фарфоровые статуэтки и Цветочные феечки, а пол в ванной комнате покрыт ковролином. По словам Хайди, здесь раньше жила ее покойная бабушка, а мать с отчимом перебрались куда-то во Францию, вот они с Иэном и приезжают сюда почти каждый уик-энд, чтобы проверить, не забрались ли в дом сквоттеры, а заодно и распространить газету. Ванная комната запирается на защелку изнутри; Хайди с улыбкой говорит что-то насчет мотеля и какого-то Нормана Бейтса, а я делаю вид, что оценила шутку. Я никогда еще не принимала душ – в «Капитане Марло» есть только ванна, – и мне не сразу удается нормально отрегулировать воду: сперва я чуть не замерзаю, а потом чуть не обвариваюсь кипятком. Зато у Хайди целый шкафчик шампуней, средств по уходу за волосами и разного мыла, и на всем наклейки исключительно на иностранных языках, поэтому я пробую все понемножку и в итоге благоухаю, как первый этаж универмага. Выхожу из душа и вижу на запотевшем зеркале призрак слов: «А кто у нас такой хорошенький?» Неужели Хайди написала это для Иэна? Эх, зря я не назвалась настоящим именем! Хорошо бы по-настоящему подружиться с Хайди. Втираю в загоревшую кожу увлажняющий крем фирмы «Виндзорский лес», а сама думаю, что Хайди запросто могла бы родиться в каком-нибудь зачуханном грейвзендском пабе, а я, вся такая умная и уверенная в себе, изучала бы политику в Лондоне, пользовалась бы французскими шампунями, и у меня был бы такой вот добрый, смешной, заботливый и верный бой-

френд, который к тому же готовит великолепные английские завтраки. Все-таки рождение – настоящая лотерея!

– А в Турции есть такой мост, который одним концом в Европе, а другим – в Азии… – Я накалываю на вилку сосиску, истекающую мясным соком. – Вот я куда непременно поеду! И в Пизу, к Падающей башне. И еще мне очень нравится Швейцария. Нет, если честно, мне очень хочется съездить в Швейцарию, хотя все, что я о ней знаю, – это шоколадные батончики «Тоблерон».

– Швейцария тебе понравится. – Хайди прожевывает кусок тоста, аккуратно промокает губы салфеткой. – Ла-Фонтен-Сент-Аньес – мое самое любимое место на свете. Это недалеко от Монблана. У второго мужа моей матери в тех местах есть шале, и мы почти каждое Рождество катаемся там на лыжах. Единственное «но»: Швейцария – очень дорогая страна.

– Ничего, я буду пить воду из растопленного снега и есть крекеры «Ритц». Еще раз спасибо вам, Иэн, за чудесный завтрак! Эти сосиски – просто что-то невероятное.

Иэн скромно пожимает плечами:

– У меня в роду три поколения линкольнширских мясников, должен же я знать фамильное ремесло. А ты, Трейси, в этот гранд-тур отправишься одна или возьмешь с собой спутника?

– Ее личная жизнь тебя совершенно не касается! – заяв-

ляет Хайди. – Тоже мне Капитан Проныра! Не обращай на него внимания, Трейси.

– Да ничего, все нормально, – говорю я, нервно сглотнув. – Вообще-то, сейчас у меня никакого бойфренда и нет. Хотя до недавнего времени он… он был, но… – У меня перехватывает дыхание.

– А братья или сестры у тебя есть? – меняет тему Хайди, стараясь незаметно пнуть под столом Иэна.

– У меня есть сестра Шерон и братишка Джеко. – Я отхлебываю чай, не собираясь упоминать о Брендане. – Но они оба еще маленькие, на несколько лет моложе меня. Так что да, я поеду одна. Ну а вы что-нибудь планируете на лето?

– Вот разберемся с партийной конференцией и организацией помощи шахтерам, – говорит Хайди, – и в августе попробуем вырваться в Бордо, погостим у моей мамы.

– То еще удовольствие, – добавляет Иэн, изображая, как на шее у него затягивается петля висельника. – Видишь ли, Трейси, я своими мерзкими уловками совратил Хайди и втянул ее в отвратительный левацкий культ.

– Самое смешное, что родители Иэна говорят то же самое про меня, – смеется Хайди. – Нам бы, наверное, следовало устроить антисвадьбу и разбежаться. – Она снова прикладывает салфетку к губам. – А Коркоран – это ведь ирландская фамилия, да, Трейси?

Я киваю, цепляю вилкой помидор:

– Моя ма родом из Западного Корка.

– Кто бы ни был прав и виноват в североирландском конфликте, ирландский опыт положительно сказался на всех революциях, произошедших после двадцатых годов двадцатого века. – Иэн тянется за кетчупом. – Англичане полагают, что передали Ирландии политические права исключительно из великодушия, но это не так: ирландцы отвоевали свои права, создав современное искусство ведения партизанской войны.

– А моя тетя Рошин говорит, что англичане никогда ничего не помнят, а ирландцы никогда ничего не забывают, – добавляю я.

Иэн хлопает по донышку бутылки с кетчупом, но оттуда не выливается ни капли.

– Я просто в отчаянии: мы смогли отправить человека на Луну, но не в состоянии изобрести способ добывания томатного соуса из бутылки… – Огромная клякса кетчупа вылетает из горлышка и шлепается на ломтик бекона в тарелке Иэна.

Я мою посуду. Иэн и Хайди, естественно, меня отговаривали: «Нет, что ты, ты же наша гостья!», но я настояла. Втайне я надеюсь, что они предложат подвезти меня до фермы «Черный вяз» или хотя бы пригласят к себе на следующие выходные, если, конечно, я к тому времени не вернусь в Грейвзенд. И может быть, Хайди поделится со мной этой потрясающей краской для волос… Я ополаскиваю стаканы

и сразу вытираю их сухим полотенцем, как мы всегда делаем в пабе, чтобы не оставалось потеков. С мраморной кухонной доски все еще стекает мыльная пена, и я оставляю доску в раковине, вместе с убийственно острым ножом – пусть подсохнут. Из кассетного магнитофона доносится песня Боба Дилана «As I Went out One Morning»[8]: Иэн разрешил мне поставить кассету по своему выбору, и я взяла альбом «John Wesley Harding», хотя, вообще-то, терпеть не могу губную гармошку. Но эта песня просто великолепна, а голос Дилана – как ветер, изменяющий дрянной день…

– Классный выбор! – мимоходом замечает Хайди, босиком шлепая через кухню. – Я, наверно, тысячу лет это не слушала.

У меня становится тепло на душе. Хайди выходит во двор, прихватив с собой книгу Джорджа Оруэлла «Во чреве кита». На уроках английской литературы мы проходили «Скотный двор», так что, возможно, я смогу произвести на Хайди впечатление своими познаниями. Она оставляет открытой дверь во внутренний дворик, и на кухню доносится запах травы. Приходит Иэн, наливает молоко в жаростойкий стеклянный кувшинчик фирмы «Пайрекс», ставит в микроволновку. Я впервые вижу микроволновку вблизи. Поворачиваешь ручку настройки, нажимаешь на кнопку, и через сорок секунд – дзынь! – молоко вскипает.

– Прямо как в «Звездном пути»! – говорю я.

---

[8] «Я вышел однажды утром» (*англ.*).

– Скоро, – произносит Иэн дикторским голосом, как в кинотрейлере. – Будущее смотрите в окрестном Настоящем. – Он ставит на поднос кувшинчик с молоком, три кружки и чудной кофейник с поршнем, полный кофе. – Как закончишь, присоединяйся к нам на *café au lait*[9].

– Хорошо, – говорю я, пытаясь сообразить, что за штуку он мне предложил.

Иэн выходит с подносом во дворик, а я смотрю на часы: половина одиннадцатого. Ма собирается в церковь, вместе с Джеко, который всегда ходит с ней за компанию. Папа выгуливает Ньюки по берегу реки в сторону Эббсфлита и Лондона. А может, они сейчас уже вместе идут на Пикок-стрит? А я вот она! И у меня все прекрасно; я заканчиваю уборку на кухне, а Дилан уже добрался до песни «I Dreamed I Saw St Augustine»[10]. Мелодия медленная, даже немного тяжеловесная, типа «вою-на-луну», но я наконец-то понимаю, почему все без ума от Дилана. За окном, в дальнем конце сада, колышутся стебли наперстянки и огненные свечи. Лужайки и клумбы хорошенькие, прямо как картинка на жестянках песочного печенья; за завтраком я даже спросила у Хайди и Иэна: может, они не только аспиранты, но еще и садовники? А Хайди объяснила, что к ним раз в две недели приходит парень из Фавершема, на пару часов, «чтобы привнести порядок в этот хаос». По-моему, это как-то не по-социалисти-

---

[9] Кофе с молоком (*фр.*).

[10] «Мне приснился святой Августин» (*англ.*).

чески, но я смолчала, а то вдруг они решат, что я выпендриваюсь.

Остатки воды с хлюпаньем исчезают в сливном отверстии, звякает забытая в кухонной раковине чайная ложечка, а у Боба Дилана на середине песни «All Along the Watchtower»[11] вдруг случается инфаркт… Ой, мамочки! Магнитофон зажевал пленку. Жму на кнопку выброса кассеты, из магнитофона вываливается клубок коричневых спагетти. Ну, это легко поправить, только нужен кусочек скотча, и я выхожу во двор, спросить у Иэна и Хайди, где у них скотч. Они растянулись на деревянных шезлонгах, полускрытые рядом здоровенных глиняных горшков, будто из сказки про Али-Бабу, только в горшках не сокровища, а всякая зелень. Томик Оруэлла лежит на траве, Хайди все еще придерживает нужную страницу большим пальцем. Иэн дремлет, свесив голову набок, солнечные очки перекошены. Поднос с кофе, чашками и всем прочим стоит на низенькой стене. «Надо же, как их разморило», – думаю я и осторожно окликаю Хайди, но она не шевелится. Пчелы жужжат над зеленью в горшках, где-то блеют овцы, вдалеке тарахтит трактор. В полумиле отсюда виднеется пологий холм – наверное, остров Шеппи; а та штуковина, будто склеенная из спичек, – это мост. И вдруг я замечаю, что по руке Хайди снуют три или четыре черные точки. А может, и не четыре, а даже больше…

[11] «У сторожевой башни» (*англ.*).

Муравьи, что ли? Я вглядываюсь – ну конечно, муравьи!

– Хайди! По тебе муравьи ползают!

Она не реагирует. Смахиваю муравьев с ее руки, нечаянно давлю парочку. Да что же с ними?

– Хайди!

Трясу ее за плечо, а она заваливается на подлокотник, будто пьянчужка в какой-то комедии, только мне не смешно. Голова у нее запрокидывается, темные очки сползают с носа, и я вдруг замечаю, что ее широко открытые глаза – сплошная радужка без черной точки зрачка. Я испуганно вскрикиваю и отшатываюсь, чуть не падаю. Иэн тоже не шевелится, и я, теперь уж окончательно охваченная паникой, громко его окликаю – и вижу, как по его пухлым губам ползет мохнатая муха. Трясущейся рукой приподнимаю его бейсболку, заглядываю в лицо. Муха с жужжанием улетает. Глаза у Иэна в точности как у Хайди – словно он внезапно умер от какой-то чумы. Роняю бейсболку, из горла вырывается еще один дрожащий вопль. В кусте алых роз какая-то птичка рассыпает звонкие бусины веселых трелей, а у меня в душе все трепещет, и голова кружится, как у пьяной, и мозги точно отшибло, но объяснение случившемуся все же находится: Хайди и Иэн чем-то отравились за завтраком. Да, да, отравились, съели что-то за завтраком! Спустя всего двадцать минут? Но у меня-то никаких симптомов нет. Все мы ели одно и то же. Затем я думаю: инфаркт. Та еще теория. Передоз наркотиков? И тут меня осеняет. Так, Сайкс, хватит думать! Немед-

ленно вызывай «скорую»…

…телефон на тумбочке в гостиной. Быстрей беги через кухню, набирай 999 и жди ответа. Да отвечайте же скорей! Скорей! В телефоне нет гудка. И тут я замечаю отражение в зеркале: в кресле кто-то сидит и смотрит на меня. Шестеренки реальности смещаются. Я оборачиваюсь: и правда сидит, в углу, у арочного прохода из гостиной на кухню. Я его знаю. Глаза пираньи, черные кудри, расквашенный нос – тип из моего дневного кошмара в туннеле под шоссе, из ромбовидного зала. Он тяжело дышит, словно только что взбежал на вершину холма.

– Ты кто? – рявкает он.

– Я…я…я… я знакомая Иэна и Хайди, я…

– Эстер Литтл или Юй Леон Маринус? – спрашивает он ледяным злобным голосом.

У него на лбу, между бровями, мерцает что-то… нет, я такого в жизни не видела. Он что, сказал «Маринус»? Да какая разница?! Он – тип из моего кошмара, только ведь от страха сразу просыпаешься. Я невольно отступаю на шаг, плюхаюсь на диван.

– Моим друзьям нужно вызвать «скорую».

– Назови мне свое имя, и я подарю тебе чистую смерть.

Это не пустая угроза. Он убил Хайди и Иэна и тебя убьет, переломит, как спичку.

– Я… я… я не понимаю, сэр. – Я испуганно сжимаюсь в

клубок. – Я…

Он встает, делает шаг ко мне:

– Назови свое имя!

– Холли Сайкс. Я… я сейчас уйду… прошу вас…

– Холли Сайкс… – Он задумчиво наклоняет голову. – Да, мне это имя известно. Одна из тех, кому удалось улизнуть. Что ж, использовать брата в качестве наживки – ловкий фокус, но смотри, в кого ты превратился, хоролог! Прячешься в презренных отбросах, в костяных часах! Си Ло содрогнулся бы от отвращения! Холокаи вывернуло бы наизнанку! Если бы, конечно, они были живы, но они, увы, – тип глумливо усмехается, – погибли во время вашего полуночного налета, который завершился полнейшим провалом. Неужели вы решили, что на Пути Мрака нет аварийной сигнализации? Неужели вы не знали, что Часовня – это Катар, а Катар – это Часовня? Что они – единое целое? Душа Холокаи обратилась в пепел. Душа Си Ло – в ничто. А ты, кем бы ты сейчас ни был, сбежал. Несомненно, в соответствии с вашим священным Сценарием. Мы просто обожаем этот ваш Сценарий. Ведь благодаря ему хорология уничтожена. Это великий день для всех Пожирателей. Что вы без Си Ло и Холокаи? Труппа шарлатанов, читающих чужие мысли и гнущих ложки. Так что признайся мне перед смертью: ты Маринус или Эстер Литтл?

Меня трясет.

– Богом клянусь, я… не та, за кого вы меня принимаете…

Он с подозрением вглядывается в меня:

– Значит, так. Эти двое любителей позагорать там, в садике, еще не совсем мертвы. Твоя магия Глубинного Течения, возможно, спасет одного из них. Ну же, давай! Ведь хорологи обычно так и поступают.

Где-то далеко-далеко лает собака, тарахтит трактор…

…а этот тип так близко, что я чувствую, как от него веет запахом пригоревшей духовки.

– Вы позволите мне вызвать врача? – лепечу я.

– Неужели ты не можешь их исцелить?

Я с трудом мотаю головой.

– В таком случае им понадобится гроб, а не «скорая помощь». Но мне нужны доказательства, что ты не из хорологов. Маринус труслив, но чертовски изворотлив. Беги. Ну, беги же. Посмотрим, как далеко ты от меня убежишь.

Я не верю ни его словам, ни своим ушам.

– Что?

– Вон дверь. Беги. Давай, мышонок, беги.

Он отступает в сторону, открывая мне путь к спасению. Я ожидаю какой-то подвох, нож в спину, не знаю, что еще, а тип наклоняется ко мне так близко, что становятся заметны шрамы и тонкие следы порезов на его коже, и огромные черные глаза окружает ореол серых теней, а он вдруг орет во все горло:

– БЕГИ, ПОКА Я НЕ ПЕРЕДУМАЛ!

Бегу сквозь колючие розовые кусты, сквозь густые заросли, через пыльную лужайку. Бегу, как не бегала никогда в жизни. В лицо бьет солнце, садовая ограда совсем близко. На полпути, у шпалеры, я оглядываюсь: нет, он не гонится за мной, по-прежнему стоит в нескольких шагах от Иэна и Хайди, неподвижно растянувшихся в шезлонгах, дает мне убежать – кто его знает, с чего бы это, он псих, беги беги беги беги беги беги, но, беги, но, беги, но… Бег замедляется, замедляется, как, зачем, почему, сердце бьется изо всех сил, гонит по жилам кровь, а кто-то будто нажимает одновременно и на акселератор, и на тормоз, но не изнутри, меня замедляет не действие яда, а что-то извне, будто замедляется само время, или усиливается сила тяжести, или воздух превращается в воду, или песок или патоку… Иногда такое случается во сне, но сейчас я не сплю, белый день на дворе, я знаю, что не сплю… И в конце концов я застываю, точно статуя бегуна, занесшего ногу для следующего шага, которого никогда не будет. Это бред. Какое-то чертово безумие. Надо бы закричать, позвать на помощь, как все нормальные люди, но получается только сдавленный хрип…

…и мир сжимается, сворачивается, увлекает меня, совершенно беспомощную, назад, к домику, мимо арки, увитой плющом. Я хватаюсь за нее, и ноги отрываются от земли, и я повисаю на плюще, будто мультяшный персонаж, подхваченный ураганом, но от боли в запястьях выпускаю плети и с размаху шмякаюсь на землю, и меня волочет по лужай-

ке; я переворачиваюсь, ударяюсь копчиком, обдираю локти и колени, пытаюсь зацепиться каблуками, но земля слишком твердая, и меня подбрасывает и торчком ставит на ноги, а мимо, трепеща крылышками, взмывает к небу пара бабочек, словно несокрушимая сила действует только на меня. И я снова на клумбе, среди кустов роз, и бледнолицый тип по-прежнему спокойно стоит в дверном проеме, а его руки и пальцы делают какие-то странные жесты, плетут пассы, будто на неведомом языке глухонемых инопланетян, а на его губах играет кривая усмешка, и он все тянет меня к себе, точно рыбу, попавшую на крючок, волочет через внутренний дворик, мимо неподвижных, как трупы, тел Хайди и Иэна, потому что он их непостижимым образом убил, а он, пятясь, отступает в кухню, освобождая мне проход, но как только я снова окажусь в этом доме, то никогда больше из него не выйду, и я отчаянно хватаюсь за дверную раму и за ручку двери, но меня словно бьет разрядом тока в двадцать тысяч вольт, и я тряпичной куклой лечу через всю гостиную, ударяюсь о диван, отскакиваю, шлепаюсь на ковер, и перед глазами вспыхивают яркие сполохи света…

…дневной кошмар развеивается, как только колючий ворс ковра впивается мне в щеку. Уф, наконец-то. Может, это приступ эпилепсии или что-то в этом роде? Перед носом у меня фотография Хайди-школьницы и ее седовласой бабушки; должно быть, я нечаянно сбила ее с комода, когда

упала на пол. Надо вернуться домой и обратиться к врачу. Сделать сканирование головного мозга. Хайди отвезет меня в Грейвзенд. И я пойду прямо в больницу, а уже оттуда позвоню ма. И весь этот кошмар забудется, как и прочая чушь, связанная с Винни. Надо же, а ведь все было так по-настоящему. Я только собралась починить кассету Боба Дилана с помощью ножниц и кусочка скотча, а в следующий миг… Муравьи на руке Хайди, тип с расквашенным носом из моего кошмара, упругая волна воздуха, толкающая меня обратно в дом… Какая обезумевшая часть моего мозга порождает все эти проклятые видения, откуда берется такая фигня? Я с трудом поднимаюсь, потому что если Хайди или Иэн обнаружат меня на полу в гостиной, то, естественно, сразу решат, что я умерла.

– Я верю тебе, деточка. – Он сидит в кожаном кресле, закинув ногу на ногу. – Ты – безыскусное бесталанное ничто в нашей Войне. Но почему же два бесплотных беглеца в поисках спасения от смерти устремились именно к тебе, Холли Сайкс? Вот в чем вопрос. Каково твое предназначение?

Я цепенею. О чем это он?

– Я не знаю. Честное слово. Я всего лишь… я просто хочу… я сейчас уйду…

– Заткнись! Я думаю. – Он берет из миски на буфете зеленое яблоко «Гренни Смит», надкусывает, жует. В отупляющей тишине чавканье звучит оглушительно. – Когда ты в последний раз видела Маринуса?

– Моего старого доктора? В… в… в больнице. В городской больнице Грейвзенда. Давно, много лет назад, я тогда…

Он резким жестом обрывает меня, будто мой голос режет ему уши:

– И Си Ло никогда не говорил тебе, что Джеко – это не Джеко?

До сих пор мой страх звенел на пронзительно высокой ноте, но при упоминании Джеко громыхает басовый аккорд смертельного ужаса.

– А при чем тут Джеко?

Черноволосый с отвращением разглядывает надкушенное яблоко.

– Какая кислятина! Эти яблоки покупают исключительно из-за их внешнего вида. – Он презрительно отбрасывает огрызок. – Тут нет поля Глубинного Течения, а значит, это не убежище. Где мы?

Я не решаюсь снова спрашивать о Джеко, чтобы лишний раз не привлекать к брату внимания этого злодея – да-да, самого настоящего злодея.

– Мы в доме бабушки Хайди. Она живет во Франции, а Хайди с… – Но они же умерли, вспоминаю я.

– Где мы находимся?! В каком графстве, городе, деревне? Задействуй мозг, он же у тебя должен быть. Если ты та самая Холли Сайкс, которую когда-то осквернил Маринус, то мы, по всей видимости, находимся в Англии.

Я начинаю понимать, что он не шутит:

– Да, в графстве Кент. Недалеко от острова Шеппи. Но… я не уверена, что у того места, где мы сейчас находимся, есть какое-то… название.

Он барабанит пальцами по кожаному подлокотнику кресла. Ногти у него какие-то чересчур длинные.

– Эстер Литтл. Ты ее знаешь?

– Да. Не совсем. Не то чтобы знаю…

Он перестает барабанить:

– Тебе объяснить, что я с тобой сделаю, если пойму, что ты мне лжешь, Холли Сайкс?

– Эстер Литтл вчера была на берегу, но я ее прежде никогда не встречала. Она угостила меня чаем. Зеленым. А потом попросила…

Его взгляд буравит мне лоб, будто там написан ответ.

– Что?

– Убежище. Если ее… – я лихорадочно вспоминаю слова, – планы провалятся.

На бледном лице вспыхивает радость.

– Значит… Эстер Литтл собиралась сделать тебя своим тайным убежищем. Передвижным схроном. Что ж, все ясно. Она надеялась на то, что ты – мелкая пешка, совершенно незначительная фигура и мы попросту о тебе забудем. – Он встает, преграждая выход. – Эстер, если ты там, внутри, то мы тебя нашли!

– Послушайте, – лепечу я, – если вы из МИ-пять и вас интересуют коммунистические взгляды Хайди и Иэна, то я к

этому не имею ни малейшего отношения. Они просто меня подвезли и…

Он резко подступает ко мне. Я испуганно отшатываюсь.

– И что?

– Не подходите! – скукоженным голосом лепечу я. – Я буду… буду драться! Полицию…

– Полицию озадачит странное происшествие в доме бабушки Хайди. Трупы любовников в шезлонгах на лужайке, труп несовершеннолетней Холли Сайкс… К тому времени, как вас обнаружат, криминалистам придется поломать голову, распутывая причины этих загадочных смертей, особенно если убийца оставит дверь во внутренний дворик гостеприимно распахнутой для лисиц, ворон, бродячих кошек… Жуткое зрелище! Зато ты станешь знаменитой на всю страну. Самое страшное и кровавое преступление восьмидесятых годов, которое так и останется нераскрытым! Тебя ждет слава.

– Отпустите меня! Я… я… уеду за границу, я… уйду. Умоляю вас!

– Мертвая ты будешь выглядеть очаровательно. – Бледный тип с улыбкой разминает пальцы. – Человек, лишенный всяких принципов, сперва натешился бы с тобой, но я противник жестокого обращения с бессловесными тварями.

Я слышу хриплый стон.

– Нет, не надо, прошу вас…

– Ш-ш-ш… – Он крутит пальцами, и мои губы, язык и

горло немеют. Ноги и руки лишаются сил, я становлюсь жалкой марионеткой с оборванными нитями, которую за ненадобностью забросили в угол. Бледный тип сидит рядом со мной на ковре, скрестив ноги, как древний сказитель, и явно растягивает удовольствие, совсем как Винни перед тем, как завалить меня в койку. – Ну, Холли Сайкс, каково это – знать, что через шестьдесят секунд ты умрешь и будешь холодна, как камень? Какие картины возникают в твоем жалком мушином мозгу перед неизбежным концом?

Глаза у него не совсем человеческие. Вокруг темнеет, словно надвигается ночь, дышать нечем, легкие полны… нет, не воды, а какой-то удушающей пустоты, и я вдруг понимаю, что давно не могу вздохнуть, ничего не получается, а барабанный бой в ушах умолк, потому что сердце больше не бьется. И откуда-то из наплывающей тьмы ко мне тянется бледная рука, костяшки пальцев задевают грудь, и голос произносит: «Приятных снов, деточка», а в голове мелькает мысль: «Какая странная фигура колышется где-то на заднем плане, за много миль отсюда, в дальнем конце гостиной…»

Бледный тип оглядывается, вскакивает. Внезапно у меня начинает биться сердце, а легкие наполняются кислородом, я задыхаюсь, кашляю, узнаю Хайди.

– Хайди! Вызывай полицию! Это убийца! Беги!

Но Хайди больна, или обколота наркотиками, или ранена, или пьяна, и голова у нее трясется, будто от… ну, как его там… а, от рассеянного склероза. И голос у нее вдруг совсем

другой, как у моего деда после инсульта. Она с трудом выталкивает изо рта слова – рваные, смятые:

– Не волнуйся, Холли.

– Как раз наоборот, Холли, – фыркает бледный тип. – Если это и есть твой рыцарь в сияющих доспехах, то самое время волноваться. Маринус? Ну-ну. Я чую твой елейный запах даже в этом надушенном зомби.

– Временное пристанище, – говорит Хайди, а ее голова то бессильно падает на грудь, то запрокидывается. – Зачем было убивать любовников, которые мирно нежились на солнышке, Раймс? Ради чего? Это же бессмысленно.

– А почему бы и нет? Вечно вы носитесь с этими «зачем» и «почему». Зачем? Да просто потому, что у меня кровь взыграла. Потому что Си Ло устроил в Часовне огненное сражение. Просто потому, что я это мог. Просто потому, что вы с Эстер Литтл привели меня сюда. Она ведь умерла, так и не успев обрести убежище в этой особи женского пола, в этом типичном представителе низших слоев населения. Ну и досталось же ей, пока она бежала сюда по Пути Камней! Уж я-то знаю, я сам наносил ей безжалостные удары. Кстати, об ударах: приношу свои искренние соболезнования по поводу кончины Си Ло и бедняги Холокаи – больше некому возглавить ваш клуб добрых фей. Ну а ты, Маринус? Ты еще поборешься? Я знаю, ты целитель, а не воин, но все же попробуй создать хотя бы некую видимость сопротивления, умоляю тебя. – Раймс снова двигает пальцами, будто что-то пле-

тет, и – если глаза меня не обманывают – мраморная доска для разделки мяса взмывает с кухонного стола и летит к нам, словно брошенная невидимой рукой.

– Что, Маринус, язык проглотил? – спрашивает бледный тип по имени Раймс.

– Отпусти девочку, – говорит Хайди, безвольно мотая головой.

Разделочная доска, пролетев через всю комнату, врезается Хайди в затылок. Раздается негромкий хруст, словно ложкой разбивают яичную скорлупу. Удар неимоверной силы не сшибает Хайди с ног, как кеглю, потому что ее подхватывает и удерживает стоймя кто-то… кто-то… невидимый, а Раймс вращает кистями рук, прищелкивает пальцами, и тело Хайди начинает закручиваться жуткими резкими рывками. С хрустом и треском ломаются кости, рвутся мышцы; с громкими хлопками лопаются позвонки, нижняя челюсть отваливается, а из дыры во лбу, похожей на входное отверстие пули, струится кровь. Раймс поводит рукой влево, и изувеченное тело Хайди отлетает к стене, сшибает картину с малиновкой, сидящей на черенке лопаты, а потом, кувыркнувшись, ударяется головой об пол и оседает бесформенной грудой.

К ушам будто приклеили наушники, и в одном ухе звучит: «На самом деле ничего не происходит», а в другом: «Все происходит на самом деле», и эти фразы повторяются бесконечно с максимальной громкостью, но все это не мешает четко разобрать каждый звук, когда Раймс очень тихо про-

износит:

– А у тебя бывают дни, когда так радуешься жизни, что хочется… – он поворачивается ко мне, – выть на солнце? Так, на чем мы там остановились? А, я выдавливал из тебя жизнь… – Раскрытой ладонью он подталкивает ко мне воздух, а потом воздевает руку, и меня прижимает к стене, и невидимая сила тянет меня к потолку, пока я не ударяюсь о него головой. Раймс вскакивает на подлокотник дивана, будто тянется ко мне с поцелуем; я пытаюсь его оттолкнуть, но мне заводит руки за спину, и теперь в легких снова нет воздуха. Глаз Раймса внезапно наливается багрянцем, словно в глазном яблоке лопнул сосуд. – Си Ло, видимо, унаследовал братскую любовь Джеко к тебе, что меня вполне устраивает. Твоя смерть не вернет погибших анахоретов, но хорологи теперь перед нами в кровном долгу, а он платежом красен. Так что прими это к сведению.

В глазах у меня темнеет, страшная боль в голове заслоняет все остальное, и…

Изо рта Раймса высовывается острый кончик языка.

Окровавленный, металлический, в дюйме от моего носа. Что это? Нож?

Глаза Раймса закатываются, веки смыкаются, и я мягко сползаю по стене, а он, рухнув с подлокотника, ударяется затылком об пол. Лезвие ножа еще на пару дюймов высовывается изо рта, покрытое липкой белой слизью. Отвратительное, мерзкое зрелище, но я даже закричать не могу.

– Повезло. – Иэн с трудом ковыляет по гостиной, хватаясь за стены и мебель.

Наверное, он все-таки обращается ко мне. Других живых в комнате нет. Он глядит на изувеченное тело Хайди, морщится и произносит:

– До встречи, Маринус. Давно было пора обзавестись телом поновее.

И это все? Никаких тебе «О господи, Хайди! Боже мой, Хайди… Не может быть…».

Он смотрит на тело Раймса:

– Когда на душе скверно, так и тянет плюнуть на эту Войну и вернуться к тихой, спокойной метажизни. А потом сталкиваешься вот с таким и сразу вспоминаешь, ради чего мы ее начали… – Иэн с трудом поворачивает ко мне разбитую голову. – Прости, что тебе пришлось все это увидеть.

Я пытаюсь дышать медленнее, еще медленнее, выдавливаю из себя: «А кто…» – и больше ничего вымолвить не могу.

– Ты попросила у меня напиться, сказала, что не привередливая, помнишь?

Старуха на берегу Темзы. Эстер Литтл? Откуда Иэн о ней знает? Я как будто провалилась сквозь пол и попала куда-то не туда.

В коридоре подают голос часы с кукушкой.

– Холли Сайкс, – говорит Иэн, а может, Эстер Литтл, если это, конечно, Эстер Литтл, но разве такое возможно? – Я

прошу убежища.

В гостиной лежат два трупа. Кровь Раймса сочится на ковер.

– Холли, это тело тоже умирает. Ради твоего душевного спокойствия я отредактирую, то есть облеку в более приемлемую форму, все, что ты здесь видела, а потом спрячусь глубоко, глубоко, глубоко в… – И тут этот Иэн-или-Эстер-Литтл валится на пол, как стопка книг. Один глаз открыт, лицо наполовину вжато в диванную подушку. Он смотрит на меня, как Давенпорт, наш старый колли, когда пришлось отвести его к ветеринару, чтобы усыпить. – Прошу тебя, Холли.

Эти слова внезапно развеивают чары; я опускаюсь на колени возле этой Эстер-Литтл-в-Иэне, если можно так выразиться:

– Что надо сделать?

Под опускающимся веком подергивается глаз.

– Дать убежище.

Мне тогда просто хотелось зеленого чая, но раз уж я дала обещание, надо его выполнять. И потом, не важно, что здесь произошло, я жива только потому, что Раймс умер, а умер он потому, что его убили то ли Иэн, то ли Эстер Литтл, то ли они оба вместе.

– Конечно… Эстер. Что мне надо сделать?

– Средний палец… – шелестит голодный призрак мертвыми устами. – Ко лбу.

Я прижимаю средний палец ко лбу Иэна.
– Здесь?
Нога Иэна дергается, замирает.
– Ниже.
Сдвигаю палец чуть ниже.
– Так?
Уголок рта вздрагивает.
– Так…

Солнце пригревает затылок; с моря дует легкий соленый ветерок. В узком проливе между Кентом и островом Шеппи беснуется гудок траулера; видно, капитан задумчиво ковыряет в носу. Мост как будто из мультиков про паровозика Томаса: центральная секция целиком поднимается между двумя башенками, замирает на самом верху, воет сигнальная сирена, и траулер, пыхтя, проходит под мостом. Джеко был бы в восторге. Я шарю в спортивной сумке, ищу банку «Танго», но под руку попадается газета «Социалистический рабочий». А это еще откуда? Эд Брубек решил пошутить? Вот дурак. Хочу выбросить газету за ограждение, но вовремя замечаю, что ко мне приближается какой-то велосипедист. Откупориваю «Танго» и продолжаю смотреть на мост. Велосипедист немолод, с виду ровесник моего папы, только тощий, как змея, и голова почти лысая, а папа у меня жирком заплыл, и шевелюра у него пышная, недаром его прозвали Волчарой.

– Здóрово, – говорит велосипедист, утирая лицо сложенным платком.

На извращенца он вроде не похож, поэтому я отвечаю:

– Здóрово.

Он смотрит на мост с такой гордостью, будто это его рук дело:

– Таких больше не строят!

– Ага.

– Кингсферри – один из трех вертикально-подъемных мостов на Британских островах. Самый старый – крошечный мост через канал в Хаддерсфильде, но он только для пешеходов, его построили еще при королеве Виктории. А этот был открыт в тысяча девятьсот шестидесятом году. Во всем мире есть еще только два таких же моста, приспособленных как для автомобилей, так и для железнодорожного транспорта. – Он отпивает воду из фляжки.

– А вы что, инженер?

– Нет-нет, я просто любитель редких мостов. А мой сын по ним вообще с ума сходил. Кстати… – Он вытаскивает фотоаппарат из сумки, прикрепленной к багажнику. – Сфотографируй меня на фоне моста, пожалуйста.

Я соглашаюсь. Приходится присесть на корточки, чтобы уместить в кадр и лысую голову этого типа, и поднятую центральную секцию моста.

– Три, два, один…

Камера жужжит, он просит меня сделать еще один сни-

мок, я щелкаю следующий кадр и возвращаю фотоаппарат. Велосипедист благодарит меня, прячет фотоаппарат. Я прихлебываю «Танго». Странно, но есть мне совсем не хочется, хотя уже почти полдень, а после того, как я сбежала от спящего Эда Брубека, мне перепала только пачка крекеров «Ритц». Но самое странное, у меня почему-то сосисочная отрыжка, что вообще необъяснимо. К мосту подъезжает белый автофургон «фольксваген», останавливается у шлагбаума. Две девицы со своими бойфрендами курят и смотрят на меня, типа с чего это ее сюда занесло, а у самих в машине играет *REO Speedwagon*. Чтобы показать, что я не какая-то там пришибленная, я обращаюсь к велосипедисту:

– А вы издалека приехали?

– Не то чтобы очень, – говорит он. – Из Брайтона.

– Из Брайтона? Так ведь это чуть ли не сто миль!

Он глядит на какое-то приспособление на руле:

– Семьдесят одна.

– Значит, это у вас хобби такое – фотографировать мосты?

– Скорее ритуал, а не хобби, – подумав, отвечает он, замечает мое недоумение и поясняет: – Хобби больше для удовольствия, а ритуалы помогают жить. Понимаешь, мой сын умер, вот я и фотографирую мосты вместо него.

– Ох… – Я пытаюсь не показать, что расстроена. – Сочувствую.

Он пожимает плечами, отводит глаза:

– Пять лет прошло.

– А что… Несчастный случай? – Ну почему я не могу заткнуться?!

– Лейкемия. Он сейчас был бы тебе ровесником.

Снова раздается сигнал, проезжая секция моста опускается.

– Какой ужас! – говорю я, понимая, что это звучит убого.

Над горбатым островом Шеппи висит длинное тонкое облако, похожее и на гончую, и на русалку, а я не знаю, что еще сказать. Как только поднимают шлагбаум, «фольксваген» срывается с места, оставляя в воздухе клубы мелкой каменной крошки. Лысый тип садится на велосипед.

– Береги себя, – говорит он мне. – Не трать жизнь попусту.

Он разворачивается и уезжает обратно, к шоссе A22.

Надо же, столько проехал, а мост так и не перешел.

Легковушки и грузовики проносятся мимо, сдувая пух с одуванчиков, а вокруг ни души, и не у кого спросить, как пройти на ферму «Черный вяз». Кружевные цветы на высоких стеблях покачиваются, потревоженные грохотом фур, стряхивают голубых мотыльков; тигрово-оранжевые бабочки держатся цепко. Эд Брубек наверняка уже на работе, в садовом центре, мечтает об итальянках, загружая брикеты торфа в машины заказчиков. А меня считает унылой коровой. А может, и нет. Постепенно привыкаю к тому, что Винни меня бросил. Вчера мысль об этом была кровавой раной, оставленной выстрелом из обреза, а сегодня похожа на здоровен-

ный синяк, след резиновой пульки, выпущенной из детского духового ружья. Да, я верила Винни, я любила его, но не потому, что дура. Просто для таких, как Винни Костелло, любовь – всякая хрень, которую они нашептывают тебе на ушко, чтобы затащить в постель. А для девушек, во всяком случае для меня, секс – это первая страница книги, а о настоящей любви рассказывается позже. «Класс, с блудливым козлом покончено!» – говорю я корове, которая смотрит поверх ограды пастбища, и пусть у меня пока нет такого чувства, что с Винни действительно покончено, оно непременно появится. Возможно, Стелла мне реально удружила, сорвав маску с истинного лица Винни, так что я считала его «классным парнем» всего несколько недель. Впрочем, и сама она Винни скоро надоест, это ясно как день, и когда она обнаружит его в постели с другой девицей, то придет конец не моим, а ее мечтам о поездках с Винни на мотоцикле. И тогда она приползет ко мне вся зареванная, как я вчера, и будет просить прощения. И может быть, я ее прощу. А может, и нет.

Впереди, у кольцевой развязки, виднеется кафе.

Кафе открыто. Что ж, дела идут на лад.

Кафе под названием «Смоуки Джо» изо всех сил прикидывается американским ресторанчиком с отдельными кабинками, как в сериале «Счастливые дни», но, если честно, выглядит дыра дырой. Посетителей немного, и почти все пялятся в старенький телевизор над барной стойкой, смотрят

футбол. У дверей сидит какая-то тетка, читает таблоид «Новости мира», выпуская из узких ноздрей клубы табачного дыма. Глаза пуговицами, сморщенные губы поджаты, волосы как пух, а на лице – застарелые обиды. Над ней висит поблекший постер: из коричневого аквариума таращатся два круглых глаза и подпись: «У золотой рыбки Джеффа снова понос». Тетка окидывает меня взглядом и машет рукой на свободные кабинки, мол, садись где хочешь.

– А вы не подскажете, как добраться до фермы «Черный вяз»? – спрашиваю я.

Она снова смотрит на меня, пожимает плечами, отводит глаза и пышет дымом.

– Это здесь, на Шеппи. Я туда на работу устроилась.

Она утыкается в газету, стряхивает пепел с сигареты.

Ладно, позвоню-ка я мистеру Харти.

– Скажите, здесь есть телефон-автомат?

Старая корова, не поднимая глаз, мотает головой.

– В таком случае можно сделать местный звонок с вашего…

Она глядит на меня так, будто я прошу продать мне наркотики.

– Но… может быть, кто-нибудь из посетителей знает, как добраться до фермы «Черный вяз»? – Я буравлю ее взглядом, давая понять, что, пока она мне не поможет, к своей газете не вернется.

– Пегги! – вопит она в сторону кухни. – Ферму «Черный

вяз» знаешь?

Дребезжащий голос отвечает:

– Это которая Гэбриела Харти? А что?

Глаза-пуговицы поворачиваются ко мне.

– Да тут спрашивают…

Появляется Пегги: красный нос, хомячьи щеки, глаза как у нацистского следователя.

– Хочешь клубнику пособирать, да, дочка? В мое время там хмель собирали, только теперь это все машины делают. Значит, так: пойдешь по Лейсдаун-роуд, вон туда, – она тычет налево от входной двери, – минуешь Истчерч, там свернешь направо, на Олд-Ферри-лейн. Ты ведь пешком, дочка? – (Я киваю.) – Пять или шесть миль пройти придется, но по молодости оно как в парке прогуляться…

Из кухни доносится жуткий грохот жестяных подносов, и Пегги возвращается туда. Так, все, что мне нужно, я узнала, поэтому решаю порадовать себя пачкой «Ротманс» и иду к автомату в центре ресторанчика. Ого, пачка в двадцать сигарет – фунт и сорок пенсов. Чистая обдираловка, но на ферме придется со всеми знакомиться, а сигарета придает уверенности. Монеты падают в щель автомата – быстрее, пока не передумала, – ручка поворачивается, пачка плюхается в поддон. Беру сигареты, поднимаю голову и тут замечаю, кто сидит прямо за автоматом, через проход. Стелла Йервуд и Винни Костелло!

Торопливо приседаю, а к горлу подступает тошнота.

Неужели они меня заметили? Нет. А то Стелла уже отпустила бы какое-нибудь презрительно-ядовитое замечание. От автомата до кабинки чуть больше шага. Стелла кормит Винни мороженым через стол, а Винни пялится на нее, точно ошалевший от любви щенок. Она возит ложкой ему по губам, мажет их жидкой ванильной помадой. Он облизывает губы:

– Дай клубничку.

– Не слышу волшебного слова, – говорит Стелла.

Винни улыбается:

– Дай клубничку, пожалуйста.

Стелла накалывает на вилку клубничину из креманки с мороженым и тычет Винни в нос. Винни хватает ее запястье – своей прекрасной рукой! – направляет клубничину себе в рот, и они глядят друг на друга, а ревность, будто стакан «Доместоса», выжигает мне кишки. Какой чокнутый ангел-антихранитель отправил их сюда, в «Смоуки Джо», именно сейчас? Ага, вот и мотоциклетные шлемы! Значит, Винни привез Стеллу на своем драгоценном, неприкосновенном «нортоне». Она цепляет согнутым мизинчиком его палец, тянет к себе, и Винни всем телом наваливается на стол и целует ее. Глаза у него закрыты, а у нее нет. Одними губами он произносит три заветных слова, те самые, которых мне никогда не говорил. И снова повторяет их, широко открыв глаза, а она сидит вся такая, будто срывает обертку с обещанного дорогого подарка.

Надо бы взбелениться, бить посуду, обложить их трехэтажным матом, а потом вернуться в Грейвзенд – в полицейской машине, в слезах и соплях, – но я просто бросаюсь к выходу, к тяжелой двери, тяну ее, а не толкаю, толкаю, а не тяну, потому что перед глазами все плывет, а старая корова пялится на меня, ну еще бы, это куда интересней, чем газета, и глаза-пуговицы замечают все-все-все…

На свежем воздухе я заливаюсь слезами и соплями, а какой-то «моррис-макси» тормозит совсем рядом, и старпер за рулем таращится на меня. Я ору: «Чего уставился?!», и, боже мой, как же мне больно, больно, больно, и я перелезаю через ограду, бегу в поле, в густую пшеницу, где меня не видно с кольцевой развязки, и реву, и реву, и реву, и реву, и реву, и бью кулаками о землю, и реву, и реву, и реву… И наконец – все, хватит, слез больше не осталось, но тут Винни шепчет: «Я тебя люблю», а в его прекрасных карих глазах отражается Стелла Йервуд, – и все начинается по новой. Будто съела тухлое яйцо по-шотландски и проблеваться не могу, – кажется, все уже вытошнила, а все равно выворачивает. Немного успокаиваюсь, лезу за сигаретой, и обнаруживаю, что пачку «Ротманс» я выронила там, у автомата в «Смоуки Джо». Охренеть! Нет, лучше бутерброд с кошачьим дерьмом, чем снова переться в проклятое кафе! И тут слышу знакомый рокот «нортона», осторожно подбираюсь к изгороди, выглядываю. Ну да, точно: сидят рядышком на задах ресторанчи-

ка, курят – вот зуб даю – мои сигареты, те самые, за которые я заплатила целый фунт и сорок пенсов. Видно, Стелла углядела пачку на полу у автомата – новехонькую, даже целлофан не содран! – и тут же прикарманила. Ни фига себе, сперва крадет у меня бойфренда, а теперь еще и сигареты! Она садится на мотоцикл, обнимает Винни за пояс, прижимается щекой к его кожанке. И они уезжают по дороге к мосту Кингсферри, в переливчатые синие дали. А я, чумазая нищебродка, прячусь за изгородью, и вороны на дереве каркают: «Дур-раа… дур-раа…»

Ветер колышет пшеницу.

Колоски тихонько постукивают «тук-тук-тук».

Нет, с Винни не покончено. И не будет. Никогда. Я точно знаю.

Два часа бреду от кольцевой развязки и наконец попадаю в поселок Истчерч, в совершеннейшую глушь, на край света. На дорожном указателе значится «Рочестер 23». Двадцать три мили? То-то у меня все ноги в кровавых мозолях величиной с австралийский монолит Улуру. Странно, но отрезок пути от автозаправки «Тексако» в Рочестере до моста Кингсферри на острове Шеппи помнится смутно, будто в тумане. В очень густом тумане. Будто часть магнитофонной записи стерта. Может, я прошла его, погруженная в транс? Истчерч явно погружен в транс. Небольшой супермаркет «Спар» закрыт по случаю воскресенья; газетный киоск неподалеку то-

же закрыт, но хозяин возится внутри, и я стучу до тех пор, пока он не открывает дверь и не продает мне пачку печенья, банку арахисового масла, сигареты «Ротманс» и спички. Он спрашивает, есть ли мне шестнадцать, и я, нагло глядя ему в глаза, заявляю, что мне еще в марте семнадцать исполнилось. Выхожу на улицу, закуриваю, а мимо на мопеде проезжает какой-то стиляга со своей стиляжкой, пялится на меня во все глаза, но мне не до него: я с ужасом думаю о тающих фунтах и пенсах. Ничего, завтра подзаработаю деньжат, если только мистер Харти не сжульничает, хотя неизвестно, как долго будут продолжаться мои трудовые каникулы. Если Винни и Стеллы не было дома, когда к ним заявились мои предки, значит ма с папой так и не узнают, что я больше не с Винни и вообще сбежала из Грейвзенда.

У автобусной остановки стоит телефонная будка. Если позвонить ма, она сразу начнет язвить и напускать на себя суровость, а вот если позвонить Брендану, то есть надежда, что трубку возьмет Рут, и я попрошу ее передать папе – не ма, а именно папе, – что со мной все в порядке, просто я бросила школу и некоторое время поживу в другом месте. Тогда ма, когда мы с ней все-таки увидимся, не сможет грузить меня чувством вины, мол, тебя-же-могли-умыкнуть. Открываю дверцу будки и вижу, что телефонная трубка вырвана с корнем. Значит, не судьба.

Может, попросить разрешения позвонить с фермы? Посмотрим.

Часа в четыре сворачиваю с Олд-Ферри-лейн на припорошенную меловой пылью проселочную дорогу к ферме «Черный вяз». Оросительные установки на полях прерывисто разбрызгивают прохладные облака водяной пыли, и я глотаю этот туман, как нитяные струйки зубного ирригатора, и любуюсь крошечными радугами. Сам фермерский дом – старое приземистое кирпичное здание с современной пристройкой; во дворе большой железный сарай, пара строений из бетонных блоков и ветрозащитная полоса из таких высоких стройных деревьев. Навстречу мне выскакивает черная собачонка, этакий толстый тюлененок на коротких мощных лапах, заливается лаем, виляя всем телом, и через пять секунд мы с ней уже лучшие друзья. Я вспоминаю Ньюки, ласково глажу собаку по голове.

– А, Саба с тобой уже познакомилась. – Из старой части дома выходит девушка лет восемнадцати, в холщовых штанах. – Ты, наверное, только что приехала? Клубнику собирать? – У нее какой-то забавный акцент – валлийский, наверное.

– Ага. Да. А где тут у вас… регистрируются?

Слово «регистрируются» ей кажется очень смешным, и меня это ужасно злит: ну откуда мне знать, как тут это называется? Она тычет большим пальцем на дверь за спиной – на запястьях у нее эластичные напульсники, как у знаменитых теннисистов – по мне, так дурь какая-то, – и идет к кирпич-

ному сараю, рассказать остальным сборщикам про новенькую, которая решила, что здесь гостиница.

– К трем часам дня у нас уже двадцать поддонов наберется, – доносится мужской голос из кабинета в конце коридора. – И если ваш грузовик хоть на минуту опоздает, я отправлю товар в Эйлсфорд, на склад супермаркета «Файн-фэр». – Он кладет трубку на рычаг и добавляет: – Врет как дышит!

Тут до меня доходит, что это и есть мистер Харти, с которым я разговаривала по телефону сегодня утром. У меня за спиной распахивается дверь, и какая-то тетка – перепачканный рабочий комбинезон, зеленые резиновые сапоги, на шее косынка в горошек – подталкивает меня в кабинет.

– Давай-давай, красавица, доктор тебя сейчас посмотрит. Шевелись. Новая сборщица? Ну, я так и думала.

В тесной комнатенке затхло пахнет картошкой. Письменный стол, пишущая машинка, телефон, канцелярские шкафы, плакат с надписью «Великолепная Родезия», фотографии дикой природы, а за окном виднеется остов трактора во дворе. Гэбриелу Харти за шестьдесят; лицо у него типа как морской берег в отлив, а из носа и из ушей торчат пучки волос. Не обращая на меня внимания, он говорит тетке:

– Билл Дин только что звонил, у него там вроде как накладки с транспортным графиком.

– Ну понятно, – вздыхает она. – У водителей эпидемия бубонной чумы, так что везите всю завтрашнюю клубнику в

Кентербери.

– Совершенно верно. А еще он заявил, что, мол, от нас, землевладельцев, никогда помощи не дождешься. Это мы-то землевладельцы?! Банк владеет землей, а земля владеет тобой. Землевладельцы, скажет тоже. А сам, между прочим, возит свою семью отдыхать на Сейшелы или еще куда… – Мистер Харти раскуривает погасшую трубку и смотрит в окно. – Ты кто?

Я слежу за его взглядом, вижу за окном все тот же остов трактора и наконец соображаю, что он имеет в виду меня:

– Новая сборщица.

– Новая сборщица? Так нам сборщики больше не нужны.

– Мы с вами сегодня утром говорили по телефону, мистер Харти!

– Так это когда было! Чего об этом вспоминать?

– Но… – Что же делать, если он не возьмет меня на работу?

Тетка у канцелярского шкафа глядит на нас:

– Гэбриел!

– Но ведь мы уже взяли эту… как ее? Холли Бенсон-Хеджес. Она сегодня утром звонила.

– Это я, – говорю я. – Холли Ротманс, а не Бенсон-Хеджес, и… – Погоди-ка, он что, придуривается? У него такое лицо, что и не разберешь. – В общем, Холли – это я.

– Ага, значит, это ты. – Трубка в зубах мистера Харти тарахтит, как погремушка на змеином хвосте. – Ну и славно.

На работу завтра ровно в шесть. Не в две минуты седьмого. Здесь в постелях не залеживаются, у нас тут не санаторий. Ну все, ступай. Мне тут еще позвонить надо.

– По воскресеньям у нас почти пусто, – говорит миссис Харти, пока мы с ней идем по двору; в ней чувствуется хорошее воспитание, не то что у мужа; странная парочка. – Большинство наших сборщиков – из Кента, по воскресеньям возвращаются домой, в комфортные условия, а студенческая братия уходит на пляж в Лейсдауне, торчат там весь день, если только не застрянут в «Гербе Шурленда». Значит, так: душ вон там, туалет чуть дальше, а это вот прачечная. Ты откуда приехала?

– Ой, да я… – К нам подскакивает Саба, восторженно нарезает круги, а я торопливо придумываю, что сказать. – Из Саутенда. В прошлом месяце сдала экзамены за курс неполной средней школы. Родители работают, и я тоже решила деньжат подкопить. Знакомая подруги здесь как-то летом работала, вот папа мне и говорит, мол, раз тебе уже шестнадцать, то поезжай…

– А ты и приехала. И что же теперь – сайонара[12] школе?

Саба вынюхивает что-то в груде старых шин.

– Будешь на аттестат доучиваться?

– Да, конечно! Если результаты экзаменов позволят.

Миссис Харти, вполне удовлетворенная моими ответами,

[12] Sayonara (*яп.*) – прощай.

дальше не расспрашивает и ведет меня к распахнутой двери кирпичного сарая.

– Здесь у нас парни спят. – В сарае стоят штук двадцать металлических коек, в два ряда, будто в больничной палате, только здесь стены амбарные, пол каменный и окон нет. Должно быть, на лице у меня отражается мое отношение к заманчивой перспективе проводить ночи среди орды храпящих, пердящих и дрочащих парней, потому что миссис Харти говорит: – Не волнуйся, этой весной мы тут стеночку поставили, чтобы обеспечить дамам личное пространство. – Она указывает на дальний конец амбара.

Примерно треть помещения отгорожена фанерным щитом в два человеческих роста, с проемом входа, занавешенным старой простыней. Над ним мелом накорябано «ГАРЕМ» и стрелка, указывающая на вторую надпись: «РАЗМЕР ВАЖЕН ГЭРИ МЕЧТАЙ ДАЛЬШЕ». За простыней сумрачно, как в примерочной кабинке универмага, а по обе стороны узенького прохода фанерные перегородки образуют по три каморки с такими же «дверями»; в каждой каморке стоят по две койки, над которыми с потолочной балки свисает голая электрическая лампочка. При виде всего этого папа наверняка поморщился бы и заворчал бы про законы об охране здоровья и безопасности труда, но, как по мне, здесь тепло, сухо и вполне безопасно. Вдобавок в стене амбара есть еще одна дверь, запертая изнутри на засов, так что в случае пожара легко выскочить наружу. Единственное «но»: все

кровати уже заняты, на них лежат спальные мешки, рюкзаки и прочие манатки. Миссис Харти ведет меня к последней клетушке, единственной, где горит свет, стучит по дверной раме и говорит:

– Тук-тук-тук, Гвин.

– Это вы, миссис Харти? – раздается изнутри.

– Я тебе соседку привела.

В каморке на одной кровати сидит, скрестив ноги по-турецки, та самая улыбчивая валлийка в холщовых штанах и что-то пишет – то ли дневник, то ли еще что. От фляжки на полу поднимается пар, дымится сигарета, пристроенная на горлышко пустой бутылки. Гвин смотрит на меня и указывает на соседнюю кровать, мол, размещайся.

– Добро пожаловать в мою скромную обитель. Которая отныне станет нашей скромной обителью.

– Ну что ж, девочки, на этом я вас и оставлю, – говорит миссис Харти и уходит, а Гвин снова утыкается в свой дневник.

Ах вот как?! Нет, чтобы беседу поддержать, просто из вежливости. Шариковая ручка царап-царап-царап по бумаге. Наверное, сейчас Гвин пишет как раз обо мне, по-валлийски, чтобы я не смогла прочитать. Ну, раз она не собирается со мной разговаривать, так и я первой разговор заводить не стану. Швыряю спортивную сумку на койку, не обращая внимания на ехидный, как у Стеллы Йервуд, внутренний голос, дескать, Холли Сайкс гордо рванула к свободе и

самостоятельности, но, как и следовало ожидать, вляпалась в дерьмо… Я заваливаюсь рядом с сумкой, потому что идти все равно некуда, да и сил нет никаких. Сбитые в кровь ноги болят, будто их как следует обработали целым набором инструментов фирмы «Блэк и Деккер». И спального мешка у меня нет.

Мяч, отбитый моим вратарем через весь стол, – шмяк! – попадает прямо в ворота студента Гэри, и ошеломленные болельщики радостно вопят. Брендан называет этот удар «особым маневром Питера Шилтона» и вечно жалуется на несправедливость, мол, я левша, и это дает мне безусловное преимущество. Пять – ноль в мою пользу, пятая победа подряд, а мы играем до победного конца.

– Обалдеть, она меня в пух и прах разгромила! – Лицо у Гэри пылает, и после нескольких банок пива «Хайнекен» он нечетко выговаривает слова. – Холли, ты просто варовоз, то есть ветровоз, нет, как там его, виртуоз, о! Самый что ни на есть *bona fide*[13] виртуоз настольного футбола! А такому витре… в общем, такому и проиграть не стыдно. – Гэри отвешивает нелепый поклон, а потом тянет руку с банкой «Хайнекена» через весь стол, так что мне приходится с ним чокаться.

– Где это ты научилась так здорово играть? – спрашивает девчонка, имя которой легко запомнить: Дебби из Дерби.

[13] Настоящий (*лат.*).

Я пожимаю плечами, объясняю, что часто играла с двоюродными братьями, и тут же вспоминаю слова Брендана: «Надо же, какая-то девчонка смогла меня обыграть»; только теперь мне становится ясно, что он говорил так нарочно, чтобы одержанная победа стала для меня еще слаще.

Наигравшись в настольный футбол, выхожу на улицу покурить. Комнатой отдыха нам служит старая конюшня, где все еще пованивает навозом, но там сейчас веселее, чем в «Капитане Марло» воскресным вечером. Двадцать пять работников сидят за столами, курят, болтают, выпивают, что-то жуют, флиртуют и играют в карты; телевизора нет, но кто-то притащил заляпанный краской портативный двухкассетник и пленку с записью *Siouxie and the Banshees*. Поля фермы «Черный вяз» полого спускаются к морю, где точки огоньков очерчивают линию побережья от Фавершема до Уитстебла и дальше. Даже не верится, что в этом мире убивают, грабят или выгоняют родных детей из дома.

Девять вечера; ма сейчас велит Джеко и Шерон погасить свет, желает им спокойной ночи, а сама с бокалом вина устраивается в гостиной перед теликом и смотрит очередную серию «Бержерака». А может, сегодня она спустится вниз, жаловаться на меня своим шпионам: «Просто не представляю, как я ее упустила, Богом клянусь, просто не представляю!» А папа в это время уверяет сантехника Ниппера, пожарника Пи Джея и старого мистера Шарки: «Ничего, все устаканится» – или изрекает еще какую-нибудь глубокомыс-

ленную ерунду.

Вытаскиваю из нагрудного кармана пачку «Ротманс» – восемь сигарет выкурены, остается двенадцать, – но тут рядом возникает Гэри в футболке с надписью «РЕАЛЬНОСТЬ – ЭТО ИЛЛЮЗИЯ, ВЫЗВАННАЯ НЕДОСТАТКОМ СПИРТНОГО», протягивает мне «Силк кат» и говорит:

– Бери, ты заслужила, Холли.

Я благодарю его.

– Ты меня обыграла честно и по всем статьям, – продолжает он и, совсем как Винни, скользит оценивающим взглядом по моей груди.

Он собирается еще что-то сказать, но тут его окликают приятели и он уходит, бросив на прощание: «Еще увидимся». Нафиг мне с ним видеться, думаю я. И вообще, парни меня достали.

Три четверти сборщиков составляют студенты и те, кому в сентябре предстоит начать учебу в колледже или университете, а я моложе всех года на два, а то и больше, даже если считать, что мне уже шестнадцать, а не пятнадцать, как на самом деле. Я стараюсь держаться уверенно, не стесняясь, чтобы не выдать свой настоящий возраст, но эти парни – не будущие сантехники, парикмахеры или мусорщики, а программисты, преподаватели или адвокаты, это сразу видно. Даже по манере разговора. Они употребляют умные, грамотные слова, выражают свои мысли четко и ясно, вот как Джеко, так, как никто из моих одноклассников говорить не

умеет. Разве что Эд Брубек года через два станет таким же, как эти ребята. Я невольно кошусь на Гэри, а он, будто чувствуя мой взгляд, лыбится во весь рот, типа «о, класс, ты тоже здесь», и я поспешно отвожу глаза, а то еще поймет неправильно.

Остальные сборщики очень отличаются от студентов. Например, Гвин. Она играет в шашки с Марион и Линдой и совершенно не обращает на меня внимания, только мимоходом улыбается и небрежно бросает «привет!». Угу, спасибо, Гвин, и тебе не чихать. Марион вроде бы умственно отсталая; за ней по-матерински присматривает ее сестра Линда, договаривает за нее предложения. Сбор урожая на ферме «Черный вяз» для них типа как ежегодный отпуск. Есть еще парочка, Стюарт и Джина; у них своя палатка в лощине. Обоим под тридцать, с виду как настоящие фолк-музыканты – длинные волосы собраны в хвост, в ушах серьги; оказывается, они на самом деле ездят по окрестным деревням и городкам, выступают с концертами на рынках. Когда я получу первую зарплату, то Джина повезет нас с Дебби в Истчерч закупить продуктов в супермаркете «Спар». Дебби говорит, что Стюарт и Джина – посредники между остальными сборщиками и мистером Харти. А еще есть паренек по имени Алан Уолл, который ночует в крошечном фургончике, припаркованном у фермерского дома. Я его заметила, когда он вывешивал белье на просушку во дворе. Алан на пару лет старше меня, тщедушный, но жилистый, с загорелой ко-

жей цвета крепкого чая. Дебби говорит, что он цыган, точнее, странник, как их теперь принято называть; мистер Харти каждый год берет на работу кого-нибудь из его родичей, но никто не знает почему – по традиции, в силу каких-то обязательств, из суеверия или еще по какой причине.

Возвращаюсь из сортира, прохожу мимо узкой расщелины между фермерским домом и нашим сараем. Там кто-то стоит. Чиркает спичка.

– Надо же, и ты здесь, – говорит Гэри. – Покурим?

Да, Гэри симпатичный, но уже поддатый, да и познакомились мы всего пару часов назад.

– Нет, спасибо. Меня ждут в комнате отдыха.

– Да ладно, давай покурим! Все равно подыхать, без разницы от чего.

Он сует мне в лицо открытую пачку «Силк кат», чтобы я взяла губами торчащую из нее сигарету. Отказываться наотрез – создавать проблему на пустом месте, поэтому я беру сигарету рукой и говорю:

– Спасибо.

– Ну, прикуривай. Твой бойфренд в Саутенде, должно быть, до чертиков по тебе скучает.

Я вспоминаю Винни, натужно выдыхаю «О господи…» – и тут же осекаюсь. Ну и дура же ты, Сайкс!

– Еще как скучает.

– Рад, что мы это выяснили. – По лицу Гэри, подсвеченно-

му огоньком сигареты, расползается блудливая ухмылка. – Ну что, пойдем прошвырнемся, на звезды полюбуемся? Заодно и расскажешь о своем мистере О-господи-еще-как.

Мне совершенно не хочется, чтобы Гэри запускал свои лапы мне в лифчик или еще куда, но как бы послать его ко всем чертям и при этом не задеть его гордость?

– Застенчивость – милое дело, – заявляет Гэри, – но здорово мешает жить. Слушай, у меня есть и выпивка, и курево… и все, что твоей душеньке угодно.

Господи, если бы парни хотя бы на денек стали девушками, за которыми парни ухлестывают, то все эти дешевые фразочки быстро исчезли бы из их обихода.

– Знаешь, Гэри, как-нибудь в другой раз. – Я пытаюсь обойти его, чтобы вернуться во двор.

– А чего ты тогда на меня весь вечер пялилась? – Его рука автомобильным шлагбаумом преграждает мне путь, прижимается к животу. От Гэри разит лосьоном после бритья, пивом и сексуальной озабоченностью. – Не упусти свой шанс…

Если послать его куда подальше, он наверняка настроит против меня всех остальных. Если взъерепениться и во все горло позвать на помощь, то он представит все так, будто новенькая истерит, и вообще – хорошо бы выяснить, сколько мне лет и знают ли мои родители, где я нахожусь.

– Да, Осьминожек, твои брачные игры по-прежнему оставляют желать лучшего, – раздается знакомый голос с валлийским акцентом. Гвин. Мы с Гэри вздрагиваем от

неожиданности. – Такое, с позволения сказать, ухаживание больше похоже на вооруженный грабеж.

– Мы тут… мы… Да мы просто беседуем! – мямлит Гэри и направляется к комнате отдыха.

– Противный, но в общем не опасный. – Гвин смотрит ему вслед. – Как язвочки во рту. Он пристает ко всем особам женского пола, за исключением Сабы.

Нет, очень унизительно, когда тебя спасают.

– Да ладно, я бы и сама с ним справилась, – заявляю я.

– Ни капли в этом не сомневаюсь! – с чрезмерной искренностью произносит Гвин.

Подначивает, что ли?

– Я вполне способна сама себя защитить!

– До чего же ты мне напоминаешь… меня, Холли!

Ну и как на это ответишь? Из комнаты отдыха доносятся *Squeeze* – «Up the Junction»[14].

– Смотри-ка, наш Осьминожек сигареты обронил. – Гвин поднимает пачку, швыряет мне. – Хочешь – верни ему, а хочешь, оставь себе, в качестве компенсации за моральный ущерб. В общем, как знаешь.

Ага, представляю, что Гэри обо всем расскажет.

– Он же теперь меня возненавидит!

– Да он сам до смерти боится, что ты всем растрезвонишь, какой он мудак. Когда таким, как Гэри, дают от ворот поворот, они чувствуют себя жалкими карликами, а уж их хва-

[14] Здесь: «Чуть выше по перекрестку» (*англ.*).

леное мужское достоинство съеживается так, что без микроскопа не найдешь. Кстати, я тут для тебя у миссис Харти выпросила спальный мешок. Не знаю уж, сколько у него было прежних хозяев, но, слава богу, его выстирали, так что пятна не липкие. В нашем сарае по ночам холодно. В общем, я ложусь, а если усну до твоего прихода, то приятных тебе снов. Побудка в половине шестого.

2 июля

Месячные запаздывают всего на несколько дней, так что вряд ли я беременна, но откуда же тогда живот и эта третья сиська, вся в голубых прожилках, что торчит чуть ниже двух нормальных, которым Винни дал прозвища Долли и Партон? Ма в бешенстве, не верит, что я не знаю, кто отец этого ребенка: «Тебя же кто-то обрюхатил, а ты у нас, ясное дело, не Дева Мария». Но я и вправду не знаю. Конечно, главный подозреваемый – Винни; но мало ли, вдруг у нас с Эдом Брубеком что-то было в церкви? Или с Гэри на ферме «Черный вяз»? Или даже с этим цыганом, Аланом Уоллом? Раз с памятью однажды проделали какие-то дурацкие фокусы, я теперь ни в чем не уверена. Старая корова из «Смоуки Джо» зыркает на меня поверх «Файненшл таймс»: «А ты младенца спроси! Он-то должен знать».

И все вокруг скандируют: «Спроси младенца! Спроси младенца!», а я пытаюсь сказать, что не могу, он же еще не родился, но рот будто наглухо зашит, а живот все раздувается и раздувается. Теперь он похож на огромный кожаный шатер, а я болтаюсь на нем где-то сбоку. Младенец внутри, будто ладонь в свете фонарика, залит красноватым сиянием, голенький, но размером со взрослого. Я его боюсь.

«Ну, спрашивай!» – шипит ма.

И я спрашиваю: «Кто твой отец?»

Мы ждем. Он поворачивает голову ко мне и начинает говорить невнятным, бессвязным голосом из каких-то жарких стран: «Когда Сибелиуса раскрошат на кусочки, в три часа в день звезды Риги ты поймешь, что я рядом…»

…и сон обрывается. Невероятное облегчение, спальный мешок, густая, как суп, темнота, и никакой беременности, и голос с валлийским акцентом шепчет: «Все хорошо, Холли, это просто сон».

Фанерная перегородка в сарае, на ферме. Девушка – как ее зовут? Ах да, Гвин. Я шепчу:

– Прости, что разбудила.

– Ничего, я сплю чутко. Ты стонала. Страшный сон?

– Ага… нет, просто дурацкий. А который час?

Ее наручные часы светятся мутным золотом.

– Без двадцати пяти пять.

Ночь на исходе. Стоит ли пытаться снова уснуть?

Все вокруг храпят, как в зоопарке, на разные лады.

Сердце щемит от тоски по моей спальне, но я не поддаюсь. Помни о пощечине!

– Знаешь, Холли, – шепот Гвин шелестит черным покровом тьмы, – тут все гораздо труднее, чем ты думаешь.

С чего бы вдруг она именно сейчас произносит эти странные слова?

– Если у них получается, – говорю я, имея в виду студентов, – то и у меня тоже!

– Я не про клубнику. А про то, что ты сбежала из дома. Отпирайся, быстро!

– А почему ты решила, что я сбежала из дома?

Гвин не обращает внимания на мои слова, как вратарь на мяч в миле от ворот.

– Мой тебе совет – возвращайся. Конечно, если точно знаешь, что, если вернуться, хуже тебе не будет. – Она вздыхает. – Вот кончится лето, кончатся деньги, а мистер Ричард Гир так и не примчится к тебе на своем «харлей-дэвидсоне» и не предложит: «Запрыгивай, детка!», и ты будешь ошиваться у мусорных баков на задах «Макдональдса», и, что бы там Гэбриел Харти ни говорил, будешь вспоминать сарай на ферме «Черный вяз», как пятизвездочный отель. Понимаешь, у тебя сейчас есть список: «То, чего я никогда в жизни не сделаю, чтобы выжить». Список не изменится, а вот его название станет совсем другим: «Все, что я сделала, чтобы выжить».

– Я ниоткуда не сбегала, – как можно спокойнее говорю я.

– Тогда почему назвалась чужим именем?

– Меня действительно зовут Холли Ротманс.

– А меня Гвин Аквафреш. Хочешь зубной пасты?

– Аквафреш – не фамилия. А Ротманс – фамилия.

– Да, конечно, но я готова спорить на пачку «Бенсон и Хеджес», что это не твоя фамилия. Нет, пойми меня правильно, назваться чужим именем – ход очень даже неглупый. Я поначалу тоже имя меняла. Но дело в том, что все те непри-

ятности, которые ждут тебя впереди, раз в двадцать хуже тех неприятностей, из-за которых ты сбежала из дома.

Ну почему она меня так легко раскусила?!

– Рановато еще для золотых россыпей мудрости, – проворчала я. – Спокойной ночи!

Снаружи щебечет первая утренняя птаха.

Запиваю стаканом воды три «бутерброда» – печенюшки, намазанные арахисовым маслом, – и мы идем на большое поле в южной стороне фермы, где миссис Харти и ее муж устанавливают некое подобие навеса. Утро прохладное и росистое, но день обещает быть жарким, как и вчера. Я не злюсь на Гвин, но она вроде как видела меня нагишом, мне неловко встречаться с ней взглядом, и я держусь поближе к Марион и Линде. Гвин все понимает и уходит к грядке подальше, рядом со Стюартом, Джиной и Аланом Уоллом, так что мне с ней не заговорить, даже если б захотелось. Гэри ведет себя так, будто я превратилась в невидимку; он работает на другом краю поля, вместе с остальными студентами. Меня это вполне устраивает.

Собирать клубнику – нудное занятие, но здорово успокаивает, не то что суета в баре. Приятно проводить день на свежем воздухе. Птички, овечки, грохот трактора вдали, веселая болтовня студентов… ну, она вскоре смолкает. Каждому из нас выдают по картонному поддону с двадцатью пятью прямоугольными лубяными лукошками; каждое нужно

наполнить спелыми или почти спелыми ягодами. Отщипываешь ягоду от стебля ногтем большого пальца, кладешь ее в лукошко и так далее. Сперва я собираю клубнику, сидя на корточках, но от этого сводит икры, так что теперь я на коленях продвигаюсь по соломе на междурядье. Эх, надо было взять с собой джинсы посвободнее или даже шорты. Переспелые клубничины, те, что давятся под пальцами, я отправляю в рот, ведь трескать хорошие ягоды – все равно что съедать собственный заработок. Заполнив все двадцать пять лукошек, надо отнести поддон под навес, где миссис Харти все это взвешивает. Если вес точный или чуть больше, она выдает сборщику пластмассовый жетон, а если нет, то приходится возвращаться на грядку и добирать недостающее. Линда говорит, что в три часа все двинут обратно на ферму, где нам обменяют жетоны на деньги; жетоны надо бережно хранить, иначе никаких денег не получишь.

С самого начала заметно, кто привык к работе в поле, а кто нет: Стюарт и Джина продвигаются вдоль своей грядки в два раза быстрее остальных, а Алан Уолл – еще быстрей. А вот некоторые студенты вообще еле шевелятся, так что я, по крайней мере, не медленнее всех. Солнце поднимается все выше, жарит все сильней; хорошо, что я стащила у Эда Брубека бейсболку, – надеваю ее козырьком назад, чтобы шея не обгорала. Через час я вроде как включаю автопилот. Лукошки наполняются ягодка за ягодкой, ягодка за ягодкой, и заработок мой растет, два пенса, пять, десять… Я все разду-

мываю о словах Гвин. Похоже, она все это познала на собственном горьком опыте. Джеко и Шерон сейчас садятся завтракать, а мой пустой стул стоит рядом, будто я умерла или что-нибудь такое. Ма по-прежнему твердит: «Даже говорить о ней не желаю, об этой юной мамзель!» Когда ма заводится или нервничает, у нее прорезается сильный ирландский акцент. Думаю о пинболе и о том, что в детстве ты – как шарик в пинболе, тобой выстреливают по центральной дорожке, так что не отклонишься ни влево, ни вправо, и катись себе, не зная забот. Но как только докатишься до самого верха, то есть как только тебе исполнится шестнадцать, семнадцать или даже восемнадцать, то сразу открывается тысяча разных путей – одни великолепные, а другие так себе, самые обычные. А чуть переменишь скорость и направление – и все твое будущее изменится; отклонишься на какую-то долю дюйма вправо, и шарик ударит о препятствие, со звоном отскочит, провалится между флипперами прямо в дрейн – плюх! – и десять пенсов коту под хвост. Но возьмешь чуть левее, и на игровом поле сразу же замигают огоньки мишеней, засверкают рампы, слингшоты и кикеры, и вот она, славная победа, заветное место среди лучших, рекордный счет. Моя главная проблема в том, что я сама не знаю, чего хочу, кроме денег на еду, чтоб до завтра хватило. Вплоть до позавчерашнего дня я мечтала только о Винни, но больше я такой ошибки ни за что не сделаю. Вот только я, как запущенный серебристый шарик пинбола, качусь себе и качусь, совершенно не пред-

ставляя ни куда попаду, ни что со мной будет дальше.

В половине девятого объявляют перерыв; мы собираемся под навесом, пьем сладкий чай с молоком, который разливает женщина с кентским акцентом, вязким, как сырая земля. У всех свои кружки, а у меня – банка из-под апельсинового конфитюра, которую я выудила из мусорного ведра; кое-кто, правда, удивленно поднимает брови, но мне наплевать, зато у моего чая привкус апельсина. Гэрины «Бенсон и Хеджес» теперь лежат в моей пачке «Ротманс», и я выкуриваю парочку; они чуть позабористее «Ротманс». Линда угощает меня печеньем с заварным кремом, а Марион своим ровным, чуть глуховатым голосом говорит: «Когда фрукты собираешь, всегда есть хочется», и я отвечаю: «Верно, Марион», и она просто счастлива, и мне очень хочется, чтобы жить ей было чуть полегче. Потом я иду к Гвин, которая сидит рядом со Стюартом и Джиной, и предлагаю ей сигарету, и она говорит: «Вот спасибо», и мы вдруг сразу подруги, вот так запросто. Голубое небо, свежий воздух, ноющая спина – зато я на три фунта богаче, чем когда сорвала первую клубничину. Без десяти девять мы снова начинаем собирать ягоды. А в школе сейчас наша классная руководительница, мисс Суонн, делает перекличку по журналу, называет мое имя, а ей никто не отвечает. «Ее нет, мисс Суонн», – говорит кто-то из наших, и Стелла Йервуд покрывается потом от страха, если у нее есть хоть какие-то мозги, а они у нее точно есть.

Если она успела похвастаться, что увела у меня бойфренда, все сразу сообразят, почему меня нет в школе, а потом об этом узнают и учителя, и тогда Стеллу вызовут в кабинет к мистеру Никсону. Может, там и полиция будет. А если она не проговорится насчет Винни, то будет вести себя совершенно спокойно, будто ничего не знает, но в душе, конечно, запаникует. И Винни тоже. Секс с малолеткой – это, конечно, замечательно, до тех пор, пока никто ничего не знает, но все очень быстро переменится, особенно если я еще пару дней проведу на ферме «Черный вяз». Я вдруг превращусь в несовершеннолетнюю школьницу, которую Винсент Костелло четыре недели соблазнял подарками и выпивкой, а потом она исчезла без следа. И теперь этот Винсент Костелло, двадцати четырех лет, продавец автомобилей, проживающий на Пикок-стрит в Грейвзенде, станет главным подозреваемым. Я, вообще-то, по натуре не злая, и мне совсем не хочется, чтобы из-за меня Джеко, или папа, или Шерон не спали ночи напролет, особенно Джеко, но чуть-чуть подпортить жизнь Винни и Стелле очень и очень соблазнительно…

Отношу очередной полный поддон к миссис Харти под навес, а там все толпятся у радиоприемника, и лица у всех невероятно серьезные – а миссис Харти и та женщина, что поила нас чаем, и вовсе напуганы, – и у меня мелькает ужасная мысль, что по радио объявили о моем исчезновении. Так что я почти с облегчением слушаю сбивчивый рассказ Деб-

би из Дерби о том, что неподалеку обнаружены трупы троих зверски убитых людей. Ну, убийство – это, конечно, всегда ужасно, но в новостях о преступлениях сообщают каждый день, только тебя они особо не касаются.

– Где? – спрашиваю я.

– В Айвейде, – говорит Стюарт, тот, который с Джиной.

Я никогда о таком месте не слыхала, поэтому спрашиваю:

– А это где?

– Милях в десяти отсюда, – отвечает Линда. – Ты наверняка вчера мимо него прошла. Это чуть в стороне от дороги к мосту Кингсферри.

– Тише! – шикает кто-то и увеличивает громкость радиоприемника:

«Кентская полиция считает, что смерть произошла при подозрительных обстоятельствах. Всех, кто располагает какой-либо информацией, убедительно просят связаться с отделением полиции в Фавершеме, где начато официальное расследование и откуда осуществляется координация следственных действий. Убедительно просим местных жителей не…»

– Боже мой! – восклицает Дебби из Дерби. – Убийца на свободе!

– Давайте не делать поспешных выводов, – говорит миссис Харти, выключая радио. – Мало ли что в новостях скажут. Кто знает, что оно там случилось.

– Три трупа – это три трупа, – возражает цыган Алан Уо-

лл. – Их не выдумаешь.

А ведь он до сих пор молчал, ни словечка не произнес.

– Но это же не значит, что по острову Шеппи бродит Джек-потрошитель номер два с мясницким ножом в руках. Я схожу в контору, узнаю, что там и как. А Мэгс побудет здесь за главную. – Миссис Харти кивает женщине, что разливала чай, и уходит.

– Ну, теперь можно не волноваться, – говорит Дебби. – Миссис Шерлок Харти ведет расследование. В общем, так: если сегодня ночью на двери амбара не будет надежного замка и засова толщиной в руку, я немедленно отсюда уезжаю, отвезите меня на станцию.

Кто-то спрашивает, говорили ли по радио, как именно произошло убийство, и Стюарт поясняет, что сообщили про «жестокое нападение», а это, мол, скорее всего, означает убийство неким острым предметом, а не из огнестрельного оружия, но пока никто ни в чем не уверен. В общем, можно спокойно возвращаться к работе, потому что на открытой местности среди людей всегда безопасней.

– По-моему, это очень похоже на любовный треугольник, – заявляет Гэри. – Двое мужчин и девушка. Классическое преступление на почве ревности.

– А по-моему, тут замешаны наркотики, – предполагает его приятель.

– А по-моему, вы оба несете полную херню, – говорит Дебби.

Если в голову западет мысль о психе, который вполне может скрываться в купе деревьев на краю поля или за зеленой изгородью, то боковым зрением начинаешь замечать какие-то фигуры. Как радиолюди, только их не полуслышишь, а почти видишь. Я пытаюсь понять, когда именно произошли убийства: вдруг это случилось, пока я шла через поля к мосту Кингсферри? А может, убийца – тот велосипедист, спятивший от горя и тоски по умершему сыну? Он, правда, совсем не похож на психа, но, если честно, в реальной жизни вот так сразу психа тоже не вычислишь. И веселая компания парней и девиц в автофургоне «фольксваген» тоже выглядела подозрительно… Пока мы обедаем – Гвин угощает меня бутербродами с сыром и пикульной приправой «Брэнстон», да еще и банан дает, потому что догадывается о моих запасах еды, – над мостом пролетает вертолет, а в час дня «Радио Кента» сообщает в новостях, что на место преступления прибыла команда судебных медиков, что там все обследуют с собаками-ищейками и так далее. Полиция еще не объявила имена жертв, но знакомая миссис Харти, жена местного фермера, рассказывает, что там по выходным жила некая молодая женщина по имени Хайди Кросс, которая учится где-то в Лондоне, и, судя по всему, ее-то и убили. Поговаривают, что Хайди Кросс и ее бойфренд увлекались «радикальной политикой», и теперь студент Гэри утверждает, что это наверняка убийство на политической почве, возможно спон-

сированное ИРА, или ЦРУ, если убитые выступали против американского вмешательства, или МИ-5, если они были на стороне бастующих шахтеров.

Наверное, зря я считаю, что в университеты берут только самых умных, но все-таки очень хочется верить Гэри, потому что если он прав, то в стогах сена никакого психа-убийцы нет, а то я никак не могу отделаться от этой мысли.

После обеда мы еще пару часов собираем клубнику, а потом возвращаемся на ферму, где миссис Харти меняет наши жетоны на деньги. Сегодня я заработала больше пятнадцати фунтов. Гэбриел Харти прилаживает засов на дверь сарая, с внутренней стороны, как и хотела Дебби из Дерби. Похоже, нашему работодателю совсем не хочется, чтобы все сборщики дружно сбежали, а клубника осталась гнить в поле. Гвин говорит, что обычно все сборщики пешком ходят в Лейсдаун за продуктами и пивом, но сегодня туда отправляются только те, у кого есть машина. Что ж, я сэкономлю деньги, поужинаю плошкой мюсли из тех остатков, что найдутся на кухне, и крекерами «Ритц», да еще Гвин обещала угостить меня хот-догом. Мы с ней сидим и курим в теплой тени под полуобвалившейся стеной, на поросшем травой склоне у входа на ферму. Смотрим, как Алан Уолл развешивает выстиранную одежду на просушку. Он голый по пояс, весь такой мускулистый, с темным загаром и с выгоревшими светлыми волосами; Гвин он явно нравится. Алан совершенно невозмутим, говорит мало и только по делу, и его нисколько не пугает, что

где-то по кустам шастает псих-убийца. Гвин убийства тоже не беспокоят.

– Если ты вчера зверски прирезал троих, то вряд ли станешь искать убежища на острове, плоском, как лепешка, всего в миле от места преступления. А на любого незнакомца здесь смотрят как на трехголового… Адольфа Гитлера! Ну, в общем…

В общем, это вполне достойный аргумент. Мы с Гвин, затягиваясь по очереди, выкуриваем последнюю сигарету «Бенсон и Хеджес». Я пытаюсь извиниться за свою грубость утром.

– Из-за моей утренней проповеди, что ли? – усмехается Гвин. – Да ладно, я сама знаешь какая была, когда из дома сбежала… – Противным ехидным голосом она произносит: – «Мне ваша помощь не требуется, ясно? Вот и чешите отсюда!» – Потянувшись, она ложится на траву. – Господи, я вообще ничего не знала. Ничегошеньки!

Мимо проезжает грузовик с клубникой, собранной нами за день.

Похоже, Гвин хочет мне что-то рассказать, но не может решить, надо ли, а если да, то сколько.

– Я, как паровозик Айвор, жила в горной долине у деревни Риулас, недалеко от Бангора, в самом верхнем левом углу Уэльса. Я единственный ребенок в семье. У отца была птицеферма, да и сейчас, наверное, есть. Больше тысячи кур, каждая в клетке размером с обувную коробку, все в точно-

сти так, как рассказывают борцы за права животных. От яйца до курицы на полке супермаркета – шестьдесят шесть дней. Мы жили в домике за огромным курятником. Домик и землю отец получил в наследство от дяди и постепенно завел хозяйство. Когда Господь раздавал людям обаяние, моему отцу досталась тройная порция. Он спонсировал местную команду регбистов, а раз в неделю уезжал в Бангор, пел в тамошнем мужском хоре. Его считали суровым, но справедливым работодателем. Он делал взносы в «Плайд камри», Национальную партию Уэльса, и во всем Гвинеде не было человека, который сказал бы о нем хоть одно плохое слово.

Гвин закрывает глаза. Веко пересекает едва заметный шрам.

– И никто не подозревал, что на самом деле мой отец – двуличный тип. На людях он был эдаким столпом местного общества, а дома – злобным и жестоким деспотом. И это еще мягко сказано. Он очень любил правила. Как убирать дом. Как накрывать на стол. Как должны лежать зубные щетки. Какие книги читать, какие радиостанции слушать – телевизора у нас не было. Только правила постоянно менялись, потому что он хотел, чтобы мы с мамой их нарушали и ему было бы за что нас наказывать. А наказывал он нас отрезком металлической трубы, тщательно обернутым ватой, чтобы на теле не оставалось следов. За каждую порцию наказания его следовало благодарить. И мне, и маме тоже. Если же мы не проявляли должной благодарности, нас наказывали по вто-

рому разу.

– Черт возьми, Гвин! Он бил тебя, ребенка?

– Да, он всегда был таким. И его папаша вел себя так же.

– И твоя ма от него не ушла? Все это ему спускала?

– Знаешь, этого никогда не могут понять те, кто на себе этого не испытал. Считай, тебе здорово повезло. Подчинение всегда основано на страхе. Если боишься наказания, то не станешь возражать, не дашь отпор, не сбежишь. Все безропотно принимаешь, со всем соглашаешься, чтобы таким способом выжить. Постепенно это становится нормальным. Чудовищным, но все-таки нормальным. Чудовищным именно потому, что считается чем-то нормальным. Ты, наверное, скажешь, что, мол, не давая отпор, позволяешь над собой издеваться, но дело в том, что если тебя всю жизнь воспитывали в страхе, то ты не в состоянии противостоять мучителю. Жертвами становятся не из трусости. Посторонним невдомек, сколько мужества требуется для того, чтобы выжить в подобных условиях. Моей маме некуда было идти, понимаешь? Ни братьев, ни сестер. Родители ее умерли еще до того, как она вышла замуж. Отцовские правила навсегда отрезали нас от окружающих. Подружишься с кем-то в деревне – значит пренебрегаешь родным домом, а стало быть, заслуживаешь трубы. От страха я даже в школе друзей не заводила. Приглашать гостей в дом не полагалось, ходить по гостям – тоже, потому что так поступают только неблагодарные свиньи, для которых одно средство – труба. В общем, его безу-

мие было весьма последовательным.

Алан Уолл уходит в дом. С рубашки и джинсов на веревке капает вода.

– А ты или твоя ма не могли на него заявить?

– Кому заявить? Отец пел в бангорском хоре вместе с судьей и начальником полиции. Он совершенно очаровал моих школьных учителей. Жаловаться в службу социальных проблем? Но тут наше слово было против его слова, а отец наш, между прочим, сражался в Корее, получил награду за храбрость. Мама была совершенно опустошенной, постоянно сидела на валиуме, а из меня, затюканной девчонки, двух слов было не вытянуть. А напоследок, – горько усмехается Гвин, – он пригрозил, что убьет и маму, и меня, если я попытаюсь очернить его имя. И подробно объяснил, как именно это сделает, будто зачитал вслух инструкцию из серии «Сделай сам». И как легко ему потом удастся выйти сухим из воды. Не хочу даже говорить, как именно он надо мной надругался, ты, наверное, и сама догадываешься. Мне было пятнадцать… – напряженным голосом произносит Гвин, и я уже не рада, что мы вообще завели этот разговор. – Столько же, сколько тебе сейчас. – (Я невольно киваю.) – С тех пор уже пять лет прошло. Мама обо всем знала – домик-то маленький, – но не осмелилась его остановить. А на следующее утро я, как обычно, ушла в школу, сунув в спортивную сумку еще кое-какую свою одежду, и с того дня в Уэльс ни ногой. У тебя сигареты еще остались?

– Гэрины все кончились, будем мои курить.

– Если честно, мне «Ротманс» больше нравятся.

Я протягиваю ей пачку:

– Моя настоящая фамилия – Сайкс.

Она кивает:

– Холли Сайкс, значит. А я – Гвин Бишоп.

– Я думала, ты Гвин Льюис.

– В обеих фамилиях есть буква «и».

– А что было после того, как ты уехала из Уэльса?

– Манчестер, Бирмингем, полубездомная, а потом и вовсе бездомная жизнь. В Бирмингеме я попрошайничала в торговом центре «Буллринг». Спала в чужих домах, вместе со сквоттерами или у друзей, которые вели себя совсем не подружески. В общем, прозябала. Если честно, то чудом выжила. А второе чудо – то, что меня не отправили домой. Понимаешь, пока тебе нет восемнадцати, сотрудники социальной службы обязаны сдать тебя местным властям, а те, естественно, вернут тебя домой. Мне до сих пор снятся кошмары, будто меня приводят к отцу, он приветствует блудную дочь и полицейский смотрит на душещипательную сцену и думает: «Все хорошо, что хорошо кончается», а отец запирает за ним дверь и… Все, хватит. Короче, я рассказала тебе эту светлую и радостную историю, чтобы ты поняла, как должно быть плохо дома, чтобы решиться на побег. Как опустишься на самое дно, так оттуда не выберешься. Пять лет прошло, и я только сейчас стала надеяться, что самое пло-

хое уже позади. Вот я смотрю на тебя и… – Она умолкает, потому что прямо перед нами резко тормозит какой-то велосипедист.

– Сайкс!

Эд Брубек? Ну да, Эд Брубек!

– Ты что здесь делаешь?

Волосы у него встопорщенные, мокрые от пота.

– Тебя ищу.

– На велосипеде? А как же школа?

– Утром сдал экзамен по математике и теперь свободен. Сел с велосипедом на поезд, доехал до Ширнесса, а потом сюда прикатил.

– За бейсболкой, что ли?

– Да фиг с ней, с бейсболкой, Сайкс, нам нужно…

– Погоди, а откуда ты знаешь, где меня искать?

– Я и не знал, но потом вспомнил, что я тебе рассказывал про Гэбриела Харти, ну и позвонил ему. Он, правда, сказал, что никакой Холли Сайкс у него нет, есть только некая Холли Ротманс. Я сообразил, что это, наверное, ты, и оказался прав.

– Да уж, ничего не скажешь, – бормочет Гвин.

– Брубек, это Гвин, – говорю я. – Гвин, это Брубек.

Они кивают друг другу, и Брубек снова поворачивается ко мне:

– Слушай, тут дело такое…

Гвин встает.

– Ладно, увидимся в пентхаусе, – говорит она, подмигивает и удаляется легкой походкой.

А я сердито говорю Брубеку:

– Да слышала я!

Он изумленно смотрит на меня:

– Тогда почему ты все еще здесь?

– Об этом по «Радио Кент» сообщили. Ну, о тройном убийстве. В деревне Айвейд.

– Да я совсем не об этом! – Брубек прикусывает губу. – Твой брат тоже здесь?

– Джеко? Нет, конечно. Что ему тут делать?

Прибегает Саба, облаивает Брубека, а он смятенно молчит, как человек, принесший ужасную весть.

– Джеко пропал.

У меня голова идет кругом.

– Заткнись! – велит Брубек Сабе, и та умолкает.

– Когда? – еле слышно спрашиваю я.

– В ночь с субботы на воскресенье.

– Джеко? – Наверное, мне послышалось. – Пропал? Но… Как пропал? Ведь паб запирают на ночь.

– Полиция с утра пораньше заявилась в школу, и мистер Никсон пришел прямо на экзамен и спросил, не знает ли кто, где ты. Я чуть было не сказал. А потом… В общем, я здесь. Эй, Сайкс? Ты меня слышишь?

Меня охватывает противное зыбкое ощущение, как в лифте, когда кажется, что пол вот-вот уйдет из-под ног.

– Слышу. Но я не видела Джеко с субботнего утра…

– Я-то знаю, а полицейские – нет. Они решили, что вы с Джеко сговорились и сбежали вместе.

– Но это же бред, Брубек… ты же знаешь, что бред!

– Да, знаю! Но лучше, если ты им это скажешь, иначе они так и не начнут искать Джеко по-настоящему.

Мне мерещатся то лондонские поезда, то полицейские водолазы, обшаривающие дно Темзы, то убийца среди зеленых изгородей.

– Но Джеко даже не знает, где я! – Меня трясет, и небо заваливается набок, и голова раскалывается от боли. – Он странный мальчик и… и… и…

– Слушай… – Брубек подхватывает меня, поддерживает мне голову ладонью, будто собирается поцеловать, только, конечно же, не лезет ко мне с поцелуями. – Послушай, Холли, бери свои пожитки. Поедем в Грейвзенд. На моем велосипеде, а потом на поезде. Я тебе помогу. Обещаю. Давай, поехали. Прямо сейчас.

Смирны горькой запах благой… 1991

13 декабря

– Гулче, тенора! – велит хормейстер. – Напрягаем диафрагмы – и ходуном, ходуном, ну же! Дисканты, не нажи-

майте так на «с-с-с» – вы все-таки не труппа Голлумов. И приглушите «ц». Эдриен Би – раз уж ты берешь верхнее до в «Уймитесь, печальные токи», значит сможешь взять его и здесь. Еще раз, проникновенно. И раз, и два, и…

Шестнадцать хористов Королевского колледжа, с безжалостно обкорнанными патлами, ушастых, как летучие мыши, и четырнадцать стипендиатов хора выдыхают в унисон:

Та, что прекрасна и светла,
Velut maris stella…[15]

Бриттенов «Гимн Деве» взмывает ввысь, гоняется за хвостом своего эха под великолепными сводами, а потом пикирует вниз, взрываясь над сидящими в часовне редкими зимними туристами и студентами в промокших куртках и пальто. По-моему, у Бриттена есть и удачные, и неудачные произведения: иногда он наводит скуку, а иногда этот старый педик, раздухарившись, привязывает трепетную душу слушателя к мачте, дабы исхлестать ее феерическим величием…

Та, что как ясный день мила,
Parens et puella…[16]

Бывает, я лениво раздумываю о музыке, которую хотел бы услышать на смертном одре, в окружении очарователь-

[15] Здесь: как путеводная звезда (лат.).

[16] Здесь: и мать, и невинная дева (лат.).

ных сиделок, и не могу представить ничего более восторженного, чем «Гимн Деве», однако боюсь, что, когда наступит великое мгновение, диджей Бессознательное отправит меня в путь под звуки «Gimme! Gimme! Gimme! (A Man after Midnight)»[17] и мне впервые не удастся сменить пластинку. Мир, умолкни, ибо один из самых великолепных музыкальных оргазмов наступает на слове «молю»:

Молю Тебя, меня призри,
Дева, пред Сыном заступи…

Волосы на затылке шевелятся, будто от дуновения. От вздоха той, что сидит через проход от меня. Хотя только что ее там не было… Глаза закрыты, чтобы лучше впитывать музыку, а я впитываю ее. Ей около сорока… ванильные волосы, сливочная кожа, губы – как божоле, а скулы такие острые, что можно обрезаться. Стройная фигура, темно-синее пальто. Кто она? Русская оперная дива-диссидентка, ожидающая своего куратора? Тут, в Кембридже, и не такое возможно. Но внешность у нее на редкость впечатляющая, высший класс…

Tam pia[18],
Прости меня, прими меня…
Мария.

---

[17] «Дай мне, дай мне, дай мне! (Мужчину после полуночи)» (*англ.*). Также песня известна по-русски как «Молитва».

[18] Пречистая (*лат.*).

Пусть она останется после того, как хористы уйдут. Пусть повернется к молодому человеку, сидящему через проход, и шепнет: «Божественные звуки!» Пусть мы с ней поговорим о симфонических интерлюдиях из оперы «Питер Граймс» и о Девятой симфонии Брукнера. Пусть мы не станем обсуждать ее семейное положение, пока будем пить кофе в гостинице «Каунти». Пусть кофе превратится в форель и красное вино, обойдусь без последней в Михайловом триместре кружки пива, ребята и без меня повеселятся в «Погребенном епископе». Пусть мы с ней поднимемся по застеленной ковром лестнице в уютный люкс, где всю Неделю первокурсника я резвился с матерью Фицсиммонса. Кхм. В трусах пробуждается Кракен. Все-таки я – мужчина двадцати одного года от роду, который уже десять дней живет без секса, так что сами понимаете… И скрыть этот факт очень сложно в присутствии красивой женщины. Ого! Ну-ну. Похоже, она исподтишка за мной наблюдает. Рассматриваю рубенсовское «Поклонение волхвов» над алтарем и жду, когда она сделает первый шаг.

Хористы удаляются, незнакомка остается сидеть. Какой-то турист наводит увесистый фотоаппарат на Рубенса, но гоблин-охранник тут же рявкает: «Со вспышкой нельзя!» Часовня постепенно пустеет, гоблин возвращается в свою будку у органа, одна за другой текут минуты. Мой «Ролекс»

показывает половину четвертого. Надо еще довести до ума эссе о внешней политике Рональда Рейгана, но в шести шагах от меня сидит эфемерная богиня и ждет, когда я сделаю первый шаг.

– По-моему, – говорю я, – кровь, пот и слезы хористов, пролитые над тем или иным произведением, лишь углубляют тайну музыки, а отнюдь не уменьшают ее. Вы не находите, что в этом есть некий смысл?

– Пожалуй, да – для студентов первых курсов, – с улыбкой отвечает она.

Ах ты кокетка!

– А вы аспирантка? Или преподаватель?

Она улыбается призрачной улыбкой:

– Я одета, как суровая ученая дама?

В тихом голосе сквозит некая французская округлость звуков.

– Нет, что вы! Но, судя по всему, вы способны на весьма суровую отповедь.

Она не реагирует на мой прозрачный намек:

– Здесь я чувствую себя как дома.

– Я тоже. Почти. Я из Хамбер-колледжа, в нескольких минутах ходьбы отсюда. Третьекурсники обычно подыскивают жилье за пределами колледжа, но я чуть ли не каждый день прихожу сюда послушать хор, если позволяет расписание занятий.

Она лукаво смотрит на меня, будто говоря: «Да уж, даром

времени не теряешь».

Я выразительно пожимаю плечами, мол, а вдруг я завтра попаду под автобус?

– И что же, учеба в Кембридже оправдывает ваши ожидания?

– Тот, кто недоволен Кембриджем, не заслуживает того, чтобы здесь учиться. В моей комнате жили Эразм, Петр Великий и лорд Байрон. Честное слово. – Ложь, конечно, но актер я неплохой. – Перед сном я часто думаю о них, глядя на потолок моей комнаты, ничуть не изменившийся с тех времен. Вот это – настоящий Кембридж. Во всяком случае, для меня, – заявляю я; эта отработанная речь всегда пользуется успехом у женщин. – Кстати, меня зовут Хьюго. Хьюго Лэм.

Инстинкт подсказывает, что не стоит пожимать ей руку.

С ее губ срывается:

– Иммакюле Константен.

Ну и имечко! Ручная граната из семи слогов.

– Вы француженка?

– Я родом из Цюриха.

– Обожаю Швейцарию. И каждый год езжу кататься на лыжах в Ла-Фонтен-Сент-Аньес: там у моего приятеля есть шале. Вы там бывали?

– Случалось. – Она опускает на колено руку в замшевой перчатке и говорит: – Вы изучаете политику, Хьюго Лэм.

Ничего себе!

– Как вы догадались?

– Расскажите-ка мне о власти. Что это такое?

Да уж, ее кембриджские замашки намного лучше моих!

– Вы хотите обсудить со мной проблему власти? Прямо здесь и сейчас?

Она склоняет очаровательную голову:

– Не существует иного времени, кроме настоящего.

– Ну, хорошо. – Чего не сделаешь ради высшего класса. – Власть – это способность заставить окружающих делать то, чего они делать не стали бы, или удержать их от того, что они непременно стали бы делать.

Лицо Иммакюле Константен остается непроницаемым.

– И каким же образом?

– С помощью принуждения и поощрения. Кнутом и пряником, хотя с определенной точки зрения это одно и то же. Принуждение основано на боязни насилия или страданий. «Подчинись, не то пожалеешь». В десятом веке с помощью этого принципа датчане успешно взимали дань; на этом держалась сплоченность стран Варшавского договора, да и задиры на детской площадке правят с помощью того же. На этом основаны закон и порядок. Именно поэтому мы сажаем преступников в тюрьму, а демократические государства стремятся монополизировать силу.

Иммакюле Константен внимательно следит за выражением моего лица; это и возбуждает, и отвлекает.

– Поощрение работает за счет обещаний: «Подчинитесь, и почувствуете выгоду». Подобная динамика наблюдается, к

примеру, при размещении военных баз НАТО на территориях государств, не являющихся членами этой организации, при дрессировке собак, а также при необходимости на всю жизнь примириться с дерьмовой работой. Ну что, правильно я рассуждаю?

Охранник-гоблин чихает, и по часовне прокатывается гулкое эхо.

– Вы всего лишь царапнули по поверхности, – говорит Иммакюле Константен.

Я пылаю от вожделения и досады:

– Так царапните поглубже.

Она смахивает с замшевой перчатки какую-то пушинку и произносит, обращаясь к собственной руке:

– Власть теряют либо обретают, но ее невозможно ни создать, ни уничтожить. Власть – это гость тех, кто ею наделен, но отнюдь не их собственность. К власти стремятся и безумцы, и мудрецы, но лишь мудрейших тревожат ее долговечные побочные эффекты. Власть – это наркотик для эго и едкая кислота для души. Переходы власти от одного индивида к другому – будь то путем завоеваний, браков, урн для голосования, диктатур или счастливого случая – и составляют суть истории. Да, наделенные властью способны вершить правый суд, преображать мир, превращать цветущие государства в выжженные поля сражений, ровнять с землей небоскребы, но сама по себе власть не несет в себе нравственного начала. – Иммакюле Константен смотрит на меня. – Власть

заметила вас. Власть за вами пристально наблюдает. Продолжайте и дальше в том же духе, и власть вас облагодетельствует. Но власть и посмеется над вами, причем безжалостно, когда вы будете умирать в частной клинике через незаметно пролетевшие десятилетия. Власть высмеивает всех своих прославленных фаворитов, стоит им оказаться на смертном одре. «Истлевшим Цезарем от стужи заделывают дом снаружи. Пред кем весь мир лежал в пыли, торчит затычкою в щели». Мысль об этом вызывает у меня особое отвращение, Хьюго Лэм. А у вас?

Мелодичный голос Иммакюле Константен убаюкивает, точно шелест ночного дождя.

У тишины в часовне Королевского колледжа явно имеется собственное мнение.

– А чего же вы, собственно, хотите? – помолчав, говорю я. – В договор с жизнью включен пункт о смертности. Всем нам когда-нибудь придется умереть. Но пока ты жив, властвовать над другими куда приятней, чем находиться в их власти.

– Что живо, то в один прекрасный день умрет – так гласит договор с жизнью, правда? Но вам следует знать, что в исключительных случаях этот нерушимый пункт договора может быть… переписан.

Я гляжу в ее спокойное и серьезное лицо.

– Вы это о чем? О занятиях спортом? О вегетарианских диетах? О пересадке органов?

– О той форме власти, которая позволяет отсрочивать смерть навечно.

Да, мисс Константен, безусловно, высший класс, но если она ушиблена сайентологией или криогенетикой, то ей придется понять, что меня подобной чушью не проймешь.

– А вы, случайно, не пересекли границу Страны Безумцев?

– Эта страна не знает границ.

– Но вы говорите о бессмертии так, словно это некая реальность.

– Нет, я говорю не о бессмертии, а о вечной отсрочке смерти.

– Постойте, вас что, Фицсиммонс послал? Или Ричард Чизмен? Вы что, с ними сговорились?

– Нет. Я просто пытаюсь заронить в вас семя…

Да уж, это, пожалуй, слишком креативно для очередной дурацкой шутки Фицсиммонса.

– Семя чего? Что из него вырастет? Можно поточнее?

– Семя вашего исцеления.

Ее серьезность вызывает тревогу.

– Но я не болен!

– Смерть вписана в вашу клеточную структуру, а вы утверждаете, что не больны? Посмотрите на эту картину. Посмотрите, посмотрите. – Она кивает в сторону «Поклонения волхвов». Я подчиняюсь. Я всегда буду ей подчиняться. – Тринадцать человек, если их пересчитать. Как на Тайной ве-

чере. Пастухи, волхвы, родственники. Посмотрите внимательно на их лица, по очереди на каждого. Кто из них верит, что этот новорожденный пупс сумеет победить смерть? Кто хочет доказательств? Кто считает Мессию лжепророком? Кто знает, что он изображен на картине? Что на него смотрят? А кто из них смотрит на вас?

Гоблин-охранник машет рукой у меня перед носом:

– Эй, очнись! Извини, что побеспокоил, но нельзя ли закончить ваши дела со Всевышним завтра?

Моя первая мысль: «Да как он смеет?!» Вторая мысль не появляется, потому что меня мутит от его дыхания, воняющего горгондзолой и скипидаром.

– Мы закрываемся, – говорит он.

– Но часовня открыта до шести! – возражаю я.

– Ну… да-а. Точно, до шести. А сейчас сколько?

И тут я замечаю, что за окнами – сияющая мгла.

Без двух минут шесть – утверждают часы. Не может быть! Ведь только что было четыре. Я пытаюсь за внушительным брюхом своего мучителя разглядеть Иммакюле Константен, но ее нет. И, судя по всему, давно. Не может быть! Она же только что просила меня взглянуть на картину Рубенса, всего несколько секунд назад! Я посмотрел, и…

…Я морщу лоб, гляжу на гоблина-охранника, ожидая ответа.

– Шесть часов, пора уходить, – заявляет он. – Пора, пора.

Расписание есть расписание.

Он стучит по циферблату своих наручных часов, тычет их мне в нос, хотя и вверх тормашками; на дешевом циферблате отчетливо видно: 17:59.

– Но… – бормочу я, да какое уж тут «но»? Не может быть, чтобы два часа куда-то провалились за две минуты! – А где… – сиплю я, – женщина? Она вон там сидела?

Охранник смотрит в указанном направлении, спрашивает:

– Когда? В этом году?

– Сегодня, примерно… в половине четвертого. В таком темно-синем пальто. Красавица.

Гоблин складывает на груди короткие руки и заявляет:

– Будь так любезен, подними свою одурманенную травкой задницу и двигай отсюда, а мне домой пора; у меня, между прочим, семья имеется.

Ричард Чизмен, Доминик Фицсиммонс, Олли Куинн, Джонни Пенхалигон и я чокаемся стаканами и бутылками, а вокруг пьяно ревут и бубнят посетители «Погребенного епископа», паба на булыжной улочке у западных ворот Хамбер-колледжа. В пабе не протолкнуться: завтра начинается рождественский исход, и нам чудом удается найти столик в самом дальнем углу. Я одним духом осушаю стопку «Килмагун спешиал резерв», и виски тяжелым комом соскальзывает в горло, прожигая насквозь, от миндалин до самого желудка,

а потом начинает растворять тревогу, терзающую меня с тех пор, как пару часов назад я очнулся в часовне, совершенно не понимая, что произошло. Мысленно убеждаю себя, что месяц выдался на редкость тяжелый: сдача письменных работ, жесткие сроки, бесконечное нытье Марианджелы, а на прошлой неделе еще и две ночные попойки у Жаба, чтобы улестить Джонни Пенхалигона. Внезапная потеря времени – не симптом опухоли мозга, да и вообще, я пока не падаю без причины и не брожу нагишом по крышам колледжа, среди каминных труб. Я забыл о времени, сидя в красивейшей позднеготической церкви Великобритании и размышляя о шедевре Рубенса, – подобное окружение создано для того, чтобы заставить человека утратить счет часам. Олли Куинн опускает на столешницу полупустую кружку и тихонько рыгает.

– Лэм, ты разобрался, как Рональд Рейган выиграл холодную войну?

Я его еле слышу: молодые консерваторы Хамбер-колледжа в соседнем зале громко подвывают бессмертному рождественскому хиту Клиффа Ричарда «Mistletoe and Wine»[19].

– Ага, все изложил и, стряхнув с листов вековую пыль, подсунул профессору Дьюи под дверь, – киваю я.

– Не знаю, как ты целых три года эту политику долбишь. – Ричард Чизмен утирает с хемингуэевской бородки пену, оставленную «Гиннессом». – Уж лучше обрезание с помо-

[19] «Омела и вино» (*англ.*).

щью терки для сыра.

– Жаль, что ты ужин пропустил, – говорит Фицсиммонс. – На десерт пошли остатки нарнийской травки Джонни. Не хватало еще, чтобы уборщица, приводя в порядок его комнату в конце триместра, наткнулась на его запасы, приняла их за крысиные катышки и выбросила вместе с липкими скаутскими журнальчиками. – Джонни Пенхалигон, не отрываясь от кружки с горьким пивом, показывает Фицсиммонсу средний палец, дергает узловатым кадыком; я лениво представляю, как провожу по нему опасной бритвой. Фицсиммонс фыркает и поворачивается к Чизмену: – А где же твой приятель, загадочное дитя Востока в кожаных штанах?

Чизмен косится на часы:

– В тридцати тысячах футов над Сибирью, перевоплощается в ревностного конфуцианина и примерного старшего сына. Если бы Сек все еще оставался в городе, я не стал бы почем зря рисковать своей репутацией в компании ярых гетеросексуалов. Я теперь убежденный рисолюб. Фиц, угости-ка меня канцерогенной палочкой, дай мне в зубы, чтоб дым пошел, – американцы почему-то обожают это выражение.

– Здесь курить бесполезно, – морщится Олли Куинн, извечный сторонник борьбы с курением. – Все равно дымом дышим.

– Ты ж бросаешь. – Фицсиммонс протягивает Чизмену пачку «Данхилла»; мы с Пенхалигоном тоже берем по сига-

рете.

– Успеется, – отмахивается Чизмен. – Джонни, будь так любезен, дай зажигалку Германа Геринга, она прямо-таки источает эманации зла.

Пенхалигон вытаскивает увесистую зажигалку времен Третьего рейха. Самую настоящую, приобретенную его дядей в Дрездене. На аукционе такая штучка улетает за три тысячи фунтов.

– А где сегодня РЧП? – спрашивает Пенхалигон.

– Будущий лорд Руфус Четвинд-Питт сегодня решил пополнить запасы наркоты, – отвечает Фицсиммонс. – Какая жалость, что это не академическая дисциплина.

– Зато это надежный, защищенный от спада сектор нашей экономики, – замечаю я.

– На будущий год, – говорит Олли Куинн, сдирая наклейку с бутылки безалкогольного пива, – мы выйдем в реальный мир и начнем зарабатывать себе на жизнь.

– Вот-вот, жду не дождусь, – хмыкает Фицсиммонс, поглаживая ямку на подбородке. – Презираю бедность.

– Ага, у меня аж сердце кровью обливается. – Ричард Чизмен зажимает сигарету уголком губ, прямо как Серж Генсбур. – Твой «порше», прикид от Версаче и двадцатикомнатное родовое гнездо в Котсуолде производят на окружающих абсолютно неверное впечатление.

– Все это добыто моими предками, – возражает Фицсиммонс. – А по-честному – мне полагается мой собственный

нереально жирный куш, который можно промотать.

– Папочка все еще подбирает тебе теплое местечко в Сити? – спрашивает Чизмен и недоуменно морщит лоб, потому что Фицсиммонс начинает заботливо отряхивать его твидовый пиджак. – Чего это ты?

– Да вот, отрясаю с тебя прах застарелых обид.

– Они к нему напрочь приклеились, – говорю я. – А ты, Чизмен, не критикуй семейственность: все мои дядья, у которых, кстати, отличные связи, полностью согласны с мнением, что именно благодаря непотизму наша страна стала такой, как сейчас.

Чизмен обдает меня струей сигаретного дыма.

– Когда ты станешь сгоревшим на работе аналитиком Сити-банка и у тебя отнимут «ламборгини», а адвокат твоей третьей жены выкрутит тебе яйца и подведет под судейский молоток, ты пожалеешь о своих словах.

– Это точно, – соглашаюсь я. – А Дух Будущих Святок предвидит, что Ричард Чизмен осуществит благотворительный проект по защите беспризорников Боготы.

Чизмен обдумывает идею с беспризорниками Боготы, удовлетворенно ворчит и больше не возражает.

– Благотворительность порождает нерадивость, – изрекает он. – Нет, лучше я в журналюги подамся. Колонка здесь, повестушка там, выступления на радио и телевидении. Кстати… – Он выуживает из кармана пиджака книгу с надписью на обложке: «Криспин Херши. „Сушеные эмбри-

оны“» и наискосок ярко-красным – «СИГНАЛЬНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР». – Мне впервые заказали рецензию. Для публикации у Феликса Финча, в «Пиккадилли ревью». Двадцать пять пенсов за слово, тысяча двести слов, триста фунтов за два часа работы. Неплохо, а?

– Ну, Флит-стрит, берегись! – говорит Пенхалигон. – А кто такой Криспин Херши?

Чизмен вздыхает:

– Сын Энтони Херши.

Пенхалигон только глазами хлопает.

– Ой, да ладно тебе, Джонни! Энтони Херши, знаменитый режиссер. В шестьдесят четвертом он получил «Оскара» за «Батлшип-Хилл», а в семидесятые снял «Ганимед-пять», лучший британский фантастический фильм всех времен!

– Этот фильм лишил меня воли к жизни, – добавляет Фицсиммонс.

– А меня, кстати, впечатляет твой заказ, наш обожаемый Ричард, – говорю я. – Последний роман Криспина Херши был просто блеск. Я его подобрал в хостеле, в Ладакхе, когда после школы путешествовал по миру. А что, новый роман так же хорош?

– Почти. – Мсье Критик складывает кончики пальцев домиком, как бы сосредоточиваясь. – Херши-младший – одаренный стилист, а Феликс – то есть Феликс Финч для вас, плебеев, – и вовсе ставит его на одну ступень с Макьюэном, Рушди, Исигуро и так далее. Похвалы Феликса ма-

лость преждевременны, но еще несколько книг – и Криспин вполне созреет.

– А как продвигается твой роман, Ричард? – спрашивает Пенхалигон.

Мы с Фицсиммонсом тут же корчим друг другу рожи висельников.

– Рождается в муках. – Чизмен задумчиво взирает на свое славное литературное будущее, и эта картина ему очень нравится. – Мой герой – кембриджский студент по имени Ричард Чизмен, который пишет роман о кембриджском студенте Ричарде Чизмене, который работает над романом о кембриджском студенте Ричарде Чизмене. Такого еще никто не писал!

– Прикольно, – говорит Джонни Пенхалигон. – Это прямо как…

– Пенистая кружка мочи, – заявляю я; Чизмен буравит меня убийственным взглядом, пока я не поясняю: – Я имею в виду содержимое моего мочевого пузыря. Потрясающий замысел, Ричард! А теперь простите, я вас покину.

В мужском туалете воняет застарелой мочой, единственный писсуар забит и полон янтарной жидкости, готовой выплеснуться через край. Приходится встать в очередь, точно девчонке. Наконец из кабинки вываливается какой-то амбалистый гризли, и я занимаю освободившееся место. Начинаю уговаривать мочеиспускательный канал сработать, но

тут из соседней кабинки меня окликают.

– Привет, Хьюго Лэм! – восклицает коренастый смуглый тип с темными кудрями, в рыбацком свитере. Моя фамилия в его устах звучит как «лим», типично новозеландское произношение. Он старше меня, ему около тридцати, но я никак не могу вспомнить, откуда его знаю.

– Мы встречались, когда ты еще учился на первом курсе. «Кембриджские снайперы», помнишь? Прости, я тебя отвлекаю от дела, чем, разумеется, грубо нарушаю неписаные правила общения в мужском туалете. – Сам он мочится без рук в журчащий писсуар. – Элайджа Д'Арнок, аспирант факультета биохимии, колледж Корпус-Кристи.

В памяти что-то мелькает: ну конечно же, уникальная фамилия!

– Стрелковый клуб, да? Ты с каких-то островов к востоку от Новой Зеландии?

– Да, верно, с Чатемских островов. А тебя я запомнил, потому что ты прирожденный снайпер. Как говорится, есть еще место в гостинице.

Я наконец-то соображаю, что его интерес ко мне не носит сексуального характера, и спокойно занимаюсь своим делом.

– Боюсь, ты меня переоцениваешь.

– Да ты что, дружище! Тебе на любых соревнованиях первое место обеспечено, серьезно.

– Я слишком много внимания уделял вещам, не связанным с учебой.

Он кивает:

– Жизнь слишком коротка, чтобы все переделать, верно?

– Да, вроде того. Ну и… как тебе Кембридж?

– Потрясающе. Отличная лаборатория, замечательный научный руководитель. Ты ведь изучаешь экономику и политику? И должно быть, уже на последнем курсе?

– Да, как-то быстро время пролетело. А ты все еще стреляешь?

– Религиозно. Я теперь анахорет.

Минуточку, анахорет – это отшельник, хотя, возможно, это какой-то новозеландский или стрелковый жаргон. В Кембридже полно выражений, которые понятны только посвященным; посторонним в этом тесном кругу места нет.

– Класс, – говорю я. – А на стрельбище я действительно ездил с удовольствием.

– Никогда не поздно начать снова. Стрельба – это как молитва. А когда цивилизация прикроет лавочку окончательно, владение оружием будет цениться куда больше любых университетских степеней. Ну ладно, счастливого Рождества! – Он застегивает молнию на штанах. – До встречи.

– Ну, Олли, и где же твоя таинственная красотка? – спрашивает Пенхалигон.

Олли Куинн морщится:

– Обещала подойти к половине восьмого.

– Подумаешь, всего-то опаздывает на полтора часа, – го-

ворит Чизмен. – Это вовсе не значит, что она решила сменить тебя на какого-нибудь спортсмена с физиономией Киану Ривза, мускулатурой Кинг-Конга и моей харизмой.

– Сегодня я везу ее домой, в Лондон, – поясняет Олли. – Она живет в Гринвиче… так что непременно подойдет, с минуты на минуту…

– Колись, Олли, – не унимается Чизмен, – ведь мы же все-таки друзья. Она действительно твоя подружка или ты ее того… ну, в общем… придумал?

– Она действительно существует, – загадочно произносит Фицсиммонс.

– Да ну? – Я гневно зыркаю на Олли. – С каких это пор бандюган, усердно наставляющий рога добропорядочным мужьям, имеет преимущества перед твоим соседом по лестничной клетке?

– Абсолютно случайная встреча. – Фицсиммонс ссыпает в рот остатки жареных орешков. – Я наткнулся на Олли и его даму сердца в книжном магазине «Хефферс», в отделе драматургии.

– И, будучи новым, реформированным представителем постфеминистского общества, сколь высоко ты оценил бы королеву Несс? – спросил я у него.

– Очень даже секси. Олли, признавайся, она из эскорт-сервиса?

– Да пошел ты! – Олли ухмыляется, как слизавший сметану кот, а потом вскакивает и вопит во все горло: – Несс! Вот

уж действительно, легка на помине! Хорошо, что ты пришла!

Девушка с трудом пробирается сквозь плотную толпу студентов.

– Ох, прости, пожалуйста! – Она целует Олли в губы. – Автобуса лет восемьсот не было.

Я ее знаю, точнее, знал – в библейском смысле этого слова. Фамилии не помню, зато все остальное помню очень хорошо. Мы познакомились на вечеринке, когда я учился на первом курсе. Тогда она звалась Ванессой. Эта любительница крепких выражений училась, если память мне не изменяет, в Челтнемском женском колледже, а жила у черта на рогах, в дальнем конце Трампингтон-роуд, где вместе с какими-то девицами снимала особняк. Мы тогда откупорили бутылку «Шато Латур» семьдесят шестого года, которую она стащила у своих знакомых перед началом вечеринки. Потом, при случайных встречах в городе, мы приветливо кивали друг другу, из вежливости не делая вида, будто не знакомы. Она, конечно, ловчила, куда там Олли, но, пытаясь сообразить, чем все-таки Олли ей понравился, я вспоминаю о временном лишении прав за езду в нетрезвом виде и о тепле и уюте «астры» Олли. В любви, как и на войне, все средства хороши, но я, хотя и не святой, по крайней мере, не лицемер. Тем более что Несс, заметив меня, за пятую долю секунды заключила со мной взаимное соглашение о сердечной амнезии.

– Садись на мое место, – говорит Олли, снимая с нее пальто, как истинный джентльхрен, – а я… преклоню пред тобою

колена. Фиц, вы ведь знакомы? А это Ричард.

– Очарован. – Чизмен вяло пожимает ей пальцы. – Я – зловредный гей. Скажи-ка, ты – Несси-чудовище или Несси-чудо?

– Я совершенно очарована, – улыбается она. Я хорошо помню ее голос: прекрасно поставленный выговор с притворными просторечными интонациями. – Для друзей я просто Несс, но ты можешь звать меня Ванессой.

– А я Джонни, Джонни Пенхалигон. – Джонни, перегнувшись через стол, пожимает ей руку. – Очень рад знакомству. Олли нам столько о тебе рассказывал…

– Исключительно хорошее, – быстро добавляю я и, протягивая руку, представляюсь: —Хьюго.

Несс, не моргнув глазом, заявляет:

– Значит, Хьюго, Джонни, зловредный гей и Фиц. Кажется, всех запомнила. – Она поворачивается к Олли: – Извини, а ты-то кто?

Олли хохочет, натужно и слишком громко. Его зрачки превращаются в мультяшные сердечки, и я в энный раз пытаюсь вообразить внутренние ощущения того, кто влюблен, потому что внешне приходится корчить из себя эдакого «покорителя сисек».

– Между прочим, теперь очередь Ричарда покупать выпивку, – объявляет Фицсиммонс. – Да, Ричард? Ну что, проветришь свой бумажник?

Чизмен изображает полное непонимание:

– Разве сейчас не твоя очередь, Пенхалигон?

– Нет. Я оплатил предпоследний заказ. Но твоя попытка весьма трогательна.

– Но ты же владеешь половиной Корнуолла! – говорит Чизмен. – Ах, Несс, видела бы ты его поместье! Сады, павлины, олени, конюшни, а вдоль парадной лестницы – портреты капитанов Пенхалигонов за триста лет их владычества.

Пенхалигон фыркает:

– Вот как раз из-за треклятого поместья Тридейво нам вечно не хватает денег! Содержать его можно только себе во вред. А павлины – полные ублюдки.

– Ой, не изображай из себя Скруджа, Джонни! Коммунальный налог наверняка дает вам возможность сэкономить немалую сумму. А мне, пожалуй, придется торговать собой, чтобы набрать денег на автобусный билет в Лидс, на свою голубятню.

Чизмен – мастак придуриваться, хотя у него осталось не меньше десяти тысяч фунтов дедова наследства, но сегодня у меня нет желания его подначивать.

– Так и быть, выпивка за мой счет, – заявляю я. – Олли, раз ты собираешься вести машину, то больше не пей. Возьму-ка я тебе томатного сока с соусом табаско, для сугреву. Так, Чизмену – «Гиннесс», Фицу – кружку пенистого австралийского пойла, а тебе, Несс? Чем тебя травить?

– Выпьешь красного – и жизнь прекрасна. – Олли явно хочется подпоить подружку.

– В таком случае бокал красного в самый раз, Хьюго, – отвечает она.

Я хорошо помню ее многозначительные интонации.

– Здешнее красное можно пить только при наличии запасной глотки в сумочке. Это не «Шато Латур».

– Тогда «Арчерз» со льдом, – говорит Несс. – Береженого Бог бережет.

– Мудрый выбор. Мистер Пенхалигон, вы не поможете мне донести напитки в целости и сохранности? У барной стойки настоящая битва.

В «Погребенном епископе» жуткая давка и толкотня, неуемное пиршество юных духом и телом; «Хокинг и Далай-лама – вот кто герои дня»; короткие джинсовые юбки, рубашки из «Гэп» и «Некст», кто-то весь в белом, кардиганы как у Курта Кобейна, черные ливайсы; «Нет, ты глянь, как этот озабоченный мудак у сортира на меня уставился!»; от голоса Кирсти Маккол и *The Pogues* екает сердце, а ноги не держат вообще; «Угу, отоварился в благотворительной лавке – приобрел коросту, чесотку и вшей»; удушливое амбре – лак для волос, пот, «Акс», «Шанель № 5», табачный смог; сверкают отбеленные, ухоженные, без единой пломбы зубы в ответ на дурацкую шутку: «Слыхали, кот Шрёдингера сегодня сдох? Нет… нет, не сдох, а жив, или все-таки сдох…»; громкие дебаты о лучшем Джеймсе Бонде, о Гилморе, Уотерсе и Сиде из «Пинк Флойда»; разглагольствования о ги-

перреальности всего на свете, о стерлингово-долларовом паритете, о Сартре, о Барте Симпсоне и о «Мифологиях» Барта; «Мне двойной, дубина!»; у Джорджа Майкла стильная щетина; «После *The Smiths* музыки в принципе нет…»; а вокруг весь этот кордебалет таких высококультурных, привилегированных, интеллигентных, почти как я; их глаза, их чаяния, их карьеры сияют ярче звезд; даже в утробе они ощущают себя в полный рост – государственные мужи, вершители судеб, законодатели и банкиры, еще *in statu pupillari*[20], но уже готовы править миром; взлелеянные в лоне глобальной (или не очень) элиты, они властью на царствие помазаны и деньгами окроплены, будто медом облиты; ведь власть и деньги, как Винни-Пух и мед, неразлучны, это и ослик сразу поймет, я и сам такой же; и кстати, о лоне, слушай, ты так похожа на Деми Мур в «Привидении», ну просто заглядение… алая роза, как известно, эмблема, вот только у меня мучительная проблема: сливочного масла в запасе через край, а Несс – пышный горячий каравай…

– Хьюго, что с тобой? – с неуверенной улыбкой спрашивает Пенхалигон.

К барной стойке не протолкнуться; страждущие обступили ее в два ряда.

– Все нормально, – говорю я, повысив голос почти до крика. – Унесся мыслями на несколько световых лет отсюда. Кстати, Жаб приглашает тебя на завтрашние посиделки. По-

[20] На положении воспитуемого (*лат.*).

тусим напоследок, прежде чем разлететься по домам. Ты, я, Эузебио, Брайс Клегг, Ринти и еще пара человек. Все свои ребята.

Пенхалигон корчит недовольную гримасу:

– Я матери обещал завтра вечером быть в Тридейво…

– Так ведь я ж тебе руки не выкручиваю. Мое дело – передать приглашение. Жаб говорит, что твое присутствие облагораживает общество.

Пенхалигон с опаской обнюхивает сыр в мышеловке:

– Вот так прямо и говорит?

– Да, мол, ты придаешь солидности вечеринке. А Ринти зовет тебя «пиратом Пензанса», потому что ты всегда уходишь с добычей.

Джонни Пенхалигон улыбается:

– А ты пойдешь?

– А то! Я эту тусню ни за что на свете не пропущу.

– Ты ведь на прошлой неделе здорово влетел….

– Я никогда не трачу больше, чем могу себе позволить. «Жмоты теряют больше» – и это, между прочим, твои слова. Золотые. Девиз картежников и экономистов.

Мой партнер по развлекательно-азартному времяпрепровождению не собирается оспаривать авторство фразы, которую я только что придумал.

– Ну, в общем-то, домой можно и в воскресенье…

– Короче, я тебя не уговариваю.

– Скажу предкам, что у меня встреча с научным руково-

дителем, – задумчиво тянет Джонни.

– А это почти правда. И темы будут подходящие: прикладная теория вероятности, прикладная психология, прикладная математика… Самые что ни на есть ценные навыки и умения для бизнесмена, и твои предки их наверняка оценят при первой же игре на поле для гольфа в вашем имении. Кстати, Жаб предлагает поднять ставку до ста фунтов: симпатичная круглая цифра и изрядная порция нектара для вас, сэр, если фарт вас не покинет. Хотя пират Пензанса по определению человек фартовый.

– Ну да, я кое-что умею, – с усмешкой признает Джонни Пенхалигон.

Я тоже усмехаюсь: кое-кому завтра наверняка ощиплют перышки.

Через пятнадцать минут мы приносим заказанные напитки к нашему столику, но там нас, увы, ждет неприятность. Ричард Чизмен, восходящая звезда «Пиккадилли ревью», загнан в угол тремя готами-металлистами из кембриджской группы *Come up to the Lab*; их концерт на Кембриджском зерновом рынке месяц назад подвергся язвительной критике в студенческой газете «Варсити» – в статье за авторством Ричарда Чизмена. Басист – натуральный монстр Франкенштейна, безгубый и неуклюжий; у одной готессы глаза бешеной собаки, акулий подбородок и кастет шипастых перстней; у второй на ярко-малиновых патлах сидит котелок, будто из

«Заводного апельсина», со шляпной булавкой, украшенной огромным стразом, а глаза такие же безумные, как у первой. Судя по всему, обе наамфетаминены под завязку.

– А ты хоть что-то стоящее сделал? – Вторая готесса тычет Чизмена в грудь угольно-черным ногтем, подчеркивая важность своих слов. – Небось никогда не выступал перед реальными слушателями?

– А еще никогда не сношался с ослом, не устраивал переворотов в странах Центральной Америки и не играл в «Драконы и подземелья», – огрызается Чизмен, – но имею право высказывать свое мнение о тех, кто этим занимается. Ваше шоу – полное дерьмо, и я от своих слов не откажусь.

Вторая готесса перехватывает инициативу:

– Все скребешь своим пидорским перышком в своем пидорском блокнотике, гробишь настоящих артистов, гнида, вонючий ком подзалупного сыра!

– Ух ты, какие мы умные, а главное – оригинальные, – говорит Чизмен. – Ни разу такого оскорбления не слыхал.

– Да что ты хочешь от этого мудака, поклонника Криспина Херши? – Первая готесса выхватывает из кармана Ричарда «Сушеные эмбрионы». – Оба те еще уроды.

– Ага, а ты, наверное, книги читаешь! – Чизмен тщетно пытается отобрать у нее книгу, и мне явственно представляется, как шпыняют забитого мальчишку-гея и вытряхивают содержимое его ранца с покрытого копотью железнодорожного моста над веткой из Лидса в Брэдфорд.

Вторая готесса разрывает книгу пополам по корешку, швыряет половинки в угол. Франкенштейновский монструозный гот гулко ржет «бу-га-га!».

Олли поднимает одну половинку, Чизмен подбирает с пола вторую и окончательно выходит из себя:

– Даже в самых ужасных опусах Криспина Херши куда больше художественных достоинств, чем во всем вашем поганом бренчании! Ваша так называемая музыка – редкостное дерьмо. Она вторична и паразитична. Чем слушать, как вы дрочите, лучше сразу проткнуть барабанные перепонки шляпной булавкой.

Все бы хорошо, вот только зря он произносит последнюю фразу, ибо если показать голую задницу разъяренному единорогу, то количество возможных исходов сводится к одному-единственному. Пока я пристраиваю стаканы на столешницу, вторая готесса вытаскивает из котелка шляпную булавку и набрасывается на Мсье Критика, который картинно заваливается на стол; стол падает, стаканы летят на пол, девчонки ахают и визжат «боже мой!». Вторая готесса прыгает на падшего Чизмена и замахивается шляпной булавкой; я еле успеваю выхватить у этой дуры ее сверкающее смертоносное оружие, а Джонни, вцепившись ей в патлы, оттаскивает от Чизмена; кулак басиста мелькает в миллиметре от носа Пенхалигона; Джонни отшатывается и налетает на Олли и Несс; пронзительный визг первой готессы становится различим человеческим ухом: «А ну уберите от нее свои во-

нючие лапы!» Фицсиммонс опускается на пол, кладет голову Чизмена к себе на колени. Ричард комично хлопает глазами, как прибабахнутый мультяшный персонаж, а вот из уха у него ручейком струится кровь, что не может не беспокоить. Я внимательно осматриваю ухо: ничего страшного, мочка оцарапана, но придурочным готам об этом знать необязательно. Я встаю и гаркаю во всю глотку тоном, немедленно прекращающим всякие потасовки:

– Ну что, доигрались? Вас всех сейчас в дерьме утопят.

– Он сам напросился! – заявляет вторая готесса.

– Да, он первый начал! – поддерживает ее подружка. – Он нас спровоцировал!

– Тут полно свидетелей. – Я широким жестом обвожу толпу зевак, жаждущих продолжения скандала. – Все прекрасно видели, кто на кого первым напал. Если вы думаете, что «вербальная провокация» – это оправдание для нанесения тяжких телесных повреждений, то, должен признать, вы еще глупее, чем кажетесь на первый взгляд. Вот эта шляпная булавка… – Вторая готесса замечает кровь на острие, бледнеет и швыряет булавку на пол; спустя секунду трофей перекочевывает ко мне в карман. – Смертельно опасное оружие, использованное с преступным умыслом. И на нем твоя ДНК. За такое дают четыре года тюрьмы. Да, девочки: четыре года. А если вы повредили моему другу барабанную перепонку, то и все семь. Ну а к моменту завершения моего выступления в суде ваш срок наверняка будет именно таким: семь

лет. Итак… Или вы считаете, что я блефую?

– А ты что за хрен с бугра? – неуверенно вопрошает готбасист.

Я хохочу – зловеще, как Л. Рон Хаббард:

– Знай, юный гений, что я аспирант юридического факультета! А вот ты теперь соучастник преступления! То есть – на простом и понятном языке – тебе, мой дорогой, тоже светит приговор.

Бравада второй готессы тает на глазах.

– Но я же…

Басист хватает ее за руку и тянет за собой:

– Валим отсюда, Андреа.

– Да-да, Андреа, беги! – издевательски скалюсь я. – Скройся в толпе! Хотя нет, погодите. Вы же собственноручно расклеили по всему Кембриджу афиши с вашими рожами. Ну, тогда вам всем и впрямь капец. Вы в глубокой жопе. – Весь состав *Come up to the Lab*, сообразив, что пора сматываться, спешит к выходу. Я кричу им вслед: – До встречи в суде! Не забудьте запастись телефонными карточками – в камере предварительного заключения они вам очень даже понадобятся!

Пенхалигон поднимает стол, Олли собирает стаканы, Фицсиммонс усаживает пострадавшего на скамью, а я спрашиваю у Чизмена, сколько пальцев я держу у него перед носом. Он морщится и утирает рот:

– Отстань! Эта стерва пыталась проколоть мне ухо, а не

глаз!

Появляется страшно недовольный хозяин заведения:

– Что здесь происходит?

Я поворачиваюсь к нему:

– На нашего друга только что напали трое подвыпивших старшеклассников, и ему необходима срочная врачебная помощь. Поскольку мы – завсегдатаи вашего заведения, нам бы очень не хотелось, чтобы вас лишили лицензии, поэтому мои друзья, Ричард и Олли, объяснят в отделении скорой помощи, что несчастный случай произошел вне стен вашего паба. Но, возможно, я не совсем правильно понимаю ситуацию, и вы все же предпочли бы обратиться в полицию?

Хозяин мгновенно соображает, что к чему:

– Ну что вы, конечно нет! Очень вам признателен.

– Всегда пожалуйста. Олли, где припаркована твоя чудесная «астра»?

– На стоянке в колледже. Но Несс…

– Можно воспользоваться моей машиной, – услужливо предлагает Пенхалигон.

– Нет, Джонни, ты и так перебрал, а отец у тебя все-таки – мировой судья.

– Да, сегодня все полицейские с алкотестерами, – предупреждает хозяин.

– Значит, Олли, ты – единственный, кто вполне трезв. А если вызвать «скорую» из Адденбрукской больницы, то приедут и полицейские, и тогда…

– Начнутся вопросы, письменные заявления, всякие там «а-как-поживает-ваш-отец», – подсказал хозяин. – Да еще и в колледж сообщат.

Олли смотрит на Несс, как обиженный мальчуган, у которого отобрали конфету.

– Ты езжай, – говорит Несс. – Я бы с тобой поехала, но от вида крови меня… – Она брезгливо морщится. – А ты помоги приятелю.

– Но я же обещал отвезти тебя в Гринвич…

– Не волнуйся, я прекрасно доберусь и на поезде, не маленькая. Позвони мне в воскресенье, обсудим планы на Рождество, ладушки? Ну все, вперед.

На табло моего радиобудильника мерцают цифры 01:08. С лестницы доносятся шаги, потом звучит робкий стук в дверь. Накидываю халат, закрываю дверь в спальню, пересекаю гостиную, приотворяю входную дверь на цепочке и, щурясь, выглядываю в щелку:

– Олли?! А который час?

В тусклом свете Олли – будто картина Караваджо.

– Половина первого, наверное.

– Ни фига себе. Что с тобой, бедолага? И как там наш бородач?

– Если переживет приступ жалости к себе, то все будет хорошо. Ему влепили противостолбнячную сыворотку, а ухо великолепно заклеили пластырем. Слушай, отделение ско-

рой помощи – это просто какая-то «Ночь живых мертвецов». Я только что отвез Чизмена домой. А Несс добралась до вокзала?

– Да, конечно. Мы с Пенхалигоном проводили ее до самой стоянки такси на Драммер-стрит, ты ж понимаешь, вечер пятницы – это вечер пятницы. После вашего отъезда Фиц встретил Четвинд-Питта и Ясмину и отправился с ними в клуб. Затем, когда Несс благополучно села в такси, Пенхалигон ломанулся туда же. А я смалодушничал и ушел домой, где провел пару незабываемых часов в обществе профессора по имени И. Ф. Р. Коутс, автора восхитительной монографии «Бушономика и новый монетаризм», пока не уснул. Я бы пригласил тебя войти, но… – я зеваю во весь рот, – Буш меня совершенно доконал.

– А она не… – Олли, подумав, складывает два и два, – осталась в «Погребенном епископе»?

– И. Ф. Р. Коутс, вообще-то, мужчина. Профессор Блайтвудского колледжа, штат Нью-Йорк.

– Нет, я о Несс, – доверчиво поясняет Олли.

– Ах, о Несс! Несс торопилась в Гринвич, – с легкой обидой говорю я; Олли следовало бы знать, что я не стану переманивать его подружку. – Наверное, она успела на поезд в девять пятьдесят семь, до Кингс-Кросса. Теперь она уже дома, крепко спит и видит во сне Олли Куинна, эсквайра. Прелестная девушка, между прочим, насколько можно судить по нашему мимолетному знакомству. И по-моему, по уши в те-

бя влюблена.

– Правда? А всю последнюю неделю она… ну, не знаю… в общем, она как-то крысится. Я уж испугался, что, может, она…

Всем своим видом я изображаю непонимание. Олли растерянно умолкает.

– Да ты чего?! – говорю я. – Решил, что она тебя бросит? Ничего подобного. Если такая рафинированная любительница верховой езды западает на парня по-настоящему, то сразу же начинает изображать из себя суровую классную даму. Это только для вида. Не забывай и о более очевидной регулярной причине женских капризов: помнится, Люсиль раз в двадцать восемь дней превращалась в язвительную психопатку.

Олли заметно приободряется:

– Ну да… оно конечно…

– Вы же на Рождество увидитесь?

– Собственно, мы как раз сегодня собирались уточнить наши планы…

– Да, нашему Ричарду очень некстати потребовались добрые самаритяне. Между прочим, твои решительные действия в пабе произвели на Несс сильнейшее впечатление. Она так и сказала: сразу видно, что человек умеет вести себя в кризисной ситуации.

– Правда? Так и сказала?

– Практически слово в слово. На стоянке такси.

Олли едва не светится от счастья; будь он шести дюймов ростом и пушистый, пользовался бы огромным спросом в магазине игрушек «Тойз-ар-ас».

– Олли, дружище, прости, бога ради, но меня неумолимо манит благодатный сон.

– Извини, Хьюго, конечно. Спасибо тебе. Спокойной ночи.

Я возвращаюсь в постель, пропитанную ароматом женщины. Несс закидывает ногу мне на бедро:

– Так, значит, суровая классная дама? Вот я сейчас вышвырну тебя из кровати!

– Попробуй. – Я оглаживаю соблазнительные изгибы ее тела. – Но на рассвете тебе все-таки лучше уйти. Я же только что отправил тебя в Гринвич.

– Ну, до рассвета еще далеко. Мало ли что за это время может случиться.

Рассеянно выводя пальцем спирали вокруг ее пупка, я думаю об Иммакюле Константен. О ней я никому из наших рассказывать не стал; глупо превращать загадочную встречу в какую-то дурацкую шутку. Нет, не глупо, а преступно. Когда я впал в непонятное забытье, она наверняка вообразила… А что, собственно, она могла вообразить? Увидела, что я оцепенел, впал в своего рода сидячую кому, и ушла. А жаль.

Несс откидывает одеяло:

– Все дело в том, что такие вот Олли…

– Я рад, что все твои мысли только обо мне, – ворчу я.

– …до ужаса порядочные. Эта их порядочность сводит меня с ума.

– А разве девушки больше не мечтают о порядочных парнях?

– Мечтают, конечно. За порядочных как раз и выходят замуж. А в присутствии Олли я чувствую себя героиней постановки на бибисишном «Радио четыре» о… до ужаса серьезных порядочных молодых людях пятидесятых годов.

– Вот-вот, он говорил, что ты в последнее время на него крысишься.

– Потому что он ведет себя как щенок-переросток.

– Путь истинной любви не…

– Заткнись. Мне стыдно показываться с ним на людях. Я еще раньше решила, что в это воскресенье пошлю его куда подальше. А сегодняшний вечер поставил печать под приговором.

– Но если бедный Олли – персонаж из постановки на «Радио четыре», то кто же тогда я?

– А ты, Хьюго, – она целует меня в мочку уха, – герой низкобюджетного французского фильма, из тех, что показывают ночью по телику. Причем ведь понимаешь, что утром пожалеешь о потраченном времени, а все равно смотришь.

Во дворе колледжа кто-то насвистывает полузабытую мелодию.

20 декабря

– Ах, гляньте, малиновка! – Мама указывает за окно веранды, в заиндевевший сад. – Вон, на черенке лопаты.

– Вот красота-то, будто рождественская открытка, – говорит Найджел.

Папа жует брокколи:

– А что моя лопата там делает? Ей место в сарае.

– Это я виноват, – каюсь я. – Набрал угля в ведро, а лопату забыл вернуть на место. Сейчас уберу, только поставлю подогреться Алексову порцию: жаркие сплетни и горячая любовь еще не означают, что человек должен есть обед холодным. – Беру тарелку старшего брата, отношу к нашей новой дровяной плите и ставлю в духовку, накрыв крышкой от кастрюли. – Ничего себе! В такую духовку можно ведьму целиком засунуть.

– Если бы эта духовка была на колесах, – встревает Найджел, – то ее назвали бы «остин метро».

– Та еще колымага, – усмехается папа, который обожает плохие автомобили.

– Какая жалость, что вы с тетей Элен не увидитесь на Новый год, – говорит мне мама.

– Увы и ах. – Я усаживаюсь за стол и принимаюсь за еду. – Передай ей от меня привет.

– Вот-вот, – встревает Найджел. – Можно подумать, ты

страшно жалеешь, что вместо того, чтобы торчать в дурацком Ричмонде, будешь кататься на лыжах в Швейцарии! Ты вообще мегасчастливчик, Хьюго.

– Сколько раз я тебе говорил, – вмешивается папа. – Самое главное не…

– …что ты знаешь, а кого ты знаешь, – подхватывает Найджел. – Девять тысяч шестьсот восемь раз, папа. Включая этот.

– Поэтому важно получить диплом приличного университета, – продолжает папа. – Чтобы в будущем общаться с большими людьми, а не со всякой шушерой.

– Кстати, чуть не забыла, – вступает мама. – Джулия опять облекла себя славой: выиграла грант и поедет в Монреаль на курсы о правах человека.

Я весьма неравнодушен к кузине Джулии, и упоминание о том, что она, гм, чем-то там себя облекла, имеет для меня ярко выраженный байронический подтекст.

– Джулия явно пошла в вашу породу, Элис, – замечает папа, кисло намекая на отца Джулии, моего бывшего дядю Майкла, который десять лет назад развелся с ее матерью из-за любовницы-секретарши и внебрачного ребенка. – А что там Джейсон изучает?

– Что-то психолингвистическое, – говорит мама, – в Ланкастере.

Папа недоуменно морщит лоб:

– Нет, мне почему-то кажется, что он как-то связан с ле-

соводством.

– Он в детстве хотел стать лесником, – припоминаю я.

– А теперь решил, что будет логопедом, – поясняет мама.

– Б-будет з-заик л-лечить, – хихикает Найджел.

Я посыпаю тыквенное пюре свежесмолотым черным перцем:

– Что-то ты, Найдж, никак не повзрослеешь и не поумнеешь. Сам посуди, заика, лечащий от заикания, – наивысший уровень профессионализма.

Чтобы не соглашаться вслух, Найджел корчит сокрушенную рожицу, мол, типа того.

Мама делает глоток вина:

– Божественный напиток, Хьюго!

– Очень точное определение для «Монтраше» урожая семьдесят восьмого года, – соглашается папа. – Но тебе, Хьюго, не следует транжирить свои деньги.

– Во-первых, папа, у меня четкий бюджет. А во-вторых, не забывай, что я подрабатываю в адвокатской конторе – какой-никакой, а доход. И потом, вы столько для меня сделали, что я просто обязан время от времени угощать вас приличным вином.

– Но нам не хотелось бы, чтобы ты из-за нас сидел на бобах… – говорит мама.

– …или чтобы из-за необходимости подрабатывать пострадали твои занятия, – добавляет папа.

– Так что дай нам знать, если у тебя вдруг будет туго с

деньгами, – просит мама. – Обещаешь?

– Хорошо, если когда-нибудь что-то подобное случится, я непременно приду к вам с протянутой рукой. Обещаю.

– И у меня туго с деньгами, – с тайной надеждой говорит Найджел.

– Но ты ведь живешь дома, а не в страшном и ужасном внешнем мире. – Папа хмуро смотрит на часы. – Кстати, родители фройляйн нашего Алекса знают о том, что она названивает в Англию? Средь бела дня, между прочим.

– Они же немцы, пап, – говорит Найджел. – У них увесистые кошельки, полные дойчмарок.

– Тебе легко говорить, но объединение дорого обойдется Германии. Мои франкфуртские клиенты очень нервничают из-за падения Берлинской стены.

Мама разрезает печеную картофелину.

– Хьюго, тебе Алекс рассказывал об этой Сюзанне?

– Ни слова. – Ножом и вилкой я аккуратно отделяю филе форели от костей. – Видишь ли, существует такая штука, как братское соперничество.

– Но ведь вы с Алексом сейчас лучшие друзья!

– Ага, – говорит Найджел, – до тех пор, пока не прозвучат роковые слова: «А не сыграть ли нам в „Монополию“?»

– Ах, по-твоему, я виноват, что никогда не проигрываю? – оскорбленно осведомляюсь я.

– То, что никто не может поймать тебя на жульничестве… – фыркает Найджел.

– Родители, вы слышите этот оскорбительный, беспочвенный клеветнический наезд?

– …еще не означает, что ты не мухлюешь. – Найджел укоризненно взмахивает столовым ножом. Этой осенью мой младший братишка расстался с невинностью и сменил шахматные журналы и приставку «Атари» на *The KLF* и туалетные принадлежности. – Между прочим, благодаря моим блестящим дедуктивным способностям мне известны целых три вещи об этой Сюзанне. Раз она находит Алекса привлекательным, то она, во-первых, слепа, как летучая мышь, во-вторых, привыкла иметь дело с малышней и, в-третьих, у нее напрочь отсутствует обоняние.

Тут как раз появляется Алекс:

– У кого это напрочь отсутствует обоняние?

– Принеси-ка старшему брату его обед, – велю я Найджелу, – иначе я прямо сейчас тебя заложу, и тогда уж ты точно получишь по заслугам.

Найджел без возражений подчиняется.

– Ну, как там Сюзанна? – спрашивает мама. – В Гамбурге все в порядке?

– Да, все прекрасно.

Алекс усаживается за стол. Мой брат не любит разбрасываться словами.

– Помнится, она изучает фармакологию, – не унимается мама.

Алекс накалывает на вилку мозгоподобный кусок цветной

капусты.

– Угу.

– И когда же ты нас с ней познакомишь?

– Трудно сказать, – говорит Алекс, и я вспоминаю о тщетных надеждах бедняжки Марианджелы.

Найджел ставит перед старшим братом тарелку с его порцией.

– Никак не могу привыкнуть к тому, как сократились расстояния, – вздыхает папа. – Подружка в Германии, катание на лыжах в Альпах, курсы в Монреале – все это стало нормой. Когда я впервые покинул Англию и поехал в Рим – мне было примерно столько же, сколько сейчас тебе, Хьюго, – никто из моих приятелей так далеко от дома никогда не уезжал. А мы с другом сели на паром в Дувре, приплыли в Кале, оттуда автостопом добрались до Марселя, а потом через Турин – до Рима. На это ушло шесть дней. И нам обоим казалось, что мы уехали на край света.

– Пап, а у вашей почтовой кареты в дороге колеса не отваливались? – спрашивает Найджел.

– Очень смешно! Во второй раз я побывал в Риме только два года назад, когда наши нью-йоркские боссы решили провести там годовое собрание европейских акционеров. Мы летели на частном самолете, прибыли к обеду, провели заседание и пару встреч, до полуночи обхаживали клиентов, а на следующий день вернулись в Лондон, как раз к…

В гостиной звонит телефон.

– Это кого-то из вас, мальчики, – говорит мама.

Найджел стрелой летит по коридору в гостиную; форель на моей тарелке разочарованно взирает в небеса. Через минуту Найджел возвращается:

– Хьюго, это тебя. Какая-то Диана. То ли Сфинктер, то ли Спринтер, то ли Спенсер, я не расслышал. Приглашает тебя во дворец, пока ее муж совершает поездку по странам Содружества… Ей какую-то тантру вроде бы надо прочистить… в общем, сказала, что ты поймешь.

– Есть такая операция, братишка, которая навсегда исцеляет от навязчивых мыслей, – говорю я. – Ветеринары ее запросто делают и, кстати, недорого берут.

– И все-таки кто звонил, Найджел? – строго спрашивает мама. – Говори, пока не забыл.

– Миссис Первис из «Риверсайда». Просила передать Хьюго, что бригадный генерал сегодня чувствует себя гораздо лучше, так что если Хьюго хочет его навестить, то добро пожаловать от трех до пяти.

– Отлично. Пап, ты обойдешься без меня?

– Ступай, ступай. Мы с мамой очень гордимся тем, что ты не забываешь о генерале. Правда, Элис?

– Да-да, – соглашается мама.

– Спасибо. – Я смущенно пожимаю плечами. – Бригадный генерал Филби мне очень помог, когда мы в Даличском колледже изучали обществоведение. Он мне столько всего рассказывал! Уж такую-то малость я теперь могу для него сде-

лать.

– О господи! – стонет Найджел. – Я угодил в эпизод сериала «Маленький домик в прериях» и там увяз.

– Не волнуйся, я тебя вызволю, – говорит папа. – Пока Хьюго навещает бригадного генерала, съездишь со мной за елкой.

Найджел в ужасе смотрит на него:

– Но мы с Джаспером Фарли собирались сегодня на Тотнэм-Корт-роуд!

– Зачем? – Алекс подносит ко рту полную вилку. – Таскаться по магазинам и пускать слюни, любуясь аппаратурой и синтезаторами, которых вы не в состоянии приобрести?

Во дворе раздается грохот. Краем глаза я замечаю какой-то черный промельк. По плитам катится опрокинутый цветочный горшок, лопата падает, а черный промельк превращается в кошку с малиновкой в зубах. Птичьи крылья слабо трепещут.

– Ох, – вздрагивает мама. – Какой ужас! И что теперь делать? А мерзкая кошка страшно довольна собой…

– Естественный отбор в действии, – спокойно сообщает Алекс.

– Может, опустить жалюзи? – спрашивает Найджел.

– Природа сама во всем разберется, дорогая, – говорит папа.

Я встаю, выхожу в сад через заднюю дверь. Морозный воздух обжигает лицо. «Брысь!» – кричу я кошке. Черная хищ-

ница вспрыгивает на крышу сарая. Следит за мной. Помахивает хвостом. Изувеченная малиновка дрожит в пасти.

В небе гудит самолет.

Хрустит ветка. Я полон жизни.

– По мнению моего мужа, – изрекает сестра Первис, шествуя по моющейся ковровой дорожке к библиотеке дома для престарелых «Риверсайд», – все молодые люди в наши дни либо попрошайки на социалке, либо голубые, либо тупые бодрячки, как из фильма «Все в порядке, Джек». – Хвойный запах дезинфектанта щекочет ноздри. – Но пока в английских семьях растут такие прекрасные юноши, как вы, Хьюго, я лично убеждена, что в обозримом будущем полное варварство нам не грозит.

– Сестра Первис, от ваших похвал мое самомнение в дверь не проходит.

Мы сворачиваем за угол и натыкаемся на одну из обитательниц «Риверсайда». Вцепившись в поручень вдоль стены, она напряженно глядит в сад, будто что-то там забыла. С нижней губы на мятно-зеленый кардиган тянется нитка липкой слюны.

– Все на должном уровне, миссис Болито, – говорит медсестра, выхватывая из рукава чистую салфетку. – Мы ведь за этим следим, правда? – Она ловко удаляет слюнный сталактит и выбрасывает салфетку в мусорное ведро. – Миссис Болито, вы же помните Хьюго? Юного друга нашего бригад-

ного генерала?

Миссис Болито поворачивает голову, и мне тут же вспоминаются глаза форели на тарелке.

– Рад видеть вас в добром здравии, миссис Болито, – говорю я.

– Поздоровайтесь с Хьюго, миссис Болито. Хьюго – наш гость.

Миссис Болито переводит взгляд с меня на сестру Первис и тоненько хнычет.

– В чем дело? По телевизору показывают «Пиф-паф, ой-ой-ой». Про летающую машину. Пойдемте-ка, миссис Болито, вместе и посмотрим.

Со стены за нами наблюдает лисья голова, едва заметно улыбаясь.

– Подождите меня здесь, я провожу Хьюго в библиотеку, – говорит сестра Первис миссис Болито. – А потом мы с вами вместе пойдем в гостиную.

Я желаю миссис Болито счастливого Рождества, но в ее случае на это рассчитывать бесполезно.

– У нее четверо сыновей, – говорит сестра Первис, – все живут в Лондоне, но никогда ее не навещают. Можно подумать, старость – это преступление, а не финишная черта, к которой мы все неизбежно придем.

Меня так и подмывает объяснить, что стратегия, выработанная нашей культурой для психологической адаптации к смерти, заключается в стремлении похоронить эту самую

смерть под культом потребления и неясным обещанием сансары, а все «Риверсайды» мира служат лишь ширмой, способствующей подобному самообману; старики действительно виновны, ибо своим существованием доказывают, что наше сознательно близорукое отношение к смерти и есть самообман.

Нет, пожалуй, не стоит вносить излишние коррективы в мнение сестры Первис обо мне. У дверей библиотеки моя провожатая говорит *sotto voce*[21]:

– Разумеется, вы не обидитесь, если бригадный генерал вас не узнает.

– Ну что вы! Конечно нет. Он по-прежнему волнуется о марках?

– Да, время от времени. А, вот и Марианджела! Марианджела!

Марианджела с кипой аккуратно сложенного постельного белья подходит к нам:

– Юго! Сестра Первис говорила, что ты сегодня придешь. Как твой Нор-витч?

– Хьюго учится в Кембридже, Марианджела! – возмущенно поправляет ее сестра Первис. – В Кембридже, а не в Норидже. Это большая разница!

– Пардон, Юго. – Лукавые бразильские глаза Марианджелы пробуждают во мне не только надежды. – Я еще плохо знаю географию Англии.

---

[21] Здесь: тихо, вполголоса (*ит.*).

– Марианджела, принесите, пожалуйста, в библиотеку кофе для Хьюго и бригадного генерала. Мне надо вернуться к миссис Болито.

– Конечно. Всегда рада вас видеть, сестра Первис.

– Не забудьте попрощаться перед уходом, – говорит миссис Первис и удаляется.

– И как под ее началом работается? – спрашиваю я Марианджелу.

– На нашем континенте привыкли к диктаторам.

– Она по ночам спит или подзаряжается от сети?

– Она не такой уж плохой босс, если с ней всегда соглашаться. На нее можно положиться. И она всегда говорит то, что думает.

Марианджела обидчива, но ее обиды никогда не переходят в агрессивную злобу.

– Не сердись, мой ангел, нам просто нужно было отдохнуть друг от друга.

– Восемь недель, Юго! Два письма, два звонка, два сообщения на моем автоответчике. Мне нужен контакт, а не отдохнуть друг от друга. – Похоже, сейчас она не столько обижена, сколько уязвлена. – Ты совсем не знаешь, что мне нужно.

«Скажи ей, что все кончено», – настаивает Хьюго Разумник, но Хьюго Распутник обожает женщин в форменной одежде.

– Ты права, я действительно этого не знаю. Ни о тебе, Ма-

рианджела, ни о любой другой женщине. Я даже не знаю, что нужно мне самому. До тебя у меня были две или три подружки – но ты… ты совсем другая. К концу прошлого лета мой внутренний взор словно бы переключился на телевизионный канал, где сутки напролет показывали только Марианджелу Пинто-Перейра. Я чуть с ума не сошел. Единственным способом как-то восстановить душевное равновесие была временная разлука с тобой. Часто я почти готов был позвонить… но… видишь ли, ангел мой, все это по неопытности, а не со зла. – Я открываю дверь в библиотеку. – Спасибо тебе за все. За великолепные воспоминания. Прости, что был недостаточно чуток. Прости, что причинил тебе боль.

Она придерживает дверь ногой. Вся такая обиженная, пылкая.

– Сестра Первис просит принести кофе тебе и бригадному генералу. Черный и одна ложка сахара?

– Да, пожалуйста. Но только без всякого амазонского вуду, от которого яйца усыхают, ладно?

– Острый нож надежнее вуду, – огрызается она. – В кофе молоко или сливки, как ты пьешь в своем Камбриже?

– От кофе с молоком у меня сыпь.

– Значит, если… если… я найду настоящий бразильский кофе, ты будешь пить?

– Марианджела, – вздыхаю я. – Если хоть раз попробуешь что-то настоящее, то понимаешь, что все остальное – дешевая подделка.

– Почти закончили, генерал, – говорю я старику, переворачивая страницу. – «Но для меня в этом видении моей юности – весь Восток. Он открылся мне в то мгновение, когда я – юноша – впервые взглянул на него. Я пришел к нему после битвы с морем – и я был молод, и я видел, что он глядит на меня. И это все, что у меня осталось! Только мгновение; миг напряжения, романтики, очарования – юности!.. Дрожь солнечного света на незнакомом берегу, время, чтобы вспомнить, вздохнуть и… прощай! Ночь… прощай…»

Я прихлебываю остывший кофе; бригадный генерал Филби так и не прикоснулся к своей чашке. Пять лет назад этот умнейший человек был полон жизни, а теперь бесформенной грудой горбится в инвалидном кресле. Тогда, в 1986 году, семидесятилетний генерал вел себя так, будто ему пятьдесят; он жил в роскошном особняке в Кью со своей преданной вдóвой сестрой, миссис Хаттер. Когда генерал сломал ногу, директор нашей школы, его старый приятель, отправил меня выкашивать генеральский газон, но генерал Филби разглядел во мне родственную душу, и вместо того, чтобы корпеть над основами обществоведения, мы с ним играли в покер, криббедж и блек-джек. И потом, уже после того, как его нога срослась, я заходил к нему почти каждый четверг. Миссис Хаттер усиленно меня подкармливала, а потом мы усаживались за карточный стол и генерал наставлял меня в таких тонкостях искусства соблазнения госпожи Удачи, о ко-

торых не ведал даже Жаб. Некогда отчаянный ловелас, генерал Филби по-прежнему любил щегольски одеваться, увлекался филателией и лингвистикой, а еще был превосходным рассказчиком. За рюмкой портвейна он мог часами рассказывать о своей службе в Особом лодочном отделении Британской армии в Норвегии в годы Второй мировой и во время Корейской войны. Он посоветовал мне прочесть Конрада и Чехова и научил, как получить фальшивый паспорт, отыскав среди кладбищенских надгробий подходящее имя и написав запрос в Сомерсет-Хаус о выдаче копии свидетельства о рождении. Такая уловка была мне уже известна, но говорить об этом я не стал.

Сейчас бригадный генерал Филби почти не шевелится. Голова его время от времени покачивается из стороны в сторону, как у Стиви Уандера за роялем; в складки пиджака набивается перхоть. Генерала бреет и стрижет медбрат, весьма халатно относящийся к своему поручению; вдобавок старик страдает недержанием мочи и не обходится без урологического подгузника. Время от времени с уст бригадного генерала срываются невнятные слова, но со мной он практически не разговаривает. Я понятия не имею, доставляет ли ему «Юность» Конрада такое же удовольствие, как и прежде, или ему мучительно напоминание о былых счастливых днях. Возможно, он даже не воспринимает чужие речи и не узнает меня.

Как бы то ни было, Марианджела утверждает, что, когда

имеешь дело со старческой деменцией, следует вести себя так, словно человек, которого ты раньше знал, все еще скрыт в развалинах одряхлевшего тела. Тогда если выяснится, что его там нет, то ничего страшного, страдалец все-таки получает должный уход; но если тот, прежний, человек еще существует где-то под завалами, то ты для него – спасательный трос, страховочный канат.

– Ну вот, мы добрались до последней страницы, – говорю я. – «Что же чудесней – море, само море, или, может быть, юность? Кто знает? Но вы – все вы получили кое-что от жизни: деньги, любовь – то, что можно получить на суше… скажите же мне: не лучшее ли то было время, когда мы были молоды и скитались по морям… Были молоды и ничего не имели, а море не дает ничего, кроме жестоких ударов, и нет-нет да предоставит вам случай почувствовать вашу силу… только это и дает оно вам, о ней-то все вы и сожалеете».

В горле бригадного генерала что-то трепещет.

Вздох? Или просто воздух дрожит в голосовых связках?

В просвет между деревьями в дальнем конце сада виднеется серебро и пушечная бронза Темзы.

Слева направо по реке проносится лодка с пятью гребцами. Исчезает в мгновение ока.

Садовник в кепке собирает граблями палую листву.

В меркнущем свете дня звучит последний абзац:

– «И все мы кивнули ему – финансист, бухгалтер, адвокат, – все мы кивнули ему через стол, который, словно непо-

движная полоса темной воды, отражал наши лица, изборожденные морщинами, лица, отмеченные печатью труда, разочарований, успеха, любви; отражал наши усталые глаза; они глядят пристально, они глядят тревожно, они всматриваются во что-то за пределами жизни – в то, что прошло и чего все еще ждешь, – прошло невидимое, во вздохе, вспышке – вместе с юностью, силой, романтикой грез…»

Я захлопываю книгу, включаю лампу. На моих часах четверть пятого. Я встаю, задергиваю шторы.

– Что ж, сэр, – говорю я, будто обращаюсь к пустой комнате. – Пожалуй, не стоит вас чрезмерно утомлять…

Неожиданно лицо бригадного генерала напрягается, оживает, он открывает рот и, невнятно выговаривая слова из-за перенесенного инсульта, глухим, призрачным голосом произносит:

– Мои… чертовы… марки…

– Генерал Филби… это Хьюго, сэр. Хьюго Лэм.

Трясущейся рукой он пытается схватить меня за рукав:

– Полиция…

– Какие марки, генерал? О чем вы?

– Целое… состояние…

Глаза смотрят осмысленно, и на миг мне кажется, что генерал вот-вот бросит обвинение похитителю, но этот миг пролетает. По коридору катят скрипучую тележку. Знакомое выражение исчезает с генеральского лица, и я остаюсь наедине с настенными часами, с полками роскошных книг, кото-

рых никто не читает, и с ясным пониманием того, что, как бы я ни прожил свою жизнь, сколько бы власти, богатства, опыта, знаний или красоты ни выпало на мою долю, свое существование я закончу так же, как этот несчастный старик. Глядя на бригадного генерала Реджинальда Филби, я как будто смотрю в телескоп, устремленный в будущее, и вижу самого себя.

Раскачивается Марианджелин «ловец снов», случайно задетый мною; в буйных кудрях любовницы прячется крестик. Беру Сына Божьего в рот, представляю, как Он растворяется на языке. Секс, возможно, и является противоядием от смерти, но вечную жизнь обеспечивает только биологическим видам, а не отдельным их представителям. В CD-плеере Элла Фицджеральд снова, бурной ночью в Берлине тридцать лет назад, забывает слова из баллады о Мэкки-Ноже. Где-то под нами грохочет поезд – линия «Дистрикт» лондонской подземки. Марианджела целует мне предплечье, потом вдруг кусает, изо всех сил.

– Ой! – обиженно вскрикиваю я, наслаждаясь болью. – Это что, по-португальски означает: «У меня земля ушла из-под ног, мой господин и повелитель. А хорошо ли было тебе?»

– По-португальски это означает: «Я тебя ненавижу, врун, обманщик, чудовище, псих, извращенец, и чтоб тебе вечно гнить в аду, сукин ты сын!»

Мой погребенный епископ восстает из гроба; мы хохочем, предвкушая миг наслаждения, но от смеха мне не удается его продлить. Аккуратно снимаю презерватив, чтобы клейкое содержимое не запятнало лиловые простыни Марианджелы, и облекаю его в саван бумажной салфетки. Безумный угар совокупления всегда завершается сущим фарсом. Марианджела поворачивается лицом ко мне, а я размышляю, почему женщины дурнеют, когда их лишают покровов, обнажают и используют по назначению. Марианджела садится, отпивает воду из стакана, охраняемого статуэткой Христа Искупителя.

– Хочешь? – Она подносит стакан мне к губам, прижимает мою руку к своей груди; сердце Марианджелы выстукивает: «Люблю, люблю, люблю, люблю, люблю».

Ах, ну почему я не послушал Хьюго Разумника…

– Юго, когда я познакомлюсь с твоей семьей?

Я натягиваю трусы. Хорошо бы принять душ, но автомобильный салон «Астон-Мартин» скоро закроется, так что надо поторапливаться.

– А зачем тебе знакомиться с моей семьей?

– Я просто хочу. Мы встречаемся шесть месяцев. Двадцать первого июня ты сюда пришел, а завтра двадцать первое декабря.

Господи, это какой-то счетчик памятных дат!

– Лучше давай сходим с тобой в ресторан, ангел мой, по-

ужинаем, отметим знаменательную дату и не будем впутывать в это мою семью. Договорились?

– Я хочу познакомиться с твоими родителями, с твоими братьями…

Ну да… «Мама, папа, Найджел, Алекс, знакомьтесь – Марианджела. Она родом из захолустного пригорода Рио, работает сиделкой в доме для престарелых „Риверсайд“, где всякий раз, навещая бригадного генерала Филби, я ее трахаю. А что у нас сегодня на ужин?» Я вытаскиваю свою майку из-под кровати.

– Честно говоря, я не вожу домой подружек.

– Значит, я буду первой. Это очень приятно.

– Мне очень не хочется… – так, джинсы, молния, ремень, – чтобы некоторые сферы моей жизни пересекались.

– Я твоя девушка, а не какая-то сфера. Ты что, меня стесняешься?

Какая очаровательная попытка эмоционального шантажа.

– Ты же знаешь, что нет.

Рассудок подсказывает Марианджеле, что эту тему следует оставить в покое, но сердцу не прикажешь.

– Значит, ты стесняешься своих родных?

– Не больше, чем обычный средний сын из троих имеющихся.

– А… ты стесняешься, что я на пять лет тебя старше?

– Тебе всего двадцать шесть. До старости далеко.

– А может… я недостаточно белая для твоих родителей?

Я застегиваю пуговицы на рубашке из коллекции Пола Смита.

– Это вообще не имеет значения.

– Тогда почему я не могу познакомиться с родными моего бойфренда?

Один носок, второй…

– Ну, наши отношения… не на той стадии.

– Фигня, Юго! Отношения – не только обладать другим телом. Когда ты в своем Кембридже пьешь гадкий кофе с белыми аспирантками, я тут не жду твоих звонков или писем. Да-да, не жду. Один врач-консультант из частной клиники приглашает меня на свидание, в самый модный японский ресторан Мэйфера. Мои подруги говорят: «Ты сумасшедшая! Соглашайся!», но я не соглашаюсь – из-за тебя.

Меня смешит ее дилетантский подход, и я с трудом сдерживаю улыбку.

– Зачем я тебе? Для секса на каникулах?

Так. Моя куртка у двери, ковбойские сапоги там же; а Марианджела голая, как снеговик, и совершенно безоружная.

– Ты мой друг, Марианджела. Мой самый близкий друг. Хочу ли я познакомить тебя с родителями? Нет. Хочу ли я жить вместе с тобой? Нет. Хочу ли я вместе с тобой строить планы на будущее, складывать свежевыстиранное белье, завести кошку? Нет.

Под окнами грохочет очередной поезд подземки, и, как по заказу, разыгрывается душераздирающая сцена – древняя,

как гоминиды и их слезные протоки. Такое происходит повсеместно и постоянно, по всей планете Земля, на всех континентах, во всех странах, на всех языках. Марианджела утирает глаза, отворачивается, и все Олли Куинны мира тут же упали бы на колени, обещая все-все исправить. А я молча надеваю куртку и сапоги. Потоки слез тут же высыхают.

– Ты уходишь? Прямо сейчас?

– Если это действительно наше с тобой последнее свидание, ангел мой, то ни к чему продлевать агонию.

От обиды до ненависти – пять секунд.

– *Sai da minha frente! Vai pra puta que pariu!*[22]

Замечательно. Если девушка тебя ненавидит, порвать с ней гораздо проще. Переступая через порог, я говорю:

– Если твой врач-консультант захочет узнать, как обращаться с Марианджелой Пинто-Перейра, передай ему, что я готов поделиться с ним ценными наблюдениями.

Убийственно мрачный взгляд, стремительное движение сильной руки, промельк великолепной бразильской груди – и в меня со скоростью метеора летит Христос Искупитель, вращаясь, как пущенный из пращи камень; меня спасла какая-то доля секунды – статуэтка, врезавшись в захлопнутую дверь, превращается в тысячу гипсовых градин.

К шести часам смеркается, вот-вот пойдет снег. Я надеваю вязаную шапку из шерсти опоссума. В зажиточных кварта-

[22] Здесь: Пошел вон! Убирайся к чертовой матери! (*порт.*)

лах Ричмонда все спокойно. Обыватели, достойные представители среднего класса, задергивают шторы на окнах особняков, уставленных книжными шкафами, увешанных картинами и освещенных гирляндами рождественских елок. Я сворачиваю на Ред-Лайон-стрит. Девица в приемной автосалона «Астон-Мартин» обладает такими же соблазнительными формами, как представленные здесь автомобили, но вот лицо у нее – один в один инопланетянин из одноименного фильма. Она воркует по телефону, а я неторопливо прохожу мимо, коротко киваю – мол, твой босс меня ждет, – пересекаю салон и оказываюсь у распахнутой двери с табличкой: «ВИНСЕНТ КОСТЕЛЛО. ОТДЕЛ ПРОДАЖ». Обитатель кабинета, мужчина лет тридцати с налаченной прической «маллет» и в костюме средней паршивости из местного универмага, неумело заворачивает в подарочную бумагу громадную коробку с игрушечным автодромом «Скейлекстрик».

– Здравствуйте, – произносит он. – Чем могу помочь?

Восточнолондонский выговор, интонации рубахи-парня; на письменном столе фотография – он с мальчуганом, без мамочки и без обручального кольца.

– Вы – Винсент Костелло?

– Да. Как на двери написано.

– Мне хотелось бы узнать, какова продажная стоимость автомобиля «астон-мартин-кода». Но прежде… – Я выразительно гляжу на полузавернутую коробку. – Позвольте мне

помочь вам.

– Нет, нет, что вы! Все в порядке. Я и сам справлюсь.

– Да, у меня все в порядке, а вот у вас – не очень. Так что все-таки давайте я вам помогу.

– Ох, спасибо. Это для моего пятилетнего сынишки.

– Он увлекается «Формулой-один»?

– Просто помешан на всем, у чего есть двигатель, – на автомобилях, мотоциклах и тому подобном. Обычно подарки заворачивает его мать, но сегодня… – Кончик клейкой ленты отрывается вместе с длинной полоской оберточной бумаги, и Костелло бормочет под нос «да б…», на ходу превращая ругательство в «да бога ради!».

– Коробки лучше оборачивать по диагонали. – Предотвращая возражения, я отстраняю его и берусь за дело сам. – Нужно заранее нарезать кусочки клейкой ленты, аккуратно сложить бумагу и… – Через несколько секунд на письменном столе красуется идеально завернутая подарочная коробка. – Готово.

Винсент Костелло с уважением смотрит на меня:

– Где это вы так здорово научились?

– У моей тетушки сеть сувенирных магазинчиков для состоятельных клиентов. И блудный племянник ей иногда помогает.

– Повезло вашей тетушке! Итак, вас интересует «астон-мартин-кода»?

– Да, шестьдесят девятого года выпуска. Сто десять тысяч

миль пробега по счетчику, единственный владелец, человек весьма осмотрительный.

– Чрезвычайно маленький пробег для такой винтажной модели. – Костелло достает из ящика письменного стола лист бумаги, сплошь покрытый цифрами. – А можно узнать, кто этот осмотрительный водитель? Потому что вы-то явно не сидели за рулем в шестьдесят девятом году.

– Нет, конечно же, речь не обо мне. Автомобиль достался моему приятелю в наследство от отца. Меня, между прочим, зовут Хьюго, Хьюго Лэм. А мой приятель из пензанских Пенхалигонов. – (Мы обмениваемся рукопожатием.) – После смерти отца ему пришлось выплатить огромный налог на наследство, а вдобавок оказалось, что финансовое положение семьи в плачевном состоянии.

Винсент Костелло сочувственно морщится:

– Да, представляю себе.

– Мать моего друга – женщина очаровательная, но в финансах абсолютно ничего не смыслит. И в довершение всех неприятностей их адвокат, он же консультант по финансовым вопросам, только что попался на мошенничестве.

– Господи, да это просто какая-то череда несчастий!

– Вот именно. Я пообещал Джонни узнать, сколько можно получить за «астон-мартин» в столичном автосалоне – сам я из этих краев, родители живут на Чизлхерст-роуд. Подозреваю, что в торговле винтажными автомобилями ковбоев куда больше, чем честных шерифов; кроме того, заключить

подобную сделку в лондонском автосалоне, вот как у вас, например, наверняка выгоднее, чем в Девоншире или Корнуолле.

– Верно рассуждаете, Хьюго. Но позвольте, я сверюсь с текущими ценами… – Костелло открывает папку. – А ваш отец, случайно, не наш клиент?

– Папа сейчас обожает «бэ-эм-вэ», но, вполне возможно, вскоре созреет для чего-нибудь пошикарнее. В конце концов, сегодня «бумер» есть почти у каждого. Я обязательно скажу отцу, как вы мне помогли.

– Спасибо, буду обязан. Значит, так, Хьюго. Передайте вашему другу, что ориентировочная цена автомобиля «астон-мартин-кода» шестьдесят девятого года выпуска с сотней тысяч миль пробега и в пристойном состоянии… – Винсент Костелло проводит пальцем по столбцу цифр… – примерно двадцать две тысячи. Разумеется, на лондонском рынке цена несколько выше. У меня есть на примете коллекционер, из арабов, так вот, он готов заплатить и больше, особенно если машина действительно в хорошем состоянии, и при желании я мог бы вытянуть из него тысяч двадцать пять. При условии, что машину осмотрит наш механик, а мистер Пенхалигон лично предоставит все необходимые документы.

– Естественно. Мы хотим, чтобы все было чисто и по закону.

– В таком случае вот моя карточка – я буду ждать его звонка.

– Отлично. – Я прячу карточку в бумажник из змеиной кожи, и мы обмениваемся прощальным рукопожатием. – Счастливого Рождества, мистер Костелло!

23 декабря

Под звон дверного колокольчика вхожу в «Филателию Бернарда Крибеля» на улочке Сесил-Корт близ Чаринг-Кросс-роуд, и меня обволакивает аромат трубочного табака. В центре узкого длинного зала высится стойка с марками средней стоимости. Более дорогие экземпляры покоятся в запертых витринах у стен. Я разматываю шарф, но старая школьная сумка остается висеть на груди. По радио звучит второй акт «Дон Жуана». Бернард Крибель, в костюме зеленого твида и с темно-синим шейным платком, косится на меня поверх клиента у письменного стола, дабы удостовериться в моих намерениях; я всем своим видом показываю, что готов подождать, и тактично держусь на расстоянии, рассматривая безупречные негашеные экземпляры «Черного пенни» в специальной витрине с постоянно поддерживаемым уровнем влажности. Вскоре становится ясно, что крибелевского клиента ждет большое разочарование.

– Что вы имеете в виду? – возмущается он. – Как это – фальшивая?

– Возраст этого экземпляра не сто лет, а от силы сто дней. – Хозяин магазина снимает очки в тонкой оправе и трет слезящиеся глаза.

Клиент жестикулирует, как комедийный итальянец:

– Но здесь же выцветшие краски! Пожелтевшая бумага!

Эта бумага никак не может быть современной!

– Старинную бумагу раздобыть несложно, но вот эта штриховочная сетка наводит на мысль о двадцатых годах двадцатого века, а никак не о девяностых годах девятнадцатого. – В размеренной английской речи Бернарда Крибеля сквозят славянские интонации: насколько я знаю, он родом из Югославии. – Затем бумагу окунают в слабую чайную заварку, давно известный прием. А вот над печатными досками пришлось корпеть не одну ночь, – впрочем, такое трудолюбие легко объясняется прейскурантной стоимостью в двадцать пять тысяч фунтов. Кстати, краска тоже вполне современная… «Уинзор и Ньютон», жженая охра, разведенная, разумеется… В целом весьма неплохая подделка.

Клиент взвизгивает оскорбленным фальцетом:

– Вы что, обвиняете меня в подделке?!

– Что характерно, я обвиняю не вас, а того, кто совершил эту подделку.

– Вы просто пытаетесь сбить цену! Признайтесь!

Крибель с отвращением морщится:

– Возможно, вашим товаром заинтересуется какой-нибудь перекупщик на Портобелло-роуд. Можете попытать счастья на передвижных ярмарках марок и монет. Прошу прощения, мистер Бадд, но меня дожидается настоящий клиент.

Мистер Бадд с разочарованным стоном выбегает из магазина и пытается хлопнуть дверью, но дверь отказывается

хлопать. Крибель качает головой, сокрушаясь, до чего дошел мир, и я спрашиваю:

– И часто фальсификаторы приносят вам свои подделки?

Крибель втягивает щеки, показывая, что вопрос не заслуживает его внимания.

– Мне знакомо ваше лицо… – Он перебирает свою мысленную картотеку. – Э-э-э… мистер Анидр. В августе вы продали мне блок из восьми негашеных марок Питкэрнских островов. Хороший чистый блок.

– Надеюсь, вы пребываете в добром здравии, мистер Крибель?

– Более или менее. Как ваши занятия? Помнится, вы изучаете право в Университетском колледже Лондона.

Ха, он явно хочет меня подловить.

– Нет, астрофизику в Имперском колледже.

– Да-да, конечно. Вам удалось обнаружить разумную жизнь в космосе?

– Ее там ровно столько, сколько здесь, на Земле, мистер Крибель.

Он улыбается старой шутке и смотрит на мою сумку:

– Вы сегодня покупаете или продаете?

Я достаю черный кляссер и вынимаю из него узкую полоску из четырех марок.

Шариковая ручка в пальцах Крибеля барабанит по прилавку: тук-тук-тук.

Филателист и его лампа «энглпойз» склоняются над мар-

ками.

Стук шариковой ручки смолкает. Старческие глаза Бернарда Крибеля вопросительно обращаются ко мне, и я произношу:

– Четыре марки колониальной Индии номиналом в полланны, темно-синие, выпуска тысяча восемьсот пятьдесят четвертого или пятьдесят пятого года, с правой стороны листа и частичной маркировкой на поле, в хорошем состоянии, негашеные. Как вам?

– Недурственно. – Он продолжает рассматривать марки под шерлок-холмсовской лупой. – Не могу утверждать, что часто встречал подобные экземпляры. И на какую цену вы рассчитываете?

– В июне прошлого года одна гашеная марка из этой серии ушла с аукциона «Сотбис» за две тысячи сто фунтов. Умножаем на четыре, получаем восемь тысяч четыреста. Набавляем пятьдесят процентов за то, что марки негашеные, и получаем примерно тринадцать тысяч. Однако же… Держать магазин в центре Лондона накладно, за товар вы расплачиваетесь сразу же, а я весьма надеюсь завязать с вами плодотворные долгосрочные отношения, мистер Крибель.

– В таком случае называйте меня просто Бернард.

– Ну, раз так, то и вы называйте меня просто Маркус. Моя цена – десять тысяч.

Крибеля вполне устраивает озвученная цена, но ради приличия он делает вид, что терзается сомнениями.

– На марки Содружества в наши дни спрос невелик. – Он раскуривает трубку; ария завершается. – Увы, самое большее, что я могу дать, – восемь с половиной.

– Не вынуждайте меня идти на Трафальгарскую площадь, Бернард, сегодня очень холодно и скользко.

Он вздыхает, раздувая волосатые ноздри:

– Жена меня со свету сживет за подобную уступчивость, но молодых филателистов следует поощрять. Давайте поделим разницу и сойдемся на девяти тысячах двухстах пятидесяти фунтах.

– Десять – простое, удобное, круглое число. – Я обматываю шею шарфом.

Последний вздох.

– Ладно. Пусть будет десять. – Мы обмениваемся рукопожатием. – Вас устроит чек?

– Да, но, Бернард… – останавливаю я его у самой двери в подсобку; он оборачивается. – Вот вы бы позволили кому-то унести эти великолепные «пол-анны» прежде, чем получили бы за них деньги?

Бернард Крибель склоняет голову, чествуя мой профессионализм, возвращает мне марки и уходит выписывать чек. По Чаринг-Кросс-роуд ползет полудохлый автобус. Демоны уволакивают Дон Жуана в ад: что ж, такова судьба всех дилетантов, которые пренебрегают должной подготовкой.

Пробираюсь по извилистым улочкам рождественского

Сохо, шумным, вспаренным, в склизком месиве талого снега, пересекаю Риджент-стрит, по которой гигантским ледником сползают автомобили, и прибываю в неприметный лондонский офис банка «Свисс интегрите», что прячется в тихом переулке за площадью Беркли-Сквер. Гориллоподобный охранник распахивает передо мной пуленепробиваемую дверь, приветственно кивает, зная, что мне назначено. В просторном светлом зале – кремовый интерьер, отделка красным деревом – я кладу чек на полированный стол миниатюрной сотрудницы банка, которая не задает никаких вопросов, кроме: «Как поживаете, мистер Анидр?» Возле ее компьютерного терминала красуется швейцарский флажок, и пока она заполняет бланк на мой вклад, я рассеянно думаю, что, возможно, мадам Константен, швейцарская экспатриантка с неразглашенным доходом, тоже снисходит до посещения этого офиса и сидит в этом, обитом бархатом кресле. Меня не оставляют воспоминания о нашей странной встрече в часовне Королевского колледжа, хотя я больше не испытываю необъяснимой потери времени. «До свидания, мистер Анидр», – говорит клерк, и я согласно отвечаю: «До свидания». Деньги – всего лишь побочный продукт моего искусства, и все же я покидаю банк словно бы при оружии и в бронежилете; теперь, с чеком Крибеля, на моем банковском счету пятьдесят тысяч. Это, конечно, мизерная сумма для большинства клиентов банка «Свисс интегрите», но для студента, который сам пробивается к верхам, это очень неплохо. И

эта сумма еще умножится. Почти все мои приятели из Хамбер-колледжа – за исключением тех, чьи родители достаточно состоятельны и по доброте душевной позволяют себя доить, – по уши в долгах, но упрямо отказываются признавать, что в течение первых пяти лет по окончании университета им придется хлебать дерьмо полной ложкой и делать вид, что это черная икра. Ну, мне это не грозит. Я сам кого угодно дерьмом закидаю. По мере сил.

В крытом переходе у Пиккадилли-Серкус двое в костюмах и плащах стоят у двери и громогласно отчитывают кого-то невидимого. Сквозь тонкую завесу снега с дождем ярко светятся витрины магазина «Тауэр рекордз»; станцию метро «Пиккадилли-Серкус» уже захлестывает первая волна офисных работников, живущих в пригородах, а меня раздирает любопытство. Между мужчинами в плащах я мельком замечаю какого-то жалкого йети, который жмется под дверью.

– Поздравляю, ты разработал отличную маркетинговую стратегию! – говорит один из его мучителей. – Вон там прохожие цветы покупают, а здесь ты к ним пристаешь, просишь милостыню, так что они вынуждены давать тебе деньги, чтобы не выглядеть бессердечными ублюдками, – пьяно восклицает он. – Между прочим, мы как раз и занимаемся маркетингом. Интересно, сколько ты настрелял за вечер?

– Я… – Йети испуганно моргает. – Я ни в кого не стрелял.

Мучители переглядываются и издевательски хохочут.

– Я ж много не прошу. Мне надо тринадцать фунтов, чтобы переночевать в хостеле.

– Приведи себя в порядок и найди себе работу – хотя бы грузчика!

– Без местижильства на работу не принимают.

– Ну, так обзаведись ме-сто-жи-тель-ством.

– А безработным комнаты не сдают.

– Нет, ты слышишь, Гарри, у этого типа на все найдется объяснение.

– Эй, эй, тебе нужна работа? Я дам тебе работу. Хочешь? – спрашивает второй мучитель.

Первый мучитель, тот, что покрупнее, нависает над беднягой:

– Мой коллега вежливо интересуется, нужна ли тебе работа.

Йети нервно сглатывает и кивает:

– А какая работа-то?

– Нет, ты слышишь, Гарри? Какие привередливые нищие пошли.

– Будешь деньги собирать, – говорит Гарри. – Десять фунтов в минуту. Гарантированно.

У йети какой-то лицевой тик.

– А что надо делать?

– Сейчас поймешь. – Мучитель поворачивается к улице и швыряет пригоршню монет в просвет между машинами, которые грохочущим потоком стремятся к Пиккадилли-Сер-

кус. – Давай, Эйнштейн, греби деньгу! – (Монетки катятся под колеса и днища автомобилей, рассыпаются по островкам подтаявшего грязного льда.) – Видишь, улицы Лондона на самом деле вымощены золотом.

Оба мучителя, страшно довольные, заплетающимися шагами уходят прочь, а изможденный йети размышляет, можно ли собрать монеты так, чтобы не угодить под автобус.

– Не смей, – говорю я бездомному попрошайке.

Он сердито сверкает глазами:

– А ты поспи в мусорном баке!

Я достаю из бумажника две двадцатифунтовые банкноты.

Он глядит то на деньги, то на меня.

– Как раз на три ночи в хостеле, – говорю я.

Он берет деньги, прячет во внутренний карман замызганной куртки.

– Премного благодарен.

Принеся жертву богам, я ныряю в подземку, и она засасывает меня в воронку смрада немытых тел и зловонного дыхания.

Сентенция предельно проста: «Многие писатели изображали государства и республики такими, какими им никогда не удавалось встречать их в действительности… Между тем, как живут люди, и тем, как должны они жить, расстояние необъятное: кто для изучения того, что должно бы быть, пренебрежет изучением того, что есть в действительности,

тем самым вместо сохранения себя приведет себя к погибели: человек, желающий в наши дни быть во всех отношениях чистым и честным, неизбежно должен погибнуть в среде громадного, бесчестного большинства». И за это откровенное, прагматичное суждение кардинал Реджинальд Поул провозгласил Никколо Макиавелли пособником дьявола! После станции «Эрлз-Корт» поезд метро выныривает на поверхность, в угасающий свет дня. Мимо проносятся газовые подстанции, эдвардианские крыши, каминные трубы, телевизионные антенны, автостоянка у супермаркета, щиты с рекламой о сдаче помещений внаем. Пассажиры стоят, покачиваясь, будто говяжьи туши на крюках, или живыми трупами обмякают на сиденьях: офисные трудяги с воспаленными глазами, подключенные к «дискменам»; их обрюзгшие сорокалетние ипостаси пялятся в «Ивнинг стэндард», а без пяти минут пенсионеры уныло взирают на окраины западного Лондона, поражаясь быстротечности жизни. «Я – Система, ты должен меня побороть, – стучат колеса. – Я – Система, ты должен меня побороть». Но что значит «побороть систему»? Разбогатеть, получить вольную, избавиться от ежедневного унижения и тягостного труда? Нас медленно обгоняет другой поезд, на параллельных путях; в метре от меня проползает вжатый в дверное стекло юный клерк из Сити – таким на будущий год стану и я. Хорошая кожа, хорошая одежда и опустошенные глаза. На обложке прижатого к груди журнала заголовок: «Как разбогатеть к тридцати». Парень замечает

меня, щурится, пытается прочесть название моей книжки из серии «Пингвин-классик», но его поезд сворачивает на соседний путь.

Весьма сомнительно, что систему можно побороть, отчаянно карабкаясь наверх, и, как мне известно, выпасть из системы – тоже не выход. Я слишком хорошо помню «Ривенделл». Летом перед началом учебы в Кембридже мы с ребятами решили потусить в клубе «Зыбкий мир» в Кэмден-Тауне. Там, закинувшись экстази, я склеил анемичную девицу с помадой цвета засохшей крови и в прикиде из черной паутины. Короче, мы с этой девушкой-пауком взяли такси и поехали к ней, в коммуну под названием «Ривенделл», которая оказалась сквотом в отведенном под снос доме в самом конце квартала, рядом с заводом по переработке макулатуры. Девушка-паук и я долго резвились под какой-то ранний альбом Джони Митчелл, про чаек, продрыхли до полудня, а потом спустились в Зал Элронда, где меня накормили чечевичным карри, а основатели сквота поведали мне, что их коммуна – аванпост посткапиталистического, постнефтяного и постденежного будущего. Все то, что «внутри системы», объявлялось плохим, а то, что «вне системы», – хорошим. Меня спросили, как я собираюсь провести отпущенный мне век, я заикнулся о работе в СМИ и тут же подвергся обличительной словесной бомбардировке и коллективной критике на тему того, что внутрисистемные СМИ разделяют, а не объединяют общество. Девушка-паук объяснила, что толь-

ко в «Ривенделле» можно по-настоящему общаться и знакомиться с мудрыми сказаниями древних культур, таких как инуитская, ибо «мудрость древних – наше богатство». Когда я уходил, девушка-паук попросила у меня «взаймы» двадцать фунтов, чтобы закупиться продуктами в супермаркете «Сейнсбери». Я посоветовал ей процитировать кассиру какую-нибудь инуитскую мудрость, раз уж это «богатство». Ее ответ был отчасти радикально-феминистским, но в основном англосаксонским. В «Ривенделле» я обзавелся не только лобковыми вшами и аллергией на Джони Митчелл, которая продолжается и по сей день, но и твердым убеждением, что «вне системы» существует только нищета.

В общем, спросите у йети, как ему его свобода.

В прихожей, снимая шапку и сапоги, я слышу, как мама в гостиной говорит:

– Минуточку, кажется, он вернулся. – Не выпуская телефонного аппарата из рук, она выглядывает в коридор; шнур натягивается до предела. – Да, это он! Как вы вовремя позвонили! Я дам ему трубку. Рада наконец-то услышать голос того, о ком Хьюго столько рассказывал. Поздравляю с наступающим.

Я вхожу в гостиную, одними губами спрашиваю:

– Джонни Пенхалигон?

Мама кивает и выходит, прикрыв за собой дверь. Темная гостиная освещена прерывистым мерцанием елочной гир-

лянды. Телефонная трубка лежит на плетеном стуле. Я прижимаю ее к уху, слушаю нервное дыхание Пенхалигона и чарующую музыкальную заставку сериала «Твин-Пикс», звучащую где-то в особняке Тридейво-хаус. Медленно считаю про себя от десяти до нуля.

– Джонни! Какая неожиданность! Извини, что заставил тебя ждать.

– Привет, Хьюго. Да, это я, Джонни. Привет. Как дела?

– Отлично. Готовлюсь к Рождеству. А ты как?

– Вообще-то, не очень, если честно.

– А чего так? Я могу чем-нибудь помочь?

– Ну… не знаю. Это как-то… неудобно…

– Да ла-адно тебе! Давай говори.

– Помнишь последнюю тусовку у Жаба? Ну, с которой ты ушел, когда я выиграл больше четырех тысяч.

– Еще б не помнить. Я тогда за час все деньги спустил. А пирату Пензанса, как обычно, везло.

– Ну да. Прям такая пруха, как по волшебству…

– Ни фига себе волшебство! Четыре тысячи фунтов – это же больше годовой стипендии.

– Вот-вот, поэтому мне дурь в голову ударила. Слегка. То есть не слегка, а ощутимо так приложила. А еще и глинтвейн этот… В общем, я решил, что надоело клянчить деньги у мамы всякий раз, как я остаюсь на мели… Так вот, после того, как ты ушел, карты сдавал Эузебио, и у меня сразу оказался флеш в пиках, до валета. Я играл безупречно – прикидывал-

ся, что блефую, а на руках вроде как полное дерьмо, – и на столе было уже больше двух тысяч…

– Охренеть, Джонни! Это же целая куча денег!

– Ну да. Только мы заранее договорились, что предел устанавливать не будем, и все трое только и делали, что повышали и повышали ставки, и никто не желал отступать. У Ринти оказался допер, а Брюс Клегг посмотрел на мой флеш и говорит: «Ну вот, Пират опять нас вздрючил», и я уже начал сгребать денежки, а он добавляет: «Ой, погодите-ка. Что это у меня? Никак фул-хаус?» И правда фул-хаус. Три дамы, два туза. Мне надо было сразу встать и уйти. А я, дурак, не ушел. Выигранные четыре тысячи превратились в две, потому что две я проиграл. Короче, я подумал, что это случайность, что надо взять себя в руки и отыграться, мол, Фортуна благоволит смельчакам и все такое. Еще одна игра, и все переменится… Жаб пару раз спрашивал, не хочу ли я завязать, но… к этому времени я уже… уже… – голос Пенхалигона срывается, дрожит, – проиграл десять тысяч.

– Ничего себе! Вот это по-взрослому.

– В общем, мы продолжили игру, и я все время проигрывал и никак не мог понять, почему это среди ночи в Королевском колледже трезвонят колокола, но тут Жаб раскрыл шторы, и оказалось, что уже день. Жаб объявил, что закрывает казино на каникулы, и предложил нам яичницу. Но есть мне не хотелось…

– Ты же сперва выиграл, – утешал его я, – а потом проиг-

рал. В покере всегда так.

– Нет, Хьюго, ты не понимаешь! Эузебио серьезно проигрался, а я… а я так вообще в пух и прах, а когда Жаб подбил бабки, оказалось, что я должен… – он переходит на сдавленный шепот, – пятнадцать тысяч двести фунтов! Жаб сказал, что округлит мой проигрыш до пятнадцати тысяч…

– Твое благородство всегда пробуждает в Жабе самые лучшие чувства, – говорю я, глядя на улицу сквозь щелку в шторах синего бархата; ночь холодная, чернильно-синяя, с янтарными пятнами фонарей. – Он же понимает, что имеет дело не с каким-то прощелыгой, который считает, что если ему нечем платить, то он и не будет платить.

Пенхалигон вздыхает:

– То-то и оно, понимаешь.

– Если честно, Джонни, то не очень… – с напускным недоумением говорю я.

– Пятнадцать тысяч фунтов – это… много. Это очень много!

– Разумеется, для простых смертных, вот как для меня, например, это офигительная сумма, но для старой корнуэльской аристократии…

– Да у меня и на основном счете столько не наберется!

– Ах вот оно что! Ну, тогда… В общем, так. Мы с Жабом знакомы с тех самых пор, как я поступил в Кембридж. Честное слово, тебе совершенно не о чем беспокоиться.

Пенхалигон с надеждой хрипит:

– П-правда?

– Жаб – классный парень. Напомни ему, что банки закрыты на Рождество и что до Нового года ты не сможешь перевести ему деньги. Он же понимает, что слово Пенхалигона в гарантиях не нуждается.

Вот он, момент истины.

– Но у меня нет пятнадцати тысяч фунтов!

Так, сделаем драматическую паузу, прибавим капельку смущения и щепотку недоверия:

– Погоди… тебе что, совсем неоткуда взять деньги?

– Ну да… Неоткуда. Я заплатил бы, если бы мог, но сейчас…

– Джонни. Прекрати. Долг есть долг, Джонни. Я за тебя поручился. Перед Жабом. Сказал: «Это же Пенхалигон!», и этого было достаточно. Больше и объяснять ничего не пришлось.

– То, что мои предки были адмиралами, а дом, в котором я живу, – памятник архитектуры, вовсе не делает меня миллиардером. И вообще, Тридейво-хаус заложен банку «Куртард»!

– Ладно, успокойся. Лучше попроси мать выписать тебе чек.

– На оплату покерного долга? Ты что, спятил? Она мне ни пенса не даст. Слушай, а что сделает Жаб, если я… ну, если эти пятнадцать тысяч…

– Нет, нет и нет! Жаб – человек дружелюбный, но дело-

вой, и бизнес для него важнее любых дружеских отношений. Прошу тебя, Джонни, заплати.

– Ну а что с того, если я проигрался в покер? Я же никаких договоров с Жабом не подписывал!

– Долг есть долг. Жаб считает, что ты ему должен. И я так считаю, ты уж извини. А если ты откажешься честно выплатить долг, то это будет уже вызов. Он, конечно, не станет подкладывать тебе в постель лошадиную голову, но втянет в это дело и твоих родных, и Хамбер-колледж, а им вряд ли понравится, что их доброе имя треплет желтая пресса.

Пенхалигон слышит, как его сияющее будущее разбивается вдребезги, словно бутылки в контейнере для сбора стеклотары, сброшенном с крыши многоэтажной парковки.

– Охренеть…

– Вообще-то, выход есть… нет, это вряд ли.

– Слушай, я сейчас на все готов. Абсолютно на все.

– Нет, забудь. Глупости все это. Я знаю, что ты на это скажешь.

– Да ладно, Хьюго, колись.

Чтобы убедить человека, не надо его насильно принуждать; лучше показать ему волшебную дверцу и обставить все так, чтобы ему непременно захотелось ее открыть.

– У тебя же есть старый спортивный автомобиль. «Альфа-ромео», кажется?

– Нет, винтажный «астон-мартин-кода», шестьдесят девятого года выпуска. Но… продать его?

– Немыслимо, я понимаю. Лучше просто пади к ногам матери, Джонни.

– Это же… понимаешь, это папина машина. Он мне ее завещал. Я ее обожаю. И потом, как я объясню, куда она делась?

– Что-нибудь придумаешь, Джонни, у тебя это хорошо получается. Скажешь, что лучше реализовать активы и вложить деньги в какие-нибудь офшорные бонды, чем рассекать по Девону и Корнуоллу на спортивном автомобиле, пусть и доставшемся в наследство от отца. Кстати, я вот вспомнил, у нас в Ричмонде есть вполне приличный дилер, который специализируется на винтажных автомобилях. Человек надежный и неболтливый. Я мог бы заглянуть к нему, пока он не закрылся на Рождество, и узнать, о какой сумме идет речь.

Судорожный вздох с отмороженного пальца на стопе Англии.

– Ну, нет так нет, – говорю я. – Прости, Джонни, но я не могу…

– Нет, я согласен. Сходи поговори с дилером.

– А ты не хочешь объяснить Жабу, что происходит…

– Может, ты ему позвонишь? А то я… нет, я не…

– Ладно, я все устрою. Друзья познаются в беде.

По памяти набираю номер Жаба. После первого же гудка включается автоответчик; я торопливо говорю: «Пират продает. Я уезжаю в Альпы после Дня подарков, так что уви-

димся в Кембридже в январе. Счастливого Рождества». Кладу трубку и окидываю рассеянным взором сделанные на заказ книжные шкафы, телевизор, отцовский бар с напитками, мамины светильники выдувного стекла, старинную карту Ричмонда-на-Темзе, фотографии Брайана, Элис, Алекса, Хьюго и Найджела Лэмов в разном возрасте и на разных стадиях развития. Разговоры родных доносятся до меня, как призрачные голоса из какой-то фантастической переговорной трубки для связи с иным миром.

– Ну что, Хьюго, все в порядке? – В дверь заглядывает отец. – С возвращением.

– Привет, пап. Это Джонни звонил, мой приятель из Хамбера. Справлялся насчет списка литературы по экономике на следующий триместр.

– Похвальная организованность. Ох, я совсем забыл, у меня в багажнике бутылка коньяка, схожу заберу…

– Не надо, пап! Там жуткий холод, ты и так простужен. Вон моя куртка на вешалке, я мигом.

– Мы встречаемся снова, – произносит кто-то, когда я захлопываю багажник отцовского «БМВ». – Средь зимы суровой, так сказать.

Я едва не роняю бутылку. Неизвестный кутается в анорак; в свете уличного фонаря капюшон отбрасывает тень, полностью скрывая лицо. Он стоит в нескольких шагах от тротуара, на нашей подъездной дорожке.

– Я могу вам помочь? – спрашиваю я невольно дрогнувшим голосом.

– Именно это нам и хотелось бы знать. – Он скидывает капюшон, и, как только я узнаю йети-попрошайку с Пиккадилли-Серкус, бутылка выскальзывает у меня из пальцев и глухо шлепается мне на ногу.

– *Вы?* Я… – говорю я, и дыхание повисает белым облачком.

– Похоже на то, – говорит он.

Я сипло спрашиваю:

– Зачем… вы меня преследуете?

Он разглядывает дом моих родителей, будто собирается его купить. Не вынимает рук из карманов. Там есть место для ножа.

– У меня нет для вас денег, если вы за этим…

– Я здесь не ради банкнот, Хьюго.

Я задумываюсь: я совершенно точно не говорил ему, как меня зовут! Да и с какой стати мне ему было представляться?

– Откуда вам известно мое имя?

– Оно известно нам уже не первый год. – Вульгарные интонации и простонародная манера произношения исчезают без следа, дикция становится абсолютно безупречной.

Я вглядываюсь в его лицо. Может, это мой бывший одноклассник?

– Кто вы?

Йети скребет грязную башку: на нем перчатки с обрезан-

ными кончиками пальцев.

– Если вас интересует хозяин этого тела, то он – ничего не значащий тип, вырос в окрестностях Глостера, у него вши, героиновая зависимость и активный вирус иммунодефицита. Если же вам интересно, с кем именно вы беседуете, то ответ будет несколько иным: я – Иммакюле Константен. Мы с вами недавно обсуждали природу власти. Вы меня помните, я знаю.

Я отступаю на шаг; выхлопная труба отцовского «БМВ» упирается мне в икру. Йети с Пиккадилли-Серкус вряд ли выговорил бы «Иммакюле Константен».

– Это розыгрыш. Она вас подучила, объяснила, что нужно говорить, но откуда…

– Откуда ей знать, кому из бездомных попрошаек вы сегодня подадите милостыню? Это же невозможно. И откуда ей знать о Маркусе Анидре? Мыслите шире. Раздвиньте границы возможного.

На соседней улице завывает автомобильная сигнализация.

– Вы из секретной службы. Вы оба… связаны с…

– Правительственным заговором? Ну, я полагаю, это действительно несколько шире, но каковы пределы паранойи? Может, Брайан и Элис Лэм тоже агенты секретных служб? Может, к этому причастны Марианджела и сестра Первис? А может, бригадный генерал Филби вовсе не утратил разум? Паранойя – вещь поистине всепоглощающая.

Все это происходит на самом деле. На корке снега – следы йети. От него тянет гнилостным запахом рвоты и перегара. Морозный воздух щиплет губы. Нет, таких галлюцинаций попросту не бывает.

– Что вам нужно?

– Прорастить семя.

Мы в упор смотрим друг на друга. От него пахнет прогорклым печеньем.

– Послушайте, – говорю я, – я не понимаю, что здесь происходит, и зачем она вас ко мне послала, и почему вы утверждаете, что вы – это она… Но вам нужно довести до сведения мисс Константен, что она совершила ошибку.

– Какого рода ошибку я совершила? Уточните, пожалуйста.

– Ну все, с меня хватит. Я вовсе не тот, кем вы меня считаете. И я хочу одного: спокойно встретить Рождество и спокойно жить да…

– Мы слишком хорошо вас знаем, Хьюго Лэм. Мы знаем вас гораздо лучше, чем вы сами себя знаете. – Йети удовлетворенно фыркает себе под нос, поворачивается и уходит прочь по нашей подъездной дорожке, бросив на прощание: – Счастливого Рождества.

29 декабря

Альпы тут, Альпы там, тут Альпы, там Альпы, всюду, всюду Альпы-Альпы. Изломанные, зубчатые, бело-голубые, бело-сиреневые, бело-белые, изрезанные выступами скал, опушенные заснеженными лесами… Я частый гость в шале Четвинд-Питтов и теперь знаю все названия окрестных гор: вот клык Гран-Дан-де-Вейзиви; по ту сторону долины – Сассенер, Ла-Пуант-дю-Сате и Пуант-де-Брикола; а за спиной закрывает полнеба Паланш-де-ла-Кретта. Вдыхаю полной грудью морозный воздух и вымарываю из окружающего пейзажа все признаки современности. Самолет в лучах заходящего солнца – долой. Огни Ла-Фонтен-Сент-Аньес в шестистах метрах ниже – выключить. Шале, колокольню, дома с островерхими крышами, похожие на деревянный макет деревушки, игрушку моего детства, – стереть. Приземистое здание лыжной станции Шемей, отвратительную бетонную блямбу в стиле семидесятых, кофейню с грабительскими ценами и круг смотровой площадки, где стоим мы, четверо студентов Хамбер-колледжа, – снести. Вагончики фуникулера, доставляющие нас, лыжников, на склоны, и кресельные подъемники канатной дороги к вершине Паланш-де-ла-Кретта – ффух! – сдуть порывом ветра. Сорок, пятьдесят или шестьдесят лыжников, скользящих по пологой синей трассе или чуть дальше, по более крутой и опасной черной. Лыжники?

Какие еще лыжники? Я никаких лыжников не вижу. Руфус Четвинд-Питт, Олли Куинн и Доминик Фицсиммонс, приятно было пообщаться, а теперь пора и честь знать. Ну, типа того. Вот так-то лучше. Теперь здесь настоящее средневековье. Интересно, а деревушка Ла-Фонтен-Сент-Аньес тогда уже существовала? Гм, а вот эта худышка в мятно-зеленом лыжном костюме, там, у перил, курильщица, как все француженки – похоже, курение у них входит в школьную программу, – вот она пусть остается. В конце концов, каждому Адаму нужна Ева.

– Ну что, осеним трассу неувядаемой славой? – Руфус Четвинд-Питт поднимает на лоб защитные очки «Сно-Фокс» стоимостью сто восемьдесят фунтов. – На спор. А проигравшие будут от заката до рассвета угощать победителя в баре. Ну, кто со мной?

– Я пас, – заявляет Олли Куинн. – Я спущусь по синей трассе. У меня нет ни малейшего желания в первый же день каникул угодить в больницу.

– Так нечестно, – говорит Доминик Фицсиммонс. – Ты по этим трассам катаешься чаще, чем дрочишь!

– Итак, трухлявые старперы Куинн и Фиц выбывают из игры. – Четвинд-Питт поворачивается ко мне. – А ты как, жертвенный ягненочек?

Четвинд-Питт – отличный лыжник и обставит нас не только здесь, но и где угодно, а цены в ночных клубах Сент-Аньес

так высоки, что неувядаемая слава обойдется мне слишком дорого, но я деловито плюю на ладони.

– Что ж, Руфус, пусть победит сильнейший.

Ход моих рассуждений логичен. Если Четвинд-Питт выиграет гонку, то потом, в бильярдной, будет щедр сверх меры, а если проиграет, то вечером тем более пойдет на риск, чтобы восстановить пошатнувшуюся репутацию альфа-самца.

Четвинд-Питт усмехается и сдвигает «сно-фоксы» на глаза.

– Ну, хоть у кого-то яйца на нужное место пришиты. Фиц, дай нам старт. – Мы поднимаемся на верхнюю точку трассы, и Четвинд-Питт лыжной палкой вычерчивает в грязном снегу стартовую линию. – Побеждает тот, кто первым придет к снеговику в конце черной трассы. Без нытья и без жалоб, чисто гонка по нисходящей, как сказал один выпускник Итона другому. А с вами, рохлями… – Он презрительно смотрит на Фицсиммонса и Куинна, – увидимся позже, *chez moi*[23].

– Итак, на старт… – объявляет Фицсиммонс.

Мы с Четвинд-Питтом замираем на старте, будто спортсмены на зимних Олимпийских играх.

– …внимание, марш!

Пока я принимаю нужную стойку, Четвинд-Питт срывается с места, как метко пущенный снежок. Мы проносимся

[23] У меня (*фр.*).

по первому участку трассы, мимо группы испанских ребятишек, устроивших фотосессию посреди спуска. Лыжня раздваивается – синяя трасса направо, черная налево, с отвесного выступа. Четвинд-Питт сворачивает налево, и я, естественно, следую за ним, через пару метров неловко приземляюсь, охаю, но все-таки удерживаюсь на ногах. Снег на склоне глянцевый, стеклянистый, быстрый, лыжи свистят по нему, как ножи при заточке. Я прибавляю скорость, но ускоряется и зад моего соперника, обтянутый черно-оранжевой лайкрой, огибает опору канатной дороги. Трасса сворачивает в высокогорный лес, продольный уклон увеличивается. Скорость нарастает – тридцать, тридцать пять, сорок километров в час; воздух наждаком обдирает щеки. Утром мы вчетвером спускались здесь аккуратной «змейкой», но сейчас Четвинд-Питт летит по прямой, как копье, – сорок пять, пятьдесят километров в час, – так быстро я еще никогда не ездил на лыжах, икры и бедра ноют, встречный ветер свистит в ушах. Дурацкая неприметная кочка отправляет меня в полет на три, пять, восемь метров… я едва не падаю, но все-таки удерживаюсь на ногах. Если упасть на такой скорости, то от множественных переломов спасет только чудо. Четвинд-Питт, заложив крутой вираж, скрывается из виду, а секунд через пятнадцать к тому же месту подъезжаю я, но, недооценив крутизну поворота, попадаю в когтистые лапы сосен и с трудом возвращаюсь на лыжню. Начинаются змеиные извивы слалома; слежу, как впереди Четвинд-Питт

выписывает вензеля, то исчезая, то снова появляясь в поле зрения; стараюсь подражать его углам наклона; непроизвольно приседаю и втягиваю голову в плечи, когда по перевернутому желобу ветвей кегельбанными шарами проносятся вороны. Неожиданно вылетаю из леса на медленный участок трассы, между отвесной скалой и высоченным обрывом. Желтые ромбы с черепами и скрещенными костями предупреждают, что от края следует держаться подальше. Мой соперник чуть тормозит, оглядывается… Он так далеко, что кажется нарисованным – палка, палка, огуречик, – и уже катит мимо одинокой сосны на утесе, то есть достиг середины трассы. Значит, еще четыре-пять минут, и все. Я выпрямляюсь, давая отдых мышцам живота, и краем глаза вижу город в долине, огоньки рождественских гирлянд на площади. Дурацкие очки запотевают, хотя продавщица уверяла, что ничего подобного не случится. Четвинд-Питт ныряет в нижний лесок, а я, отталкиваясь палками, доезжаю до одинокой сосны, а потом снова приседаю в позу гонщика. Снова набираю скорость – сорок пять, пятьдесят километров в час, и надо бы притормозить, но ветер-искуситель нашептывает в уши: «Быстрее, быстрее», и меня обволакивает нижний лес, сосновый туннель расплывается перед глазами, пятьдесят пять, шестьдесят километров в час, и я перелетаю гребень, за которым прячется жуткая расщелина, земля уходит из-под ног… Я воспаряю, точно укуренный архангел… свободный полет длится вечно, пока не… Так, почему это вдруг ноги на уров-

не подбородка?

Правая нога ударяется о землю первой, но левая уходит в самоволку, и я качусь кубарем, и карту моего тела размечают вспышки боли – вот щиколотка, колено, локоть, – черт, левую лыжу сорвало, и она ускакала, убежала, пропала без следа. Земля – деревья – небо, земля – деревья – небо, земля – деревья – небо, земля – деревья – небо, зернистый снег в лицо; игральная кость в стаканчике; яблоки в сушильном барабане, охи, стоны, вопли, ой-ё… Сила тяжести, скорость и земля: за остановку придется платить, а единственная приемлемая валюта в данном случае – боль…

Ой-ой-ой! Запястье, лодыжка, ребро, ягодица, щиколотка, мочка уха… Наверняка все изодрано, все в синяках… но вроде бы ничего не сломано, если, конечно, я не одурманен выбросом естественных анальгетиков в кровь. Лежу на страховочной подстилке снега, сосновых игл и мшистого волокнистого дерна. Сажусь. Позвоночник в порядке. Это очень хорошо. Часы на запястье тоже в порядке, на циферблате 16:10, как и должно быть. Серебристые иголочки птичьих трелей. А встать получится? На месте правой ягодицы сгусток боли; копчик вколочен геологическим молотком… Но я встаю, понимая, что мне на редкость повезло. Поднимаю защитные очки, отряхиваю с куртки снег, отстегиваю оставшуюся лыжу и, опираясь на нее, как на посох, ковыляю

вверх по склону в поисках ее товарки. Минута, другая – безуспешно. Четвинд-Питт наверняка уже в деревне, победно хлопает по толстопузому снеговику. Хромаю по лыжне, ищу в подлеске проклятую лыжу. Падение на черной трассе не позорно, – в конце концов, я не профессиональный горнолыжник и не инструктор по лыжному спорту, – но возвращаться в шале Четвинд-Питта на сорок минут позже Фицсиммонса и Куинна, да еще и с одной лыжей, конечно же, хреново.

По трассе с шорохом – вжух! – спускается лыжник, – и я поспешно отступаю с лыжни. Француженка со смотровой площадки – только француженки в этом сезоне носят мятно-зеленый. На гребень она взмывает с легкостью, разительно отличающейся от моей слоновьей неуклюжести, профессионально приземляется, замечает меня, понимает, что произошло, выпрямляется и тормозит чуть поодаль, на противоположной стороне лыжни. Потом наклоняется, вытаскивает из сугроба мою лыжу и приносит мне. Я пытаюсь применить свое посредственное знание французского:

– *Merci… Je ne cherchais pas du bon côté*[24].

– *Rien de cassé?*[25]

Кажется, она спрашивает, нет ли у меня переломов.

– *Non. À part ma fierté, mais bon, ça ne se soigne pas*[26].

---

[24] Спасибо… Я в той стороне не искал (*фр.*).

[25] Ничего не сломано? (*фр.*)

[26] Нет. Кроме моей гордости, но это не лечится (*фр.*).

Моя добрая самаритянка не снимает защитных очков, так что ее лица не разглядеть, видны лишь черные кудри, выбившиеся из-под лыжной шапочки, и неулыбчивый рот.

– *Tu en as eu, de la veine*[27].

Я – везучий мудак?

– *Tu peux…* – Мне хочется сказать: «Еще какой везучий». – *C'est vrai*[28].

– *Ça ne rate jamais: chaque année, il y a toujours un couillon qu'on vient ramasser à la petite cuillère sur cette piste. Il restera toute sa vie en fauteuil roulant, tout ça parce qu'il s'est pris pour un champion olympique. La prochaine fois, reste sur la piste bleu*[29].

М-да, зря я решил, что знаю французский. «Здесь каждый год кто-нибудь ломает себе шею, и мне следует придерживаться синей трассы»? Что-то в этом роде. Не прощаясь, она срывается с места и стремительно скользит вниз, красиво закладывая виражи.

В шале Четвинд-Питта я отмокаю в ванне; за стеной грохочет нирвановский «Nevermind», а я курю косячок среди змеящихся клубов пара и в тысячный раз размышляю над казусом разума, кочующего из тела в тело. Факты обманчиво

---

[27] Здесь: Лихо ты на этом выступе навернулся (*фр.*).

[28] Там… Да, правда (*фр.*).

[29] Вот так всегда: каждый год на этой трассе какой-нибудь мудак разбивается в хлам, вообразив себя олимпийским чемпионом, и всю оставшуюся жизнь проводит в инвалидном кресле. В следующий раз катайся по синей трассе (*фр.*).

просты: шесть дней назад, у дома моих родителей, я встретил некий разум, захвативший чужое тело. Странная хрень требует теоретического обоснования, и у меня на этот счет есть целых три гипотезы.

Гипотеза первая: это была галлюцинация, мне все привиделось – и второе пришествие йети, и его косвенные доказательства вроде следов на снегу и заявлений о том, что могло быть известно только мисс Константен и мне.

Гипотеза вторая: я стал жертвой чудовищного розыгрыша, устроенного мисс Константен и ее сообщником, который прикинулся бездомным попрошайкой.

Гипотеза третья: все произошло на самом деле, и разум, кочующий из тела в тело – а как еще это назвать? – вполне реальное явление.

Итак, галлюцинация. «Я не чувствую себя психом» – неубедительный довод, хотя психом я себя действительно не чувствую. Если у меня один раз возникла столь реалистичная галлюцинация, значит должны возникать и другие? Но мне же не мерещится, что в электрических лампочках Стинг распевает «Englishman in New York»?[30]

Розыгрыш. Почему выбрали именно меня? Возможно, у Маркуса Анидра есть враги, особенно если его авантюры вскрылись. Но глупо устраивать дурацкий розыгрыш, чтобы свести меня с ума; гораздо проще избить до потери сознания.

Кочующий разум. Вполне правдоподобное допущение

[30] «Англичанин в Нью-Йорке» (*англ.*).

для фантастического романа. А здесь, в реальном мире, душа не покидает своего тела. Все сверхъестественное – обман и мистификация.

Из крана в ванну капает вода – кап-кап-кап. Ладони и пальцы у меня розовые, сморщенные. Наверху кто-то глухо топочет.

Итак, что же все-таки делать с Иммакюле Константен, с йети и со странной хренью? Единственный возможный ответ: «Покамест ничего». Может быть, продолжение ждет меня сегодня ночью, или в Лондоне, или в Кембридже. Или, что тоже вполне возможно, вся эта история окажется просто неким сюжетным ответвлением моей жизни, к которому я больше никогда не вернусь.

– Хьюго, ты как там? – Олли Куинн робко стучит в дверь ванной. – Ты еще жив?

– Пока вроде бы да! – отвечаю я, перекрикивая Курта Кобейна.

– Руфус говорит, что нам пора в «Ле Крок», пока там все не забили под завязку.

– Идите уже, займете столик. Я к вам присоединюсь чуть позже.

«Ле Крок», именуемый завсегдатаями «Шлаком», – барсучья нора в переулке недалеко от треугольной центральной площади Сент-Аньес, с трех сторон окруженной горами. Гюнтер, владелец заведения, шутливо отдает мне честь

и указывает на так называемое Орлиное Гнездо – крошечную антресоль, где обосновались мои приятели-ричмондцы. Вечер в разгаре, посетителей полно, и нанятые Гюнтером *saisonnières*[31] – темноволосая худышка, вся в черном, как Гамлет, и фигуристая блондинка в оборках и рюшах – бойко принимают заказы. В семидесятые годы Гюнтер попал на двести девяносто восьмое место в рейтинге лучших теннисистов мира (правда, продержался всего неделю), что подтверждает газетная вырезка в рамке на стене. Теперь он снабжает кокаином богатенький евротреш, в том числе и старшего отпрыска лорда Четвинд-Питта. Крашенная перекисью энди-уорхоловская шевелюра Гюнтера – бессмысленное жертвоприношение на алтарь моды, но пятидесятилетний наркодилер швейцарско-немецкого происхождения не желает прислушиваться к советам какого-то англичанина. Я заказываю глинтвейн и сквозь купу семифутовых голландцев пробираюсь в Орлиное Гнездо. Четвинд-Питт, Куинн и Фицсиммонс уже поели – Гюнтерово *daube*, то есть жаркое из говядины, и яблочный пирог с коричным соусом – и теперь принялись за коктейли, за которые сегодня плачу я, проигравший гонку Четвинд-Питту. Олли Куинн сидит осоловелый, с остекленелым взором и мрачно повторяет:

– Ничего не понимаю.

Этот сопляк совсем не умеет пить.

– Чего ты не понимаешь? – спрашиваю я, снимая шарф.

---

[31] Сезонные работницы (*фр.*).

Фицсиммонс одними губами произносит:

– Несс.

Я складываю шарф в удавку, но Куинн этого не замечает.

– Мы же с ней обо всем договорились! Что я отвезу ее в Гринвич, что она познакомит меня с родителями, что мы встретимся на Рождество, сходим на распродажу в «Хэрродс» и на каток в Гайд-парке… Мы обо всем договорились. И вдруг в субботу после того, как я отвез Чизмена в больницу, где ему накладывали его дурацкие швы, она мне звонит и заявляет: «Все кончено, Олли». – Куинн судорожно сглатывает. – А я типа… что? А она вся такая: «Ах, дело не в тебе, это я виновата!» И объясняет, что ее терзают сомнения, что она будто связана по рукам и ногам, а еще…

– А вот я знаю одну португальскую шлюшку, которой очень нравится, когда ее связывают по рукам и ногам. Могу познакомить, – предлагает Четвинд-Питт.

– Ты мизогинист. И кстати, не смейся над чужим горем, – заявляет Фицсиммонс, вдыхая пары *vin chaud*[32]. – Хреново, когда тебя бросают.

Четвинд-Питт обсасывает коктейльную вишенку.

– Ага. Особенно когда покупаешь опаловое ожерелье в подарок на Рождество, а тебе дают от ворот поворот прежде, чем дело дойдет до койки. Кстати, Олли, если ты приобрел ожерелье в ювелирном магазине «Ратнерс», то можешь вернуть, но денег, к сожалению, не получишь, только подароч-

[32] Здесь: глинтвейн (*фр.*).

ный купон. Мне наш садовник жаловался, когда у него свадьба расстроилась.

– Нет, я не там покупал, – огрызается Куинн.

Четвинд-Питт сплевывает вишневую косточку в пепельницу.

– Да хватит уже ныть! В Сент-Аньес под Новый год больше еврокисок, чем в Шлезвиг-Гольштейнском обществе спасения животных. Кстати, спорим на тысячу фунтов, все эти ее сомнения попросту означают, что она завела себе нового бойфренда.

– Несс? Нет, вряд ли, – успокаиваю я бедного Куинна. – Все-таки она уважает и тебя, и себя тоже. Это невозможно, поверь мне. Между прочим, – я поворачиваюсь к Четвинд-Питту, – когда Лу тебя бортанула, ты несколько месяцев ходил сам не свой.

– У нас с Лу все было серьезно. А Олли и Несс знакомы от силы недель пять. Кстати, Лу меня не бортанула. Мы расстались по взаимному согласию.

– Шесть недель и четыре дня, – вымученно произносит Куинн. – И вообще, какая разница, сколько мы были знакомы? У меня было такое ощущение… будто мы попали в тайный уголок, неведомый никому, кроме нас двоих… – Он делает глоток какого-то безвестного мальтийского пива. – Мы с ней совпали, понимаешь? Я не знаю, что такое любовь – мистика, химия или еще что-то, – но когда она есть, а потом ее вдруг нет, это как… как…

– Как ломка, – подсказывает Руфус Четвинд-Питт. – *Roxy Music* правы, любовь – это наркотик, и когда ее запас подходит к концу, его не восполнит ни один наркодилер. Ну, кроме той самой девушки, конечно. Но она ушла, бросила тебя, и ты уже никогда не получишь того, что тебе так необходимо. Понимаешь, Олли? Между прочим, я действительно тебя понимаю, бедолага. И знаешь, что бы я тебе в данном случае прописал? – Четвинд-Питт покачивает пустую коктейльную рюмку. – «Ангельские перси». Ликер крем-де-какао и мараскин, – поясняет он мне. – *Pile au bon moment, Monique, tu as des pouvoirs télépathiques*[33]. – Пышногрудая официантка приносит мне глинтвейн, а Четвинд-Питт продолжает демонстрировать свое владение французским: – *Je prendrai une Alien Urine, et ce sera mon ami ici présent,* – он кивает в мою сторону, – *qui réglera l'ardoise*[34].

– *Bien*, – бойко отвечает Моник. – *J'aimerais bien moi aussi avoir des amis comme lui. Et pour ces messieurs? Ils m'ont l'air d'avoir encore soif*[35].

Фицсиммонс заказывает кассис, Олли просит еще бокал пива, и Моник, собрав грязные тарелки и стаканы, удаляется.

– Да, в эту я бы, пожалуй, засадил из своего необрезанно-

---

[33] Как ты вовремя появилась, Моник, просто телепатия какая-то (*фр.*).

[34] Мне «Мочу инопланетянина», а счет оплатит мой друг (*фр.*).

[35] Хорошо. Хотелось бы и мне иметь таких друзей. А для этих господ? Похоже, они тоже не прочь выпить (*фр.*).

го дробовика, – говорит Четвинд-Питт. – Есть за что подержаться, размерчик-то шесть с половиной. И она куда приятней, чем та, вторая, вылитая Уэнсдей Аддамс. Такое пугало, аж жуть берет.

За стойкой худенькая официантка наливает коньяк в большой бокал. Я спрашиваю, не француженка ли она, но Четвинд-Питт уже поворачивается к Фицсиммонсу:

– Фиц, ты у нас сегодня отвечаешь на все вопросы. Что это за хрень такая – любовь?

Фицсиммонс закуривает, передает пачку нам.

– Любовь – это анестезия, применяемая Природой для деторождения.

Нечто подобное я уже где-то слышал. Четвинд-Питт стряхивает пепел на поднос.

– Может быть, ты, Лэм, дашь определение получше?

Я слежу, как худенькая официантка смешивает заказанную Четвинд-Питтом «Мочу инопланетянина».

– Меня не спрашивай. Я никогда не был влюблен.

– Да неужели? Бедный ягненочек! – издевательски вздыхает Четвинд-Питт.

– Глупости, – говорит Куинн. – Ты же менял подружек одну за другой.

Память тут же услужливо подсовывает мне фотографию аппетитной мамочки Фицсиммонса.

– Да, анатомические познания у меня имеются, но эмоционально женщины для меня – Бермудский треугольник. Лю-

бовь, тот самый наркотик, о котором упоминал Руфус, благодать, которой так жаждет наш Олли, извечный мотив и так далее… У меня к этому абсолютный иммунитет. Мне неведома любовь к женщине. И к мужчине тоже, между прочим.

– Ну ты загнул, – тянет Четвинд-Питт.

– Но это же чистая правда! Я действительно никогда и ни в кого не был влюблен. И мне это нисколько не мешает жить. Живут же дальтоники, не отличая синего от пурпурного.

– Тебе просто до сих пор не встретилась подходящая девушка, – заявляет Куинн, наш юродивый.

– Или, наоборот, тебе встречалось слишком много подходящих девушек, – предполагает Фицсиммонс.

Я с наслаждением вдыхаю мускатный аромат глинтвейна.

– Люди – ходячие скопища желаний. Им хочется еды, воды, жилья, тепла, секса, общения, статуса, родичей и соплеменников, удовольствий, власти, целей и устремлений и так далее, вплоть до шоколадно-коричневого унитаза. Любовь – один из способов удовлетворить некоторые из этих желаний. Однако любовь – не только наркотик, но и наркодилер. Любовь требует ответной любви, правда, Олли? Она и действует как наркотик: сперва все чудесно, человек чувствует себя на подъеме, и я завидую таким счастливчикам. Но потом возникают неприятные побочные эффекты – ревность, приступы безудержного гнева, уныние, – и я, глядя на это, думаю: нет уж, увольте. В Елизаветинскую эпоху любовь приравнивали к безумию. Буддисты полагают любовь капризным шалуном

на пикнике умиротворенного разума. А вот…

– А вот и «Моча инопланетянина»! – Четвинд-Питт, осклабившись, глядит на худенькую официантку с подносом, на котором стоит высокий стакан с пойлом дынно-зеленого цвета. – *J'espère que ce sera aussi bon que vos Angel Tits*[36].

– *Les boissons pour ces messieurs*[37].

Тонкие ненакрашенные губы, слово «messieurs» облачено в сарказм. Впрочем, она тут же уходит.

Четвинд-Питт фыркает:

– Ну прямо Мисс Харизма образца тысяча девятьсот девяносто первого года.

Все чокаются, а я незаметно прячу перчатку за цветочный горшок.

– По-моему, она не заценила твое остроумие, – говорю я Четвинд-Питту. – Кстати, как тебе «Моча инопланетянина»?

Он отпивает бледно-зеленую вязкую жижу:

– В точности соответствует названию.

Туристические магазинчики на городской площади Сент-Аньес – все для лыжного спорта, художественные салоны, ювелирные лавки, кондитерские – в одиннадцать вечера еще работают; гигантская рождественская елка все еще сияет огнями, а *crêpier*[38] в костюме гориллы бойко торгует блинчи-

---

[36] Надеюсь, это так же очаровательно, как ваши ангельские перси (*фр.*).

[37] Напитки для господ (*фр.*).

[38] Торговец блинчиками (*фр.*).

ками. Несмотря на пакетик с кокаином, только что приобретенный Четвинд-Питтом у Гюнтера, мы решаем отложить поход в клуб «Вальпурга» до завтрашнего вечера. Начинается снегопад.

– Черт побери, – говорю я, поворачивая назад. – Перчатку в «Ле Крок» забыл. Ребята, ведите Куинна домой, я вас нагоню…

Возвращаюсь в переулок, подхожу к «Ле Кроку». Навстречу мне вываливается компания скандинавов и скандинавок; заглядываю в круглое окошко бара, украдкой наблюдаю за худенькой официанткой, которая готовит кувшин сангрии. На девушку приятно смотреть; она напоминает неподвижного басиста в гиперактивной рок-группе. Панковский пофигизм сочетается в ней с поразительной четкостью движений. Чувствуется, что ее самообладание неколебимо. Гюнтер уносит кувшин в зал, она поворачивается и смотрит в окно, прямо на меня; я вхожу в прокуренный шумный бар и сквозь толпу подвыпивших гуляк пробираюсь к стойке. Ловко срезав ножом шапку пены с бокала пива, худенькая официантка подает его посетителю, и я тут же обращаюсь к ней с заранее заготовленным рассказом о забытой перчатке.

– *Désolé de vous embêter, mais j'étais installé là-haut…* – я указываю на Орлиное Гнездо, но она смотрит на меня так, словно видит впервые, – *il y a deux minutes et j'ai oublié mon gant. Est-ce que vous l'auriez trouvé?*[39]

[39] Простите, пару минут назад я сидел вон там… и забыл перчатку. Вам она

Невозмутимо, как Иван Лендл, свечой запустивший теннисный мяч во взбешенного хоббита, она нагибается и вытаскивает из-под стойки мою перчатку.

не попадалась? (*фр.*)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.